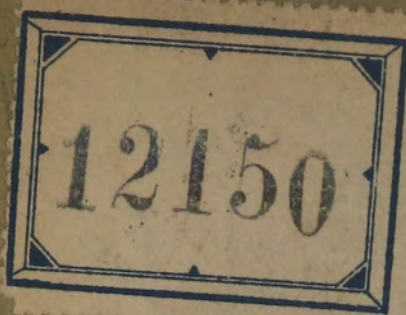

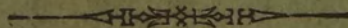
А. И. ЕЛИШЕВЪ.
(Ал. Буквевскій)

16103

Дворянское ДѢЛО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

МОСКВА.

1898.

12150

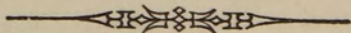

А. И. ЕЛИШЕВЪ
(Ал. Букѣвскій).

16103.

Дворянское ДѢЛО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

МОСКВА.

1898.

39

Библиотека ЦКФ СССР

Р

76798

Университетская типографія, Страстной бульв.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе.	
Скорбные листы помѣстнаго дворянства	1
Экономическое разстройство помѣстнаго дворянства.— Постановка дворянскаго вопроса и важная мѣра къ его разрѣшенію.—Отношеніе дворянства къ своимъ судь- бамъ.	
«Сліяніе сословій»	9
Существуютъ ли у насъ еще сословія? „Нивелировка сословій“ путемъ насильственнаго приниженія высшаго служилаго класса.—Результаты политики безсословно- сти.—Органическій и революціонный процессъ „сліянія сословій“.	
Дворянство въ уѣздахъ	24
Значеніе дворянства въ деревнѣ и въ городахъ.—Со- словно-общественныя дѣла.	
Спорное и безспорное въ дворянскомъ вопросѣ . . .	33
Сущность „дворянскаго вопроса“.—Положенія противъ- никовъ дворянства: „дворянство отжило свой вѣкъ“ и требованія справедливости.—Доводы сторонниковъ со- словнаго строя: историческія основы сословнаго дѣленія и связь его съ самодержавіемъ.	
Дворянскій вопросъ на очереди	51
Возникновеніе дворянскаго вопроса, не смотря на враждебность къ сословію „интеллигенціи“.—Дворянству нужны нормальныя условія существованія, а не субси- діи.—Возбужденіе вопроса по частному и по государ- ственному почину.—Нельзя терять времени.	

Дворянство и отмѣна крѣпостного права	60
Дворянство передъ 19 февраля 1861 г.—Способность къ участию въ управленіи крестьянства и городскихъ сословій.—Незамѣнимость въ правительственномъ дѣлѣ дворянства.	
Государственное значеніе дворянства.	70
Служилое и культурное значеніе дворянства.—Дворянство, какъ опора государственнаго порядка.—Нашъ старинный служилый укладъ.	
Дворянство въ нашемъ государственномъ строѣ.	77
Дворянство, какъ органъ Самодержавной власти.—Принципъ суверенитета народа и равенство; самодержавіе и сословность.—Монтескье о природѣ монархическаго правительства.	
Дворянство и бюрократія.	86
„Интеллигентная“ бюрократія.—Положеніе бюрократіи въ прошломъ.—Бюрократія, какъ переходная ступень къ парламентаризму. — Культурный слой и дворянство.	
Дворянство и «интеллигенція»	97
Наши главные роды людей. — Такъ называемая „интеллигенція“.—Новое политическое значеніе дворянства.	
Дворянство наканунѣ освобожденія крестьянъ.	111
Здравый взглядъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ на освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ быта. — Связь между политикой правительства и настроеніями дворянства.	
Сословныя привилегіи.	131
Необходимость сословныхъ привилегій. —Идея русскаго дворянства лишена своекорыстія.—Практическая основа сословнаго строя.—Идея равенства.—Заслуги предковъ.	
«Сословная рознь»	142
Сказаніе о „сословной розни“.—Возбужденіе вражды между сословіями.—Рознь не имѣетъ почвы въ нашемъ сословномъ строѣ.—Демократическая зависть.	
Служебныя права дворянъ.	152
I. Либеральная организація государственной службы.—Историческая справка. — Дѣйствующее законодатель-	

ство.—Исконныя основы нашей государственной службы.—Послѣдствія отмѣны служебныхъ преимуществъ дворянства.

II. Служебныя преимущества дворянъ и образовательный цензъ. — Предоставленіе государственной службы „интеллигенціи“. — Политическій цензъ. — Облегченіе выслуги чиновъ. — Увлеченіе образовательнымъ цензомъ.

Дворянство и его внутренніе враги..... 181

„Сословно-историческая почва“ дворянства. — Болѣзненные настроянія въ средѣ дворянства.

«Эволюція» дворянства..... 190

Полемика по дворянскому вопросу. — Дворянина, „распустившійся“ въ широкой жизни. — „Земское дворянство“.

Нарождающаяся буржуазія. 197

Одинъ изъ новыхъ типовъ нашего купечества. — Пополненіе рядовъ дворянства. — Лучшіе люди купечества. — „Интеллигенція“.

Законодательная охрана сословнаго землевладѣнія. 206

Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. — Поворотъ въ земельной политикѣ. — Забота о крестьянскомъ дворѣ и очередь дворянской усадьбы.

«Людей нѣтъ!»..... 214

Замѣстители помѣстнаго дворянства — купечество и торгующее крестьянство. — Деревенское безлюдье и люди Николаевского времени. — Посѣвы и всходы.

Устранить ли школа деревенское «безлюдье»?..... 220

„Майскій бальзамъ“ нашей публицистики. — Школа — только одинъ изъ факторовъ, создающихъ „людей“.

Помѣщичья усадьба..... 226

Наши безконечныя разрушенія и ломки. — Закрѣпленная усадьба.

Дворянскіе пансіоны..... 231

Нездоровая атмосфера нашихъ учебныхъ заведеній въ пореформенное время. — Сословныя воспитательныя заведенія.

Безвременіе помѣстнаго дворянства..... 240

Современное аномальное положеніе дворянства. —
Жизненность сословія и внѣшнія причины его временна-
го упадка.

Нѣсколько заключительныхъ словъ..... 245

ДВОРЯНСКОЕ ДѢЛО.

ДВОРЯНОЕ Д.П.О.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ собранъ рядъ статей, посвященныхъ описанію современнаго положенія русскаго дворянства и доказательству ненормальности этого положенія и важнаго государственнаго значенія сословія.

Посильному указанію мѣръ, которыя могли бы быть приняты съ цѣлію возстановленія утраченнаго въ пореформенную эпоху государственнаго значенія дворянства, авторъ имѣетъ въ виду посвятить особый трудъ, приготавлиаемый нынѣ къ печати.

Нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ статей въ цѣломъ видѣ или отрывками были помѣщены въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1893—96 гг. въ качествѣ статей руководящихъ. За любезное согласіе воспользоваться ими какъ матеріаломъ для настоящаго изданія авторъ считаетъ пріятнымъ долгомъ принести свою живѣйшую признательность бывшему издателю университетской газеты С. А. Петровскому.

СКОРБНЫЕ ЛИСТЫ ПОМѢСТНАГО ДВОРЯНСТВА.

Экономическое разстройство помѣстнаго дворянства.—Постановка дворянскаго вопроса и важная мѣра къ его разрѣшенію.—Отношеніе дворянства къ своимъ судьбамъ.

Каждую весну и осень послѣднихъ лѣтъ нѣсколько номеровъ *Правительственнаго Вѣстника* и нѣкоторыхъ столичныхъ повременныхъ изданій выходятъ въ необычайныхъ объемахъ. Причиной этого бываютъ объявленія государственнаго дворянскаго земельного банка о назначеніи въ продажу заложенныхъ имѣній...

Тягостное и гнетущее впечатлѣніе производятъ эти объемистыя тетради, полныя именъ дворянскихъ фамилій и родовыхъ вотчинъ, эти скорбные листы помѣстнаго дворянства, быстро тающего и исчезающаго на нашихъ глазахъ. Остановится ли этотъ процессъ? Есть ли силы остановить его,—вотъ вопросы важные и тревожные, значеніе которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, сознается далеко не всѣми.

Эти длинные списки фамилій, большинство которыхъ навсегда теряется для сословія, сливаясь съ пестрыми рядами разночинства, представляютъ собой, конечно, ликвидацію прежнихъ счетовъ, ликвидацію нашихъ сравнительно недавнихъ политическихъ ошибокъ и прегрѣшеній; это расплата за наше политическое легкомысліе шестиде-

сятыхъ годовъ, это тяжелое похмѣлье послѣ бурнаго и беззаботнаго кутежа реформенной эпохи. Если вспомнить то время и его благія намѣренія, чаянія и ожиданія, если принять во вниманіе господствовавшія тогда повально, какъ повѣтріе, политическія и общественныя увлеченія, охватившія не только образованный классъ населенія, но и самыя высоты государственнаго строенія, то настоящіе печальные результаты сдѣланныхъ тогда непоправимыхъ ошибокъ окажутся для насъ и понятными, и простыми, и неизбежными.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь быть либеральными, добрыми и щедрыми ко всѣмъ, а въ особенности къ простому, темному и безпритязательному меньшему брату, было такъ пріятно и радостно, такъ соотвѣтствовало тому расплывчатому душевному состоянію, въ которомъ находилось общество въ первые годы царствованія Императора Александра II. Общественная атмосфера того времени была какъ бы насыщена самыми вздорными иллюзіями, и путь для осчастливленія Русскаго народа, если не всего чело-вѣчества, казался такимъ прямымъ и ровнымъ. Само дворянство, великодушно помогавшее правительству развязать узелъ крѣпостныхъ отношеній, затачивавшійся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, всегда шло во главѣ всякихъ реформъ и защищало ихъ крайнее направленіе, искренно вѣруя, что изъ всего этого выйдутъ благія послѣдствія для всѣхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ, для знатныхъ и незнатныхъ, для отдѣльныхъ лицъ и сословій. Такія чисто революціонныя стремленія, какъ «слияніе» и «нивеллировка» сословій, признавались не только необходимыми въ государственномъ смыслѣ, но и благотѣльными даже для самого дворянства. И, конечно, едва ли многимъ приходило въ голову, что въ результатѣ столь доброжелательныхъ и прогрессивныхъ усилій можетъ оказаться, въ концѣ кон-

цовъ, то критическое положеніе сословія, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Экономическое легкомысліе не менѣе политическаго было причиной разоренія помѣстнаго дворянства. Эта несчастная мысль о томъ, что дешевый и «общедоступный» кредитъ въ состояніи обогатить насъ и водворить у насъ всеобщее матеріальное благополучіе, сослужила намъ плохую службу. Въ рукахъ помѣщиковъ, переживавшихъ трудные годы вслѣдствіе перехода отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному, кредитъ, *казавшійся* тогда дешевымъ, давая возможность жить сверхъ средствъ и затѣвать сельскохозяйственныя предпріятія на новыхъ, неиспытанныхъ началахъ, велъ лишь къ систематическому проживанію ранѣе нажитаго, къ послѣдовательному разоренію дворянства. Конечно, съ точки зрѣнія равенія сословій, только это и было нужно, хотя такая точка зрѣнія едва ли соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Русскаго народа...

Но все это уже безвозвратно прошло, и если обо всемъ этомъ не мѣшаетъ вспоминать, чтобы не повторять прежнихъ ошибокъ, то все же онѣ даютъ слишкомъ мало указаній на то, что дѣлать въ настоящемъ, какъ облегчить выходъ изъ тяжелаго положенія множеству семей полезныхъ для государства, а главное—какъ спасти для народной жизни одно изъ сословій наиболѣе для нея необходимыхъ. Конечно, вопросъ этотъ въ высшей степени труденъ и сложенъ, какъ трудно всякое дѣло созиданія и исцѣленія,—легко только разрушеніе и изувѣченіе; но все же нельзя сказать, что дѣло помѣстнаго дворянства, какъ сословія, совершенно потеряно, что ему не остается ничего болѣе какъ сойти съ исторической сцены. Признать это значитъ прежде всего открыть всѣ затворы для демократической волны, которая, затопивъ низы, станетъ уже безпрепятственно добираться и до верховъ.

Какъ въ незабвенное прошлое, такъ и въ благополучно текущее нынѣшнее царствованіе, дѣлались значительныя жертвы со стороны государства для поддержанія помѣстнаго дворянства. Но многія благія мѣры принимались разновременно и безъ одного общаго плана и, быть-можетъ, отчасти поэтому и оказывались не вполне достаточными. Во всякомъ случаѣ, очевидно, причины разоренія помѣстнаго дворянства столь глубоки и серьезны, что не поддаются тѣмъ палліативнымъ средствамъ, которыя уже принимались на пользу сословія.

Въ практику нашего высшаго государственнаго управленія давно уже вошелъ хорошій и полезный обычай предварительнаго разрѣшенія наиболѣе сложныхъ и трудныхъ вопросовъ помощію назначаемыхъ *ad hoc* комиссій изъ людей опытныхъ и спеціально изучившихъ данный вопросъ. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ такія комиссіи, въ отношеніи общаго направленія своей дѣятельности, получаютъ даже Высочайшія указанія. Нельзя назвать ни одного серьезнаго вопроса государственной жизни, разработка котораго не поручалась бы такимъ временнымъ учрежденіямъ, нерѣдко снабжаемымъ весьма обширными полномочіями, и можно безспорно сказать, что при нашемъ сантиментальномъ народничаньи, такая комиссія была бы давно уже назначена и успѣшно окончила бы свои труды, еслибы вопросъ шелъ, напримѣръ, о сохраненіи крестьянскаго землевладѣнія. Конечно, подобная комиссія давно необходима и по дворянскому вопросу. Но, къ сожалѣнію, къ сохраненію помѣстнаго дворянства у насъ съ шестидесятыхъ годовъ и до недавняго времени относились иначе: пусть себѣ существуетъ пока существуетъ, а если и исчезнетъ—не велика бѣда!—вотъ какъ можно выразить это отношеніе, сложившееся молча, постепенно, подъ вліяніемъ модныхъ повѣтрій.

Впрочемъ, повидимому, подобные взгляды уже не раздѣляются больше нашею современною государственною властью. Неоднократныя всемилостивѣйшія заявленія съ высоты Престола нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича и цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что высшее правительство особенно озабочено положеніемъ помѣстнаго дворянства. Наиболѣе крупной мѣрой, свидѣтельствующей объ этомъ, является учрежденіе, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 13 Апрѣля текущаго (1897) года, именно такой комиссіи, о которой мы только что говорили—Особаго Совѣщанія «для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ дворянскаго сословія и соображенія мѣръ, которыя могли бы обезпечить помѣстному дворянству способы нести и впредь его исконновѣрную службу Престолу и Отечеству».

Въ виду очевидной, ясной и настоятельной необходимости серіознаго изученія причинъ, вліяющихъ на численное сокращеніе помѣстнаго дворянства и ведущихъ къ упадку его матеріальнаго быта, нельзя не сочувствовать настоящей мѣрѣ правительства, какъ одному изъ первыхъ большихъ и рѣшительныхъ шаговъ къ разрѣшенію труднѣйшаго изъ вопросовъ текущей государственной жизни, и нельзя не пожелать Особому Совѣщанію возможно полного успѣха въ выполненіи возлагаемыхъ на него задачъ.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели же дворянство, оказавшее такія громадныя услуги нашей государственности и культурѣ, не заслуживаетъ того, чтобы, прежде чѣмъ окончательно помириться съ мыслию объ его ненужности для современной и будущей жизни Россіи, прежде чѣмъ этотъ смертный приговоръ для сословія войдетъ, такъ сказать, въ законную силу, онъ былъ бы продуманъ государствен-

ной мыслию и тщательно взвѣшенъ?—Неужели ежегодное разореніе тысячъ фамилій, основанныхъ государственными заслугами ихъ предковъ, стоитъ меньшаго вниманія, чѣмъ множество повседневно возникающихъ вопросовъ, надъ которыми мы такъ много думаемъ и о которыхъ такъ много говоримъ?

Самый фактъ учрежденія Совѣщанія выражаетъ уже основной взглядъ государственной власти на дворянскій вопросъ, взглядъ весьма далекій отъ демократическихъ тенденцій нѣкоторой части нашего общества. Мы едва ли впадемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что въ настоящее время мы переживаемъ тотъ фазисъ вопроса, по минованіи котораго станетъ уже совершенно яснымъ «быть или не быть» этому сословію и нашей исторической сословности. При такихъ обстоятельствахъ и въ связи съ тѣмъ, что было уже сдѣлано для дворянства въ теченіе прошлаго царствованія, является увѣренность, что исторически сложившееся отношеніе государственной власти къ дворянству осталось непоколебленнымъ и не поддастся напору отживающихъ свой вѣкъ западно-европейскихъ теорій. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что эти теоріи успѣли довольно глубоко проникнуть у насъ даже и въ дворянскую среду.

Въ самомъ дѣлѣ, далеко ли то время, когда въ средѣ самыхъ дворянскихъ собраній раздавались голоса, взывавшіе къ сліянію дворянства съ другими классами, иными словами, предлагавшіе самоубійство сословія?

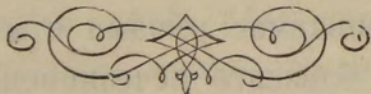
Существуетъ мнѣніе, что опаснѣйшими врагами дворянства были сами дворяне или, вѣрнѣе сказать, нѣкоторая часть сословія. И это мнѣніе имѣетъ серіозныя основанія. Недостаточно культурная часть дворянства не выдержала.

вихря революціонныхъ идей, донесшагося и до нашей страны, и на самое освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости смотрѣла не какъ на шагъ нашего самобытнаго культурно-историческаго развитія, а какъ на начало осуществленія французской утопіи «свободы, равенства и братства». Съ тѣхъ поръ, нерѣдко поощряемые ложнонаправленною политикой правительства, наши противугосударственные и противунаціональные элементы настолько окрѣпли, что претендуютъ уже составить особый разрядъ людей въ странѣ, именуемый «интеллигенціей» и исповѣдующій самыя широкія идеи безсословности и космополитизма. И этотъ-то разрядъ людей и поглощаетъ въ себѣ не только дворянъ, утратившихъ связи съ деревней, но иногда и дворянъ еще крѣпкихъ землѣ. За годы разстройства матеріальнаго быта, разрозненности и разобщенности членовъ сословія, успѣлъ сложиться пагубный индифферентизмъ къ судьбамъ его и значительно потускнѣли традиціонныя идеи о сословной солидарности и истинное пониманіе сословно-государственнаго значенія дворянства. Убаюкиваемое рѣчами о неизбежности и неминуемости своего близкаго исчезновенія, своей политической и соціальной смерти, дворянство само извѣрилось въ свои силы и въ свое полезное государственное назначеніе и тѣмъ самымъ развивало духъ политической деморализаціи и разложенія въ своей средѣ...

Но, слава Богу, эти печальныя времена проходятъ, и призванное вновь къ жизни Императоромъ Александромъ Александровичемъ, ободренное многочисленными обращеніями съ высоты трона въ нынѣ благополучно текущее царствованіе, русское дворянство начинаетъ все болѣе и болѣе уяснять себѣ свою важную роль въ грядущихъ судьбахъ нашего народа. По какому-то странному недоразумѣнію судьбы дворянства долго связывались у насъ съ судьбами

крѣпостнаго права. Ошибочность этого взгляда теперь нѣтъ надобности доказывать. Нельзя не пожелать, чтобы сознаніе государственнаго значенія дворянства стало настолько же ясно внутри самого сословія, какъ оно ясно, повидимому, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Сословная организація необходима въ монархическомъ государствѣ; но она невозможна безъ высшаго служилаго класса. Поэтому, заботясь о поддержаніи своего сословія, представители дворянства не только не должны бояться упрека въ томъ, что преслѣдуютъ узкія эгоистическія цѣли и дѣйствуютъ вопреки интересамъ другихъ сословій, но, напротивъ, могутъ быть твердо увѣрены, что исполняютъ свою важную обязанность относительно всего народа.

„СЛІЯНІЕ СОСЛОВІЙ“.

Существуют ли у насъ еще сословія? „Нивелировка сословій“ путемъ насильственнаго приниженія высшего служилаго класса. Результаты политики безсословности. Органическій и революціонный процессъ „слиянія сословій“.

Мы говоримъ о дворянствѣ, споримъ о его значеніи, думаемъ о мѣрахъ къ его поддержанію и къ обезпеченію въ будущемъ его исконной государственной роли... Но существуетъ ли у насъ дворянство, какъ особый разрядъ населенія, болѣе или менѣе отличный отъ остальной его массы, или званіе дворянина осталось лишь на бумагѣ, заполняя соотвѣтственныя графы статистическихъ сборниковъ и давая кое-какія проблематическія права? Можетъ быть, скажутъ, что этотъ вопросъ странно даже и ставить, что на него лишь можно отвѣтить другимъ вопросомъ: да, развѣ въ существованіи сословій можетъ быть какое нибудь сомнѣніе? Развѣ всякій живущій въ нашемъ отечествѣ не убѣждается въ этомъ изъ ежедневныхъ и ежечасныхъ наблюденій? Но, къ сожалѣнію, даже въ подобныхъ вопросахъ, въ вопросахъ о фактѣ, мы далеки до единогласія.

Принципіальные противники дворянства, утверждая, что наши сословія уже «слились» впадаютъ въ старую и вѣчную ошибку: свои надежды и ожиданія они принимаютъ за дѣйствительность. Справедливость требуетъ, впрочемъ,

сказать, что все пережитое нами въ послѣднія три десятилѣтія дало не мало поводовъ къ такимъ невѣрнымъ и неосновательнымъ заключеніямъ.

Большая часть нашей печати въ теченіе цѣлой четверти вѣка такъ настойчиво увѣряла насъ, что никакой сословной жизни у насъ нѣтъ, съ такимъ рвеніемъ старалась отучить насъ отъ «сословныхъ предразсудковъ» и отъ «сословной розни», что мы и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что сословія, слагавшіяся и существовавшія чуть не цѣлое тысячелѣтіе вдругъ исчезли на Руси, точно «по щучьему велѣнію». Да и какъ было не убѣдиться и не повѣрить? Пусть отдѣльныя лица могутъ ошибаться; пусть литературные кружки и партіи могутъ увлекаться и впадать въ односторонность, но на лицо были факты болѣе вѣскіе и внушительные: все наше законодательство позапрошлаго царствованія, за ничтожнымъ исключеніемъ, систематически игнорировало существованіе нашихъ древнихъ бытовыхъ группъ, какъ будто ихъ и не было вовсе; вся наша внутренняя политика съ шестидесятыхъ годовъ вдругъ свернула на «всесловную» или, говоря вѣрнѣе, «безсословную» дорогу...

Но народная жизнь—не политика, и заморскіе вѣтры, такъ долго бурлившіе теченіе этой жизни, безсильны измѣнить ея историческое, самобытное русло. Какъ ни велико у насъ, при нашемъ государственномъ устройствѣ, значеніе верхнихъ направленій, но все же они безсильны увлечь за собой тихія глубины народнаго быта.

Одною изъ главныхъ общественныхъ задачъ, выдвинутыхъ «эпохой реформъ», было такъ-называемое «слияніе сословій». Чисто революціонная идея эта открыто пропо-

вѣдывалась въ печати *), съ кафедръ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вполнѣ благонамѣренные люди съ юношескимъ легкомысліемъ упивались этимъ русскимъ подражаніемъ французскому девизу о равенствѣ и братствѣ, довольствуясь самыми смутными представленіями какъ о формахъ, такъ и о послѣдствіяхъ практическаго осуществленія своихъ мечтаній. Всѣ реформы прошлаго царствованія, начиная съ судебной и земской и кончая установленіемъ общей воинской повинности, какъ основанныя на началѣ безусловности, имѣли явною и очевидною цѣлю «нивелировку сословій» и тѣмъ какъ бы санкціонировали движеніе, происходившее въ обществѣ и имѣвшее своею конечною задачей пересозданіе дворянства, крестьянства и купечества въ однородную и безусловную массу «гражданъ». Но едва ли наши новаторы шестидесятыхъ годовъ давали себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ, чего они хотѣли. Въ самомъ дѣлѣ, что собственно значить «слияніе сословій»? Когда мы говоримъ, напримѣръ, о слияніи двухъ рѣкъ, мы разумѣемъ подъ этимъ соединеніе двухъ, текущихъ отдѣльно другъ отъ друга, потоковъ въ одинъ потокъ, въ которомъ происходитъ полное смѣшеніе ихъ водъ. Подобно этому подъ словомъ «слияніе сословій» можно подразумѣвать лишь такой процессъ, въ результатъ котораго вмѣсто нѣсколькихъ сословій съ бытовыми особенностями, присущими каждому изъ нихъ, образуется однородная по своему составу людская масса съ новыми нравами, обычаями и особенностями.

*) Не говоря уже про журналистику шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, даже въ царствованіе Императора Александра III еще можно было у насъ читать такіа, напримѣръ, строки: „народное благо требуетъ возможно большаго уравниенія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ группъ и классовъ населенія...“. *Вѣстникъ Европы*, іюль, 1882 г., Внутрен. Обозрѣніе, страница 312.

Какъ можетъ совершиться такое «слиянiе»? Нѣкоторые думаютъ, что оно имѣетъ одновременно два направленiя — сверху внизъ и снизу вверхъ, т. е. состоитъ въ томъ, что культурный уровень высшихъ сословiй понижается, въ то же время какъ низшихъ — повышается. Но это глубокая ошибка. Всякое «слиянiе», производимое не самостоятельнымъ социальнымъ процессомъ, а распоряженiями и велѣнiями государственной власти, совершается только путемъ насильственнымъ, путемъ ломки и разрушенiя, такъ какъ только отрицательныя мѣры даютъ быстрый результатъ. Наоборотъ, мѣры положительнаго характера, направленные къ созиданiю и поднятiю культуры, — какъ народное образованiе, развитiе общественнаго благоустройства и т. п., — приносятъ свой плодъ лишь на протяженiи извѣстнаго, болѣе или менѣе значительнаго времени. А въ такія эпохи чисто революціоннаго характера, когда вдругъ заявляется настоятельнѣйшая государственная нужда въ томъ, чтобы «слить сословiя», время не терпитъ и принимаются лишь мѣры, способныя дать немедленный результатъ, способныя удовлетворить, такъ называемымъ, «требованiямъ времени», т. е. требованiямъ большей или меньшей людской толпы или кружковъ политическихъ дѣятелей, получившихъ влiянiе на ходъ государственной жизни.

Сообразно этому и наше «слиянiе сословiй» могло происходить и дѣйствительно происходило исключительно въ направленiи приниженiя высшаго сословiя — помѣстнаго дворянства. Въ силу особенностей пореформенной деревенской жизни и культурный уровень крестьянства не только не повысился, а скорѣе понизился такъ же, какъ понизилось и крестьянское благосостоянiе. Такимъ образомъ, усилiя нашихъ уравниателей въ дѣйствительности направлялись лишь къ тому, чтобы воспитаннаго, образованнаго, пользующагося извѣстнымъ достаткомъ дворянина-

помѣщика превратить въ темнаго, снискивающего свое пропитаніе тяжелымъ физическимъ трудомъ крестьянина, фабриканта и промышленника — низвести до культурнаго уровня рабочаго и мастера и т. п. Совершенно ясно, что такая «нивелировка сословій» имѣетъ въ основѣ своей чисто социалистическую теорію и что наше равеніе по своему смыслу и духу было такимъ же революціоннымъ актомъ, какъ и извѣстные акты французскаго конвента.

На наше передовые — и увы! даже государственные — мужи, заявившіе въ сущности такія же требованія о всеобщей нивелировкѣ, какія провозглашала чернь первой французской революціи, повидимому, и не подозрѣвали всего ужаснаго смысла произносимыхъ ими словъ. Приниженіе людей культурныхъ и образованныхъ, привыкшихъ къ власти и полезно и достойно носившихъ ея бремя, до уровня вчерашнихъ рабовъ, простыхъ хлѣбопашцевъ, обитавшихъ въ нашихъ непроходимыхъ лѣсахъ и безконечныхъ степяхъ, поселянъ, которыхъ едва коснулась гражданственность, — казалось тогда такимъ полезнымъ, прогрессивнымъ и высокогуманнымъ дѣломъ.

Не только въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда всякія политическія увлеченія были особенно живы и сильны, но даже въ наши дни, даже въ части повременной печати претендующей на серьезность, высказываются поразительные по ихъ поверхностности взгляды на «сліяніе сословій». Вотъ что, напримѣръ, можно было еще недавно прочесть въ одной изъ столичныхъ газетъ: *) «Сліяніе сословій, впрочемъ, далеко не полное, было совершившимся фактомъ уже съ изданіемъ Положенія 19-го февраля 1861 г. и Положенія о земскихъ учрежд. 1-го

*) См. *Русс. Вѣдомости*, № отъ 3-го Марта 1891 г., ст. Г. Д. — „Отчего людей вѣтъ?“ Курсивъ нашъ.

января 1864 г. Именно этимъ сліяніемъ сословіи, при которомъ только и возможно было участіе въ судѣ присяжныхъ крестьянина, «вчерашняго раба», рядомъ съ его господиномъ, и объясняется указанный поразительный успѣхъ судебной реформы». Согласно этому наивному мнѣнію достаточно издать законъ, чтобы, точно по мановенію волшебнаго жезла, совершенно различныя по своимъ правамъ, обычаямъ, степени культурности, образованія и т. п. сословія «слились» воедино—точно двѣ жидкости, послѣ того какъ убрана раздѣлявшая ихъ непроницаемая перегородка!.. Дифференціація сословіи происходила у насъ по крайней мѣрѣ столько же вѣковъ, сколько Россія имѣетъ за собой исторической жизни—и вотъ являются политики, которые хотѣли бы однимъ изданіемъ нѣсколькихъ законовъ уничтожить результатъ этого тысячелѣтняго соціальнаго процесса!...

Къ чему привело это движеніе и каковы были его результаты? Помѣстное дворянство оказалось дезорганизованнымъ, ослабленнымъ численно и экономически; ряды его быстро рѣдѣютъ; почетность званія поколеблена утратой прежней государственной роли и сопряженныхъ съ нею правъ и обязанностей. Вообще безспорно, что это сословіе болѣе другихъ подверглось тяжкимъ ударамъ духа времени. Не станемъ ихъ перечислять—они у всѣхъ еще въ памяти, а вещественные слѣды ихъ и теперь еще наводятъ на путника уныніе и тоску почти въ любомъ уголкѣ Европейской Россіи. Да, эти разрушенныя усадьбы, эти «расчищенные» сады и парки, эти высохшіе пруды и вырубленные вѣковые лѣса еще долго будутъ служить печальными памятниками нѣкогда цвѣтущей культуры. Иные мирные «перевороты» бываютъ разрушительнѣе вражескихъ нашествій.

За четверть вѣка бытъ дворянства пришелъ въ крайнее разстройство, оно оскудѣло матеріально, утратило много земель, упало духомъ, какъ сословіе, и утратило почти всѣ свои права и преимущества. Тѣмъ не менѣе, ему еще принадлежитъ наибольшая площадь частновладѣльческихъ земель, и число дворянъ-землевладѣльцевъ, мелкихъ и крупныхъ, достигаетъ многихъ десятковъ тысячъ. Характерныя бытовыя черты прежняго дворянства и отношенія къ другимъ сословіямъ во многомъ измѣнились, во многомъ и дворянства коснулся духъ времени, но едва-ли кто-нибудь станетъ утверждать, что наше дворянство «слилось» съ крестьянствомъ. Воспитаніе и гражданское развитіе, условія труда и общественной дѣятельности, повседневные обычаи и правовыя воззрѣнія, традиціи и преданія, словомъ,—весь складъ жизни рѣзко обособляютъ эти сословныя группы одну отъ другой. Ни совмѣстное участіе въ земскихъ собраніяхъ, ни засѣданія на одной и той же скамьѣ въ судѣ присяжныхъ—увы!—ни на шагъ не подвинули «сближеніе» сословій, которое такъ самоувѣренно возвѣщалось, какъ наступающее и даже наступившее.

Случилось даже нѣчто совершенно обратное и неожиданное. Вѣковыя связи, сближавшія сословія однороднымъ занятіемъ земледѣліемъ и множествомъ общихъ интересовъ, были рѣзко разорваны, а вмѣсто нихъ полное административное и судебное неустройство сельскаго населенія внесло въ отношенія между крестьянами и помѣстнымъ дворянствомъ вполнѣ чуждые имъ до того времени элементы вражды и недоброжелательства. Вмѣсто «слианія» явились взаимная отчужденность, и, безспорно, что, какъ во время крѣпостного права, такъ и въ первые годы по освобожденіи, помѣщикъ стоялъ ближе къ крестья-

янину, имѣлъ съ нимъ болѣе общаго, чѣмъ десять лѣтъ спустя.

«Въ Россіи прежней, оставшейся позади, писалъ М. Н. Катковъ *), мы видимъ крѣпкое единство двухъ самыхъ коренныхъ элементовъ народной и государственной жизни. Мы видимъ самое тѣсное, самое непосредственное единство между материкомъ, на которомъ все стоитъ и все держится,—крестьянствомъ,—и тѣмъ высшимъ классомъ народа,—землевладѣльческимъ дворянствомъ, въ которомъ заключалась главная дѣйствующая сила нашей государственной жизни. Вся крѣпость Русскаго государства держалась на этомъ единствѣ двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ».

Вспомните Николая Ростова изъ «Войны и Мира», этотъ прелестный типъ малообразованнаго, грубоватаго, но всегда искренняго и своеобразнаго помѣстнаго дворянина крѣпостной эпохи; суровый и строгій съ своими крестьянами, воображавшій даже себѣ, «что онъ терпѣть не можетъ мужика», «онъ всѣми силами души любилъ этотъ нашъ русскій народъ и его быть», такъ что графиня Марья даже «ревновала своего мужа къ этой любви его». Конечно, можно сказать, что эта духовная связь прежняго помѣщика съ крестьянами обуславливалась существованіемъ крѣпостного права, учрежденія, давно и безусловно отжившаго свой вѣкъ, но все же такіе типы, какъ Ростовъ,—а ихъ не мало въ безсмертныхъ произведеніяхъ нашей литературы,—вполнѣ подтверждаютъ только что высказанную нами мысль **). Во всякомъ

*) См. *Московскія Вѣдомости*, 1863 г., № 205.

**) Извѣстный публицистъ кн. А. Васильчиковъ говоритъ про главную массу нашего помѣстнаго дворянства крѣпостной эпохи: „Во всякомъ случаѣ это среднее и мелкопомѣстное дворянство стояло къ народу ближе, чѣмъ всѣ прочія сословія, знало его нужды и пользы лучше, чѣмъ правительство..“ (*Землевладѣніе и Земледѣліе*, Спб., 1896 г. стр. 468).

случаѣ отношеніе деревни къ сосѣдней помѣщичьей усадьбѣ, какъ къ вражескому стану—печальное, но весьма нерѣдкое явленіе позднѣйшаго времени—едва-ли свидѣтельствуешь въ пользу «общенія сословій».

Своеобразный бытъ многомилліонной массы сельскаго населенія, этого источника нашей государственной мощи, во многомъ испорченъ, во многомъ заразился отрицательными сторонами западно-европейской цивилизаціи. Крестьянство на нашихъ глазахъ измѣнило свой еще недавно простой и обезпеченный образъ жизни, дѣдовскіе нравы и обычаи, подражая горожанамъ въ одеждѣ, пищѣ и т. п. Непомѣрное развитіе пьянства, со всѣми его послѣдствіями; распространеніе роскоши на ряду съ явнымъ ухудшеніемъ общаго экономическаго благосостоянія,—таковы печальныя и общеизвѣстныя черты пореформенной жизни нашей деревни. Но все же въ главномъ, въ основѣ своей она осталась такой же самобытной, какой была при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Самые крайніе сторонники «уравнительныхъ» теорій не утверждаютъ противнаго. Такъ, какъ ни разнообразны были мнѣнія печати о послѣднемъ преобразованіи волостныхъ судовъ, всѣ они сходились въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ области гражданскихъ отношеній къ крестьянской средѣ вполнѣ непримѣнимы наши законы о правѣ собственности—до такой степени бытъ главной массы нашего сельскаго населенія отличенъ отъ быта другихъ сословій.

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о купечествѣ, о промышленномъ классѣ, о нашемъ «третьемъ» сословіи. Безъ сомнѣнія ассимиляція съ дворянствомъ въ бытовомъ отношеніи сдѣлала здѣсь болѣе замѣтные шаги, но и то лишь исключительно въ небольшихъ кружкахъ

очень богатаго и сравнительно образованнаго купечества столицъ и крупныхъ городовъ.

Усвоивъ себѣ по преимуществу лишь одинъ внѣшній лоскъ европеизма, эта часть сословія широко раздвинула свои ряды для массы иноземныхъ выходцевъ и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе космополитическій оттѣнокъ богатой буржуазіи. На всемъ же остальномъ протяженіи имперіи бытъ купечества, вообще у насъ немногочисленнаго и невліятельнаго, измѣнился болѣе по внѣшности. Оно нѣсколько «цивилизовалось», утратило простоту прежняго образа жизни, въ повседневномъ обиходѣ стремится подражать дворянству. Но особенность профессиональных занятій налагаетъ неизгладимый сословный отпечатокъ какъ на его міровоззрѣніе и гражданское развитіе, такъ и на отношенія къ остальному населенію, и нашъ современный промышленный классъ такъ же чуждъ настоящей «землѣ», т. е. крестьянству и помѣстному дворянству, какъ и въ былое время.

Одно время купечество весьма охотно скупало помѣстья разорившихся дворянъ. Но, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ оно плохо удерживается на землѣ и, истощивъ почву и вырубивъ сады, парки и лѣса, возвращается къ своимъ исконнымъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе многіе представители этого сословія обратились въ настоящихъ сельскихъ хозяевъ и не безъ успѣха ведутъ свое дѣло. Быть можетъ, съ теченіемъ времени путемъ заслугъ передъ государствомъ имъ суждено будетъ пополнить собою разстроенные ряды нашего земельного дворянства.

Эта мысль о томъ, что наше общество чуть ли не на другой день по освобожденіи крестьянъ демократизовалось и выравнилось, наиболѣе распространена въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, среди столичныхъ жителей,

знающихъ лишь шумную городскую жизнь съ всенивелирующимъ значеніемъ въ ней капитала. Но города въ Россіи имѣютъ вообще ничтожное бытовое и культурное значеніе и сословную жизнь слѣдуетъ наблюдать не въ нихъ, а въ уѣздахъ, въ селахъ и деревняхъ, въ нѣдрахъ народа.

Итакъ, каковы же были результаты политики «слиянія сословій», столь усердно и послѣдовательно проводимой въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ?

Какъ ни была разрушительна насильственная «нивеллировка», проводимая сверху, какъ ни глубоки слѣды, оставленные ею въ жизни всего народа и каждого сословія въ отдѣльности, она все же не достигла своей главной цѣли—«слиянія сословій». Идея этой ломки «сословныхъ перегородокъ» была слишкомъ чужда всему нашему соціальному строю; она пришла къ намъ извнѣ, изъ-за моря, а не назрѣла въ глубинахъ народной жизни; она не только не была общесознанною потребностью, но шла въ разрѣзъ со взглядами, вкусами, мнѣніями и привычками подавляющаго большинства. Она имѣла за себя только ничтожную группу верховодейшей «интеллигенціи», и вся сила ея заключалась лишь въ ложно направленной рѣшимости государственной власти.

«Нивеллировка сословій» была, поэтому, безспорнымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ насиліемъ надъ общественнымъ строемъ и бытомъ, слагавшимся вѣками. Но разрушительная работа ея, какъ и при всякомъ насиліи, была по преимуществу внѣшняя. Политика «равненія» подорвала благосостояніе и крестьянства, и дворянства, она разстроила сословную жизнь и исказила быть и того и другаго сословія, но, конечно, ни о какомъ «слияніи» этихъ сословій не можетъ быть и рѣчи.

Существуют различныя мнѣнія о томъ, представляется ли сліяніе, взаимная ассимиляція сословныхъ группъ, явленіемъ прогресса или регресса въ жизни человѣческихъ обществъ даже тогда, если это сліяніе совершается естественнымъ ходомъ органическаго развитія. Но куда бы ни привелъ такой процессъ въ своемъ конечномъ результатѣ, болѣе или менѣе тѣсная причинная связь между его безчисленными стадіями придаетъ ему характеръ нормальности и послѣдовательности. Въ этомъ случаѣ взаимная ассимиляція сословій совершается прежде всего въ условіяхъ быта, интеллектуальнаго и гражданскаго развитія. Только по мѣрѣ такого фактическаго сліянія измѣняются и правовыя воззрѣнія и неизбѣжно влекутъ за собою соотвѣтственное преобразование юридическихъ нормъ: отжившія формы отпадаютъ безболѣзненно, какъ засохшіе листья, и замѣняются новыми...

Таковъ ли былъ путь, по которому долженъ былъ совершаться нашъ процессъ сліянія сословій? Нѣтъ, намъ суждено было избрать явно ненормальный, обратный порядокъ: мы начали съ измѣненія нашихъ юридическихъ нормъ и хотѣли вогнать въ нихъ и нашъ бытъ, и весь самобытный складъ нашей жизни.

Можемъ ли недоумѣвать, что такой ложный путь не привелъ къ намѣченной цѣли? Будемъ ли удивляться болѣзненному процессу, обрубивъ еще зеленые листья?

Реформы прошлаго царствованія, поставивъ на мѣсто старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ учрежденій, новыя, болѣе совершенныя, безспорно, принесли много пользы; но эта польза въ значительной мѣрѣ парализовалась крупнымъ органическимъ недостаткомъ: въ основу почти всѣхъ преобразованій было положено принудительное «равненіе» сословій, принципъ безсословности, тогда какъ въ дѣйствительности общество продолжало оставаться такимъ же

сословнымъ, какимъ оно было и во времена крѣпостного права. *)

Законодательство, такъ называемой, «эпохи реформъ» видѣло передъ собою гораздо болѣе отвлеченнаго, во-ображаемаго «гражданина», чѣмъ реального крестьянина купца и помѣщика. Изъ за предполагаемаго, чаемаго сліянія этихъ нашихъ трехъ основныхъ типовъ обывателей игнорировались насущныя общественныя потребности, обусловливаемыя особенностями сословнаго быта, но все же никакого «сліянія» не произошло. И если къ концу трехъ десятилѣтій сословія оказались въ чемъ дѣйствительно «уравненными», то развѣ въ отношеніи упадка и обѣдненія.

«Сліяніе сословій» можетъ происходить лишь путемъ медленнаго внутренняго процесса, который совершается въ повседневномъ быту, въ постоянномъ общеніи, въ семьѣ, въ родственномъ союзѣ, путемъ общности интересовъ, цѣлей, средствъ существованія, путемъ совмѣстнаго труда и матеріальныхъ связей, путемъ утраты сословныхъ завѣтовъ, преданій и обычаевъ, и т. п. и т. п. Такой процессъ, если и есть у насъ, то развѣ въ столь зачаточномъ состояніи, что нисколько не нарушаетъ безусловно сословнаго строя нашего общества, который лишь отчасти поврежденъ и расшатанъ «эпохой реформъ». Семья помѣщика, семья крестьянина и семья купца вполне сохранили типичнѣйшія особенности соотвѣтственной среды, ея воззрѣній, занятій, уклада повседневной жизни, хотя и значительно измѣнившихся въ послѣднюю четверть вѣка,

*) „Имя Императора Александра II, говоритъ кн. Д. Н. Цертелевъ, неразрывно связано съ освобожденіемъ крестьянъ; но усердые не по разуму, сторонники демократическаго прогресса хотѣли бы сдѣлать изъ него не только Царя-Освободителя, но и Царя-Уравнителя“. (См. *С.-Петербург. Вѣдом.* № 200, 1797 г.).

но все же рѣзко и существенно различныхъ у каждаго изъ этихъ трехъ основныхъ нашихъ классовъ.

Другими словами: упраздненіе сословныхъ группъ на бумагѣ, не уничтожило ихъ въ жизни. Сколь ни потрудились и наша литература, и наша «интеллигенція» надъ «сліяніемъ сословій», какъ ни много было разрушено подъ этимъ знаменемъ въ нашей самобытной культурѣ, все же это «сліяніе» существуетъ больше въ воображеніи, чѣмъ на дѣлѣ.

Эта мысль прекрасно выражена еще нашимъ извѣстнымъ ученымъ, проф. А. Градовскимъ, который говоритъ въ своихъ *Началахъ Русскаго Государственнаго права* *): «Всесословное начало появилось въ нашихъ учрежденіяхъ внезапно. Появленію его не предшествовалъ долгій историческій процессъ, сглаживающій постепенно общественныя и сословныя различія; оно появилось, можно сказать, на другой день послѣ отмѣны крѣпостного права...

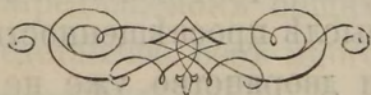
Поэтому мѣстное «всесословное» общество осталось на степени желаемого, ожидаемого, но не настоящаго; оно не имѣетъ организаціи, ибо сліяніе сословій не совершилось доселѣ тамъ, гдѣ оно должно совершиться—въ мелкихъ общественно-административныхъ единицахъ, въ условіяхъ ежедневнаго обращенія и общенія въ самыхъ близкихъ интересахъ.

Мѣстное «общество» представляется поэтому чѣмъ то безформеннымъ; его всесословныя собранія состояются фактически изъ представителей разныхъ сословій по волѣ закона и искусственно больше, чѣмъ въ силу насущной необходимости. Поэтому въ немъ нельзя найти той точки опоры, какая въ прежнее время найдена была въ дворянствѣ.»

*) Томъ III, Органы мѣстнаго управленія, Ч. I, стр. 47.

Все вышеизложенное мы высказали въ надеждѣ подкрѣпить нашу главную мысль: современная Россія живетъ такою же сословною жизнью, какъ и въ крѣпостную эпоху, но политика «сліянія», проводимаго сверху въ теченіе прошлаго царствованія, привела къ разстройству и упадку оба основныя наши сословія — и крестьянство и дворянство.

Обстоятельство это представляется въ высшей степени важнымъ, такъ какъ имъ обусловливается *возможность* возвращенія дворянству его государственнаго значенія.

ДВОРЯНСТВО ВЪ УЪЗДАХЪ.

Значеніе дворянства въ областной жизни.—Дворянство въ деревнѣ и въ городахъ.—Сословно-общественныя дѣла.

Печальная страница изъ исторіи дворянства, заполненная послѣднимъ тридцатилѣтіемъ, подаетъ нерѣдко поводъ къ безчуждой пессимистической, какъ намъ кажется, оцѣнкѣ современнаго значенія сословія. Такъ лица, принципиально сочувствующія сословности и незараженные демократическими предразсудками, печатно высказываютъ, что «въ смыслѣ просвѣщенности, научныхъ знаній и трудовой энергіи дворянство уже не стоитъ на уровнѣ требованій современной жизни, предъявляемыхъ первенствующему сословію въ государствѣ» и что, если дворянство «въ большинствѣ случаевъ и сохраняетъ *de jure* первенствующее положеніе, то *de facto* уже давно и повсюду находится въ подчиненіи и зависимости отъ другихъ общественныхъ элементовъ, выдвинувшихся въ послѣднее десятилѣтіе текущаго вѣка» *).

Основательно зная нашу провинцію и ея социальное разслоеніе, едва-ли можно согласиться съ правильностью этого взгляда на современное дворянство. Значительное обезземеленіе сословія, упадокъ его матеріальнаго быта и

*) См. С. Петербургскія Вѣдомости, № 15, 1896 г.

серіозное численное сокращеніе—все это безспорные факты, но, часто вспоминаемые и обсуждаемые въ печати, они принимаютъ черезчуръ мрачную и не совсѣмъ вѣрную окраску. Каждый, кто знакомъ съ нашею областною жизнью, надѣюсь, согласится со мною, что, несмотря на всѣ свои невзгоды и, можно даже сказать, критическое положеніе, дворянство сохраняетъ свое «первенствующее положеніе» въ провинціи не *de jure* только, но и *de facto*.

Я хорошо знаю двѣ изъ нашихъ внутреннихъ губерній, знаю частью лично, частью по дѣловымъ сношеніямъ и по наслышкѣ все, что въ этихъ губерніяхъ общественная жизнь выдвинула на свою поверхность, всю «соль» мѣстной земли. Могу сказать, что знаю помѣстное дворянство этихъ губерній, ихъ купечество, ихъ разночинство и даже ихъ крестьянство—какъ въ лицѣ отдѣльныхъ представителей этихъ разрядовъ населенія, такъ и въ ихъ цѣломъ, опредѣляемомъ общими, типичными чертами. Я живо представляю себѣ многочисленныя и разнообразныя общественныя собранія этихъ губерній, собранія, вообще говоря, привлекающія къ себѣ, если не всѣ, мѣстныя земскія силы, то большую ихъ часть—и вотъ что я могъ бы сказать о положеніи и значеніи дворянства среди мѣстнаго общества.

Представьте себѣ залу дворянскаго собранія любой изъ этихъ губерній за нѣсколько часовъ до дворянскихъ выборовъ; представьте себѣ 200—300 человекъ наполняющихъ ее пестрою, оживленною и шумною толпой, и, если вы знаете хорошо личный составъ верхнихъ слоевъ мѣстнаго населенія, если вы знакомы со всѣмъ, что хотя сколько-нибудь поднимается надъ ровною поверхностью народной массы, вы, не колеблясь, согласитесь, что въ этомъ дворянскомъ домѣ собралось дѣйствительно все,

что только есть въ губерніи наиболѣе развитого умственнаго, наиболѣе воспитаннаго политически, наиболѣе образованнаго и культурнаго изъ ея населенія. Вообразите, что эта зала съ ея возбужденною, горячо дебатирующею толпой внезапно исчезла какимъ-нибудь злымъ волшебствомъ, окиньте затѣмъ умственнымъ взоромъ всю губернію съ ея обширными пространствами и безчисленными деревнями, съ ея опустѣлыми усадьбами и городами, похожими на деревню, и вы согласитесь, что, лишась своего дворянства, губернія лишилась всего своего верхняго, культурнаго, образованнаго и привычнаго къ дѣлу управленія слоя.

Этотъ слой состоитъ къ тому же не изъ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою гражданъ, эта оживленная толпа—не случайное сборище людей. Это общественная корпорація, это—сословіе, т. е. отдѣльный социальный организмъ, имѣющій свою исторію и преданія, свои завѣты и обычаи, свои идеалы и честь, свою старину и свои дорогія могилы, свои подвиги и покаянія, свою коллективную мысль и общественную совѣсть. Силы отдѣльныхъ членовъ корпораціи, благодаря взаимной связи и поддержкѣ, неизмѣримо увеличиваются и культурное и политическое значеніе ея среди одного-двухъ миллионнаго населенія темныхъ поселянъ и рабочихъ велико и трудно оцѣнимо. Если въ народную среду нашу проникли понятія благородства и чести, «понятія о правѣ, о Богѣ», гражданственность и патріотизмъ, гуманныя чувства и смягченные нравы, то главнымъ проводникомъ всего этого было наше помѣстное дворянство, руководимое сословными традиціями и долгомъ и сдерживаемое сословной дисциплиной и сословнымъ общественнымъ мнѣніемъ. *Noblesse oblige.*

Въ самомъ дѣлѣ, уберите только этихъ недостаточно просвѣщенныхъ и недостаточно дѣятельныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, дворянъ и оглянитесь вокругъ себя: вы увидите, что ихъ нечѣмъ замѣнить. Нечего и говорить про деревню. Кто останется въ ней надъ сѣрою массой крестьянства? Священникъ, становой приставъ, какой-нибудь земскій агентъ, деревенскій «кулакъ», волостной писарь—и только. Но у священника своя особая и при томъ сложная и многотрудная миссія. Онъ не участвуетъ въ мірскихъ дѣлахъ вообще, а тѣмъ болѣе въ дѣлахъ управленія. Кто же остается затѣмъ? И не находится же современное дворянство «въ подчиненіи и зависимости», какъ говорится въ приведенной цитатѣ, отъ земскихъ агентовъ, народныхъ учителей и становыхъ приставовъ?

Но перейдемъ въ города и начнемъ съ областной столицы. Никакого бытового слоя равнаго по своей культурности помѣстному дворянству вы, конечно, не найдете въ нашихъ заурядныхъ губернскихъ городахъ—исключенія можетъ-быть составляютъ крупные центры торговли и промышленности и умственной жизни. Верхи губернскаго общества составляетъ то же помѣстное дворянство вмѣстѣ съ высшею мѣстной бюрократіей. Но эту бюрократію нельзя брать въ счетъ, такъ какъ она не имѣетъ никакихъ связей и никакого отношенія къ мѣстному населенію и лучшая часть ея состоитъ обыкновенно изъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, всецѣло поглощенныхъ своимъ дѣломъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго интереса въ мѣстной земской жизни. Это юристы, военные, врачи, учителя, инженеры, и т. д. и т. д., живущіе въ провинціи, какъ на бивуакахъ, всегда готовые въ путь, именуемый «движеніемъ по службѣ», и для которыхъ милѣе тотъ городъ, въ которомъ лучше театры, рестораны и общественные сады. Средняя и мелкая гу-

бернская бюрократія и въ особенности зеленая молодежь, вновь вступающая въ ея ряды, воспитанная на нашей журналистикѣ и примыкающая къ нашему новѣйшему сословію—всероссійской «интеллигенціи»—еще пытается проявить какую-нибудь жизнь помимо узкихъ рамокъ своихъ служебныхъ занятій, но все же какъ ни оскудѣло своими силами наше помѣстное дворянство, нельзя допустить и мысли о «подчиненіи и зависимости» его отъ этихъ «бездомныхъ скитальцовъ», этого многочисленнаго бюрократическаго пролетаріата. Есть еще представители свободныхъ профессій, но ихъ—врачей, адвокатовъ и т. п.—едва наберется съ десятокъ въ губернскомъ городѣ и при томъ они такъ заняты своимъ дѣломъ, своимъ добываніемъ хлѣба, что не имъ, подобно образованной части буржуазіи въ Западной Европѣ, претендовать на какую-нибудь роль и вліяніе въ общественной жизни губерніи.

Остается торгово-промышленный классъ. Но провинціальное купечество въ его отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ осталось почти тѣмъ же, чѣмъ оно было и въ дореформенную эпоху. Съ десятокъ, а то и гораздо меньше, солидныхъ купеческихъ домовъ, изъ которыхъ большая часть придерживается старины и ведетъ замкнутую жизнь въ своей сословной средѣ, а меньшая проявляетъ свою «интеллигентность» въ томъ, что болѣе или менѣе безуспѣшно во внѣшнемъ образѣ жизни старается подражать дворянству и затѣмъ многочисленные ряды мелкихъ купцовъ и примыкающаго къ нимъ мѣщанства, вполне погруженные въ тяжкій повседневный трудъ и которымъ некогда думать ни о чемъ другомъ—вотъ что можетъ выставить наше «третье сословіе» въ противовѣсъ культурному и политическому значенію помѣстнаго дворянства...

«У насъ, говоритъ проф. Б. Н. Чичеринъ *), сколько нибудь зажиточное и образованное купечество можно найти только въ столицахъ и немногихъ большихъ городахъ. Всё остальное громадное пространство земли состоитъ исключительно подъ вліяніемъ землевладѣнія».

Уѣздные города—это миниатюрныя копіи съ губернскихъ. Чиновничество въ нихъ еще мельче и ничтожнѣе, купечество—еще менѣе образовано и менѣе богато, а мѣщанство сплошь и рядомъ пашетъ землю и отличается отъ крестьянъ только своею безысходною бѣдностью. На фонѣ уѣздной жизни—по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ съ многочисленнымъ изстари дворянствомъ—безраздѣльно доминируетъ высшій помѣстный служилый классъ и никакія испытанія пореформенной эпохи не поколебали еще серьезно этого его значенія.

Правда гдѣ то тамъ, въ укромныхъ уголкахъ провинціальныхъ городовъ иногда неожиданно заявляетъ свое существованіе «мѣстная интеллигенція»—учитель, повивальная бабка и какой-нибудь земскій агентъ. Мечтая о будущей роли «интеллигенціи», они пишутъ общими силами корреспонденцію въ губернскую газету или затѣваютъ осчастливить населеніе посредствомъ воскресной школы или волшебнаго фонаря. Но странно было бы даже и сопоставлять общественное значеніе этихъ ничтожныхъ уѣздныхъ кружковъ съ политическимъ и культурнымъ значеніемъ помѣстнаго дворянства.

Нѣтъ, первенствующее значеніе дворянства въ областной жизни къ счастью до сихъ поръ еще остается почти нетронутымъ... Но многіе этого, какъ будто, не знаютъ и не замѣчаютъ, не задаваясь вопросомъ о томъ во что

*) См. ст. „О современномъ положеніи русскаго дворянства“, № 22 С. Петер. Вѣд. 1897 г.

обратилась бы наша областная жизнь *безъ дворянства*. Въ этомъ мы подобны расточителю, который вспоминаетъ о нуждѣ только тогда, когда у него уже нѣтъ денегъ.

Кстати, не смотря на существованіе у насъ въ областномъ управленіи нѣсколькихъ организацій, устроенныхъ по новѣйшимъ и совершеннѣйшимъ заграничнымъ образцамъ, наша старая Екатерининская дворянская корпорація дѣйствуетъ едва ли не успѣшнѣе ихъ всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уклоненіе земскихъ и городскихъ гласныхъ отъ исполненія своихъ обязанностей, несостоявшіяся за неприбытіемъ законнаго числа членовъ засѣданія земскихъ собраний и думъ, наконецъ, ожесточенная борьба партій, доходящая до полной невозможности выбрать должностныхъ лицъ — всѣ эти столь знакомыя черты общественно-хозяйственныхъ учрежденій почти неизвѣстны дворянскимъ обществамъ. Не смотря на то, что всѣ общественныя интересы мѣстнаго управленія сосредоточены въ земствахъ и думахъ, случаи, когда бы очередныя дворянскія собранія не состоялись за неприбытіемъ необходимаго числа дворянъ, почти неизвѣстны.

Не менѣе обращаетъ на себя вниманія и другая черта дворянскихъ корпорацій, выгодно отличающая ихъ отъ земскихъ учрежденій—это отсутствіе растратъ. «За *сто слишкомъ лѣтъ* существованія дворянскихъ учрежденій *по всей Европейской Россіи*, говоритъ по этому поводу И. С. Дурново, *) исторія припомнить лишь немногіе случаи *растратъ* дворянскихъ капиталовъ лицами ими завѣдывавшими, при чемъ растраты эти были немедленно дворянскими обществами пополняемы, — тогда какъ за неполныя

*) См. Москов. Вѣд. № 306, 1893 г.

тридцать лѣтъ со времени открытія пореформенныхъ учреждений земскаго и городскаго «самоуправленій» — врядъ ли осталась хоть одна губернія, изъ такъ-называемыхъ «земскихъ», гдѣ бы не произошли не одинъ, а нѣсколько случаевъ крупныхъ и мелкихъ расхищеній общественныхъ кассъ этихъ «самоуправленій», — иногда на суммы, значительно превосходящія даже цыфры дворянскихъ капиталовъ тѣхъ же губерній, — при чемъ эти растраты, — вѣроятно вслѣдствіе присущей «самоуправленіямъ» большой «организационной ловкости», — такъ и оставались невозмѣщенными и ложились прямымъ ущербомъ на населеніе.» *)

Вообще фактъ многочисленныхъ растратъ въ земскихъ учрежденіяхъ можно считать вполне установленнымъ **). Несомнѣнно также, что въ совершеніи ихъ принимали участіе и дворяне; обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что земской дѣятельности посвящала себя не всегда лучшая часть дворянства.

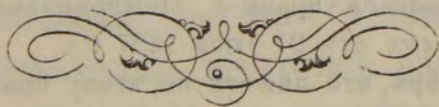
Главнѣйшей причиной этой сравнительной порядочности дворянства въ веденіи своихъ общественныхъ дѣлъ слѣ-

*) Земскіе плательщики Калужской губерніи, на примѣръ, и по сію пору не знаютъ доколѣ „будутъ они расплачиваться своими кровными грошами за фестивали, въ которыхъ не участвовали“, — за растрату предсѣдателемъ губернской управы г. Мещериновымъ болѣе 200 тысячъ руб.? (См. *Новое Время* отъ 21 Іюля 1897 г.).

**) Вотъ, на примѣръ, что пишетъ по этому поводу кн. Д. Цертелевъ: „Лѣтъ 20 тому назадъ, когда мнѣ впервые пришлось ближе ознакомиться съ дѣятельностью земскихъ учреждений, губернское собраніе признало нужнымъ образовать особую комиссію (въ которой, сколько помнится, участвовалъ и Б. Н. Чичеринъ) для обсужденія вопроса о возбужденіи судебнаго преслѣдованія за растраты, обнаруженныя почти одновременно въ трехъ уѣздныхъ управахъ. Едва ли даже при старыхъ порядкахъ, можно указать много такихъ примѣровъ, чтобы въ сравнительно непродолжительный періодъ времени въ трехъ уѣздныхъ казначействахъ или въ трехъ почтовыхъ конторахъ одной и той же губерніи обнаружены были растраты“. (СПБ. Вѣдомости № 160, 1897 г.).

дуетъ признать, конечно, тѣ традиціи чести и долга, въ которыхъ воспитывался длинный рядъ поколѣній сословія. «Добродѣтель и честь должны быть оному (дворянству) правилами предписывающими: любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ Государю, и безпрестанно внушающими: не дѣлать никогда безчестнаго дѣла.» *) Эти слова великой Императрицы всегда служили девизомъ дворянства, какъ сословія.

Упомянутое сравнительно успѣшное веденіе своихъ дѣлъ дворянскою корпораціей тѣмъ болѣе примѣчательно, что общественная жизнь сословія имѣетъ весьма недавнее происхожденіе: «.....дворянство издавна не имѣло жизни корпоративной. Образовавшись изъ сословія служилаго, незнающаго никакихъ корпоративныхъ связей, непривыкшаго къ обсужденію своихъ собственныхъ дѣлъ, дворянское сословіе, созданное жалованною грамотою 1785 года, по отношенію общественнаго воспитанія стояло ниже крестьянства, издавна привыкшаго къ жизни общины и къ совѣщанію всѣмъ міромъ» **).

*) См. Наказъ, гл. XV ст. 364.

**) См. А. Градовскій. Нач. Рус. Гос. Права, т. III. ст. 123.

СПОРНОЕ И БЕЗСПОРНОЕ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

Сущность „дворянскаго вопроса“.—Положенія противниковъ дворянства: „дворянство отжило свой вѣкъ“ и требованія справедливости.—Доводы сторонниковъ сословнаго строя: историческія основы сословнаго дѣленія и связь его съ самодержавіемъ.

Вмѣстѣ съ первыми заботами о дворянствѣ въ Бозѣ почившаго незабвеннаго Императора Александра III возродился въ нашей литературѣ и общественной жизни и, такъ называемый, «дворянскій вопросъ», первоначально возбужденный еще въ шестидесятыхъ годахъ. Но обстоятельства, вызвавшія это возрожденіе, готовились и постепенно множились съ самаго освобожденія крестьянъ. Обезземеленіе дворянства, крайній упадокъ его матеріальнаго благосостоянія, наконецъ, все болѣе и болѣе усиливающійся абсентеизмъ дворянъ изъ уѣздовъ и многіе факты, свидѣтельствующіе о духовномъ разстройствѣ и разладѣ въ средѣ сословія, о забвеніи частью дворянства его исконныхъ традицій и преданій—все это началось съ самаго освобожденія крестьянъ и давно уже не представляетъ собою ничего новаго. И если въ теченіе всего царствованія Императора Александра II тѣмъ не менѣе дворянскій вопросъ какъ бы замеръ, это объясняется не отсутствіемъ фактовъ, породившихъ этотъ вопросъ нынѣ, а тѣми неблагоприятными для него настроеніями и взглядами, кото-

рые по справедливости считались духомъ того времени. Но какъ только искусственныя задержки къ возбужденію вопроса съ воцареніемъ Императора Александра III исчезли, дворянское дѣло предстало передъ нами во всей его печальной и тревожной реальности.

Для уясненія себѣ сущности вопроса необходимо прежде всего выдѣлить изъ него то, что единодушно признается безспорнымъ. Затѣмъ необходимо установить положенія, подлежащія разсмотрѣнію, и освѣтить ихъ съ точки зрѣнія государственныхъ и національныхъ интересовъ.

Обезземленіе дворянства, его постепенное исчезновеніе, какъ земельного бытоваго слоя, смѣшеніе части его съ разночинствомъ и превращеніе этой части въ однородную космополитическую толпу, такъ-называемой, «интеллигенціи», существенныя измѣненія въ политическихъ настроеніяхъ дворянства, наконецъ, постоянное прогрессируваніе этихъ печальныхъ явленій и вполне вѣроятное предвидѣніе, что безъ вмѣшательства государства съ цѣлію ихъ устраненія они приведутъ къ полному исчезновенію дворянскаго сословія—вотъ факты, противъ которыхъ никто не спорить. Но, конечно, это только фундаментъ вопроса; далѣе уже наступаетъ область существенныхъ и едва-ли примиримыхъ разнорѣчій.

Либеральная часть нашей печати и общества видитъ въ этомъ постепенномъ упадкѣ дворянства вполне нормальный процессъ эгалитарнаго прогресса, заключающійся въ исчезновеніи всякихъ сословныхъ перегородокъ и отличій, въ устраненіи изъ соціальной жизни всѣхъ государственныхъ привилегій и всякихъ правъ, въ основѣ которыхъ лежатъ традиціи, преданія и требованія государственной необходимости и пользы. Дворянство въ Россіи, говорятъ намъ, составляло неотъемлемую принадлежность крѣпостного права и государственнаго строя, дер-

жавшагося на экономической основѣ рабскаго труда. Но съ 1861 года дворянство не можетъ играть уже никакой роли въ судьбахъ русскаго народа и дѣло законодательства идти твердыми, вѣрными, хотя, можетъ быть, и постепенными шагами къ полному уничтоженію сословій, существованіе которыхъ не оправдывается ни государственными потребностями, ни современными воззрѣніями какъ лучшей части общества, такъ даже и низшихъ его классовъ,—демократическія идеи равенства успѣли у насъ проникнуть всюду. Противники дворянства утверждаютъ, наконецъ, что существованіе сословій въ современной жизни, создавая привилегіи въ пользу ничтожной части населенія и явно нарушая тѣмъ справедливость, не могутъ не оказывать на общество деморализующаго вліянія. Дворянство, какъ привилегія, достоящаяся обыкновенно не путемъ личныхъ усилій и заслугъ, а по наслѣдству, вноситъ въ общество разлагающія понятія о благородствѣ однихъ гражданъ и низости другихъ и тормозитъ развитіе единственно возможнаго эгалитарнаго прогресса.

Сторонники дворянства, основываясь на данныхъ всей нашей исторіи, приходятъ къ заключенію, что существованіе дворянства возникло отнюдь не на почвѣ крѣпостного права, а потому и отмѣна послѣдняго не имѣетъ никакого отношенія къ существованію сословія, что дворянство является у насъ учрежденіемъ, тѣсно связаннымъ съ нашимъ самодержавнымъ государственнымъ строемъ, и что государственное значеніе сословія не утратится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ строй. А такъ какъ для блага Россіи возможно лишь пожелать этому строю существовать дотолѣ, доколѣ будетъ существовать и русская земля, то не можетъ быть и рѣчи объ упраздненіи помѣстнаго дворянства и вообще сословнаго строя.

Постараемся разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ.

Доводъ относительно неизбѣжнаго направленія эгалитарнаго прогресса въ наши дни слѣдуетъ признать весьма и весьма запоздалымъ. Очень можетъ быть, что тридцать пять лѣтъ тому назадъ, немедленно послѣ освобожденія крестьянъ, онъ еще и производилъ впечатлѣніе, такъ какъ для нашего, такъ-называемаго, «образованнаго общества» шестидесятихъ годовъ—какъ извѣстно, пользующагося модами еще долгое время спустя послѣ того, какъ онѣ оставлены въ Европѣ,—для этого общества первая французская революція, декларація правъ человека и идеи «свободы, равенства и братства» еще не успѣли утратить своего обаянія. Но въ настоящее время серьезная западно-европейская наука давно уже отвела подобающее мѣсто и первой французской революціи, и политическимъ теоріямъ, возникшимъ изъ провозглашенныхъ ею идей. Мы не можемъ, конечно, входить въ настоящей статьѣ въ критику теоріи эгалитарнаго прогресса. Для нашей цѣли вполне достаточно сослаться на тотъ общеизвѣстный фактъ, что наиболѣе блестящее воплощеніе идей первой французской революціи—западно-европейскій парламентаризмъ, какъ политическая система, явно и очевидно дряхлѣетъ, компрометируется и, подтачиваемый язвой социализма, постоянно теряетъ своихъ старыхъ адептовъ, не пріобрѣтая въ то же время новыхъ. Формула «свобода, равенство и братство» уже никого болѣе не воодушевляетъ и своею сантиментальною наивною вызываетъ лишь скептическую улыбку среди вновь выступающихъ на жизненную арену поколѣній. Во всякомъ случаѣ противники дворянства не могутъ ссылать-

ся на принципъ политическаго равенства, какъ на нѣчто непрекаемое и непреложное. Съ самаго момента провозглашенія этого принципа онъ на европейскомъ континентѣ претерпѣвалъ лишь одно крушеніе за другимъ какъ Молохъ пожирая всѣ приносимыя ему громадныя жертвы. Фразы о демократическомъ равенствѣ въ примѣненіи къ Россіи еще производятъ, можетъ быть, впечатлѣніе на недоучившееся юношество, но на нихъ трудно въ серьезномъ спорѣ.

Что касается существовавшей будто бы связи нашего сословнаго строя съ крѣпостнымъ правомъ, то утвержденія въ этомъ смыслѣ основаны не болѣе, какъ на недоразумѣніи и въ шестидесятыхъ годахъ были принимаемы на вѣру исключительно потому, что людская толпа вообще имѣетъ свойство вѣрить въ то, во что она расположена вѣрить по настроенію минуты. Простая историческая справка показываетъ намъ, что между сословнымъ строемъ вообще и учрежденіемъ высшаго служилаго сословія въ частности съ одной стороны и крѣпостнымъ правомъ съ другой, если и существовали какія-либо связи, то эти связи отнюдь не могутъ быть названы причинными. Наши сословія почти столь же древни, какъ и наша государственность, тогда какъ крѣпостное право существовало всего около трехсотъ лѣтъ, т. е. наши сословія безъ крѣпостнаго права существовали приблизительно въ теченіе семи вѣковъ. Одного этого соображенія вполне достаточно, чтобы признать, что отмѣна крѣпостнаго права отнюдь не влекла за собой, какъ неизбежное слѣдствіе, упраздненія сословій. Точно также не имѣетъ никакого отношенія къ сословности и зависимый, рабскій трудъ: крайняя демократическая равноправность Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ нисколько не мѣшала существованію въ нихъ рабства.

Доводъ о современныхъ эгалитарныхъ воззрѣніяхъ общества, о повсемѣстномъ распространѣніи демократическихъ идей и т. п. едва-ли выдерживаетъ критику. Прежде всего не слѣдуетъ преувеличивать самыхъ фактовъ. Безспорно, что въ средѣ, такъ-называемой, нашей «интеллигенціи» начала сословности не пользуются популярностью. Но вѣдь эта «интеллигенція» весьма малочисленна и составляетъ совершенно искусственное порожденіе политики нивелировки сословій, которая господствуетъ у насъ съ самаго освобожденія крестьянъ, а потому и взгляды и мнѣнія «интеллигенціи», какъ по вопросу о дворянствѣ, такъ и по множеству другихъ вопросовъ, не заслуживаютъ особаго вниманія. Вѣдь если бы слушать эту «интеллигенцію», то мы давно пришли бы уже къ парламентаризму, социализму, анархіи и террору. Что же касается историческихъ народныхъ слоевъ, то было бы большою клеветой на нихъ приписывать имъ какія-либо крайнія демократическія стремленія. Главная масса народа—крестьянство—не только никогда не имѣла какой-либо враждебности къ высшему по отношенію къ ней, другому земледѣльческому классу—дворянству—, но, можно сказать, совершенно искренне недоумѣвала и недоумѣваетъ о причинахъ множества невзгодъ и тяжелыхъ условій, жертвами которыхъ съ самаго освобожденія крестьянъ постоянно оказывалось помѣстное сословіе. Не слѣдуетъ забывать, что сословность—наше историческое начало и что народное міровоззрѣніе тѣмъ и отличается отъ другихъ, навѣянныхъ съ Запада, что оно проникнуто этими началами, а потому и самобытно. Если у худшей части крестьянства и просыпаются иногда демократическіе инстинкты—что было, напримѣръ, во время Пугачевского бунта и другихъ крестьянскихъ мятежей и волненій,—то народъ нашъ прекрасно понимаетъ, что лежитъ въ ихъ

основѣ. Онъ знаетъ, что ничего, кромѣ зависти и злобы, лѣни и корысти, словомъ, ничего, кромѣ того, что тотъ же народъ мѣтко характеризуетъ словомъ «воровство», нѣтъ, за громкими фразами лже-народолюбцевъ и смутьяновъ. Поэтому-то никакой сословной зависти и неприязни никогда и не было у нашего крестьянства. Идея самодержавной царской власти сознается народомъ въ такой чистотѣ и ясности, что прямо вытекающая изъ нея идея о высшемъ служиломъ сословіи, какъ ближайшемъ помощникѣ этой власти въ дѣлѣ правленія, не можетъ оставаться чуждой и непонятной народу.

Торгово - промышленный классъ, весьма малолюдный когда-то, но все численно возрастающій при новѣйшемъ развитіи торгово-промышленной жизни страны, по мнѣнію нѣкоторыхъ, долженъ сыграть въ нашей народной жизни роль западно-европейской буржуазіи. Взглядъ этотъ исходитъ изъ болѣе общаго мнѣнія—о неизбежности нашему отечеству пройти тѣ же фазы политическаго и экономическаго развитія, какія пройдены государствами германороманскаго міра. Теорія эта отнюдь не можетъ считаться сколько-нибудь научно-обоснованною, такъ какъ она вся строится на предположеніяхъ и догадкахъ, а потому къ области гипотезъ нужно отнести и мотивъ о созданіи у насъ третьяго сословія. Если же обратимся къ текущей дѣйствительности, то мы не только не найдемъ никакихъ признаковъ сходства въ политическомъ отношеніи между нашимъ кореннымъ купечествомъ и западно-европейскою буржуазіей, но убѣдимся въ приверженности купечества, такъ же какъ и другихъ классовъ, къ своему сословію, и въ здоровомъ пониманіи имъ началъ сословнаго строя.*)

*) Въ большихъ торгово-промышленныхъ центрахъ еще можно видѣть подобіе буржуазіи въ богатыхъ кружкахъ купечества иноземнаго

Вся разница между дворяниномъ и купцомъ въ этомъ отношеніи заключается лишь въ томъ, что дворянину въ смыслѣ сословномъ остается лишь одно—стремиться сохранить за своимъ родомъ занимаемое имъ социальное положеніе, тогда какъ у купца, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ наблюдателей, всегда было, есть и, надо думать, будетъ стремленіе кромѣ того возвысить свой родъ до причисленія его къ высшему сословію—помѣстному дворянству.

Переходимъ къ мнѣнію о несправедливости сословнаго строя на томъ основаніи, что онъ невозможенъ—съ чѣмъ нельзя не согласиться—безъ созданія привилегіи въ пользу ничтожной части населенія.

Нѣтъ почвы болѣе зыбкой и опасной, чѣмъ, такъ называемая, «требованія справедливости». Послѣдовательное и прямолинейное проведеніе этихъ требованій неизбежно приводитъ къ социализму и анархіи: такъ какъ несправедливо, чтобы одинъ родился въ богатствѣ, а другой въ бѣдности, то не нужно права собственности; такъ какъ несправедливо, чтобы одинъ имѣлъ власть надъ другими, то не нужно и властей,—да здравствуетъ безначаліе! Всѣ человѣческія установленія, обезпечивающія общественность, государственность и порядокъ, неизбежно построены на началахъ привилегіи и съ извѣстной точки зрѣнія нарушаютъ требованія справедливости. Право собственности по существу своему нисколько не менѣе несправедливо, чѣмъ и сословныя привилегіи: наследственное дворянство

происходитъ. Но кружки эти слишкомъ ничтожны по своему численному составу. См. объ этомъ ниже въ статьѣ „Нарождающаяся буржуазія“.

ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ наслѣдственнаго богатства. Наши близорукіе противники сословности оставляють въ покоѣ послѣднее и обрушиваются на первое.

Въ сущности всѣ привилегіи, устанавлившіяся человѣческими обществами, имѣли, а нѣкоторыя и продолжаютъ имѣть, болѣе или менѣе глубокое и прочное основаніе. Если люди создаютъ въ своей средѣ особыя права и преимущества для нѣкоторыхъ избранныхъ въ ущербъ остальнымъ, то такой порядокъ всегда слагается подъ давленіемъ не отвлеченныхъ соображеній, а вполне явной и осязательной практической потребности. Поэтому для уясненія значенія сословій подлежатъ разрѣшенію слѣдующій вопросъ: нужно ли сословное дѣленіе общества при данномъ государственномъ устройствѣ?

Обращаясь къ нашей исторіи, мы видимъ, что у насъ сословное дѣленіе сложилось само собою, естественнымъ, органическимъ, соціальнымъ процессомъ и что высшій служилый классъ въ теченіе тысячелѣтняго существованія Россіи постоянно и самъ собою выступалъ на поверхность народной жизни. Государственная власть дѣлала лишь одно—пользовалась этимъ классомъ для своихъ нуждъ. Съ этою же именно утилитарною цѣлью государство дало этому классу особую организацію и постепенно надѣляло довольно обширными правами и преимуществами. Наше государственное сословное учрежденіе сложилось не по какому-нибудь проекту политическаго мыслителя, а мудростію и опытомъ всѣхъ предшествующихъ поколѣній русскаго народа, прозорливостію всѣхъ его государственныхъ мужей и правителей. Обстоятельство это, конечно, въ высшей степени важно, такъ-какъ если отдѣльному человеку свойственно ошибаться и заблуждаться, то невоз-

можно допустить ошибки, дѣющейся вѣками и повторяемой длиннымъ рядомъ послѣдовательныхъ поколѣній. Такимъ образомъ первый изъ двухъ поставленныхъ нами выше вопросовъ вполнѣ опредѣленно разрѣшается нашимъ прошлымъ. Что-же въ такомъ случаѣ выставляется противъ такого разрѣшенія и откуда взялась самая идея о ненужности или даже вредѣ сословій въ нашей жизни!

До освобожденія крестьянъ роль и государственное значеніе дворянскаго сословія не возбуждали никакихъ сомнѣній и принимались въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились всею нашею предыдущею исторіей... Но немедленно же вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права картина быстро и неожиданно мѣняется. Дворянство никѣмъ не упраздняется, значеніе его по внѣшности остается тѣмъ же, чѣмъ оно было и дотолѣ, но въ наступившей тогда преобразовательной эпохѣ очевидно и явно господствуютъ тенденціи безсословныя, и демократическія реформы ведутся въ такомъ направленіи и духѣ, какъ будто бы всѣ старыя традиціи нашего государственнаго управленія были неожиданно забыты и на мѣсто нихъ принята революціонная формула «liberté, égalité, fraternité». Но какимъ же образомъ состоялась эта важная перемѣна? Каковы были ея мотивы? Обыкновенно дѣло представляютъ такъ, что политика безсословности шестидесятыхъ годовъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отмѣны крѣпостнаго права.

Но здѣсь кроется очевидное и явное недоразумѣніе. Крѣпостное право было явленіемъ исключительно экономическимъ, и притомъ относилось всего къ одной половинѣ крестьянства, тогда какъ другая по численности его половина—крестьяне государственные и удѣльные—принадлежали къ разряду свободныхъ сельскихъ обывателей. Эти послѣдніе не пользовались однако никакими правами

по общему управленію и были приблизительно на положеніи нынѣшнихъ крестьянъ. А такъ какъ крестьяне крѣпостные еще менѣе чѣмъ казенные могли быть подготовлены къ участию въ дѣлахъ управленія, то, казалось бы, дѣйствительность не представляла ни малѣйшихъ данныхъ ни къ разрушенію сословій, ни къ упраздненію дворянства: по освобожденіи крестьянъ Россія оставалась въ томъ же разслоеніи населенія, какъ и раньше. Это должно было, конечно, вполне гарантировать и такую государственную политику, которая, заботясь о сословіяхъ, предохраняла бы ихъ отъ разрушенія.

Но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Все законодательство шестидесятихъ годовъ оказалось насквозь проникнутымъ противосословнымъ демократическимъ духомъ. Откуда шла эта тенденція? Извѣстно, что не изъ нѣдръ народа, что ни крестьянство, ни купечество не помогали уничтоженію сословій и умаленію значенія дворянства. Безъ сомнѣнія движеніе шло сверху и навязывалось народу. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что истиннымъ авторомъ этого движенія явилась та наша беспочвенная «интеллигенція», которая изъ западно-европейскаго знанія усвоила себѣ главнымъ образомъ столь лестные для разночинцевъ и неголовомомные принципы французской революціи и, проникнувъ въ высшія бюрократическія сферы, получила возможность проводить ихъ въ законодательство и такимъ образомъ насильственно водворять въ русскую жизнь.

Но это правительственное насажденіе у насъ принциповъ первой французской революціи могло быть лишь временнымъ повѣтріемъ, которое, конечно, не въ состояніи поколебать вывода всего нашего прошлаго государственнаго опыта, освѣщеннаго народнымъ самосознаніемъ, о томъ, что нашъ соціальный строй можетъ прочно покоиться только на сословномъ началѣ. А если сословія

нужны для государства, то не может быть и рѣчи о несправедливости сословныхъ привилегій.

Намъ остается лишь въ немногихъ словахъ рассмотреть доводы сторонниковъ дворянства, являющихся въ то же время и сторонниками нашего сословнаго строя вообще. Сторонники дворянства, говорили мы, основываясь на данныхъ всей нашей исторіи, приходятъ къ заключенію, что существованіе дворянства возникло отнюдь не на почвѣ крѣпостнаго права, а потому и отмѣна послѣдняго не имѣетъ никакого отношенія къ существованію сословія; что дворянство является у насъ учрежденіемъ, тѣсно связаннымъ съ нашимъ самодержавнымъ государственнымъ строемъ, и что государственное значеніе сословія не утратится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ строй. А такъ какъ для блага Россіи возможно лишь пожелать этому строю существовать дотолѣ, доколѣ будетъ существовать и Русская земля, то не можетъ быть и рѣчи объ упраздненіи помѣстнаго дворянства и вообще сословнаго строя.

Итакъ, первый доводъ въ пользу дворянства можно назвать доводомъ историческимъ. Онъ заключается въ томъ, что необходимость дворянства устанавливается фактомъ постояннаго существованія его съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русскій народъ, при чемъ сущность идеи о дворянствѣ никогда не измѣнялась, а измѣнялась въ нѣкоторой степени лишь форма, въ которой проявлялось государственное значеніе сословія. А такъ какъ, говорятъ сторонники дворянства, въ нашей жизни во второй половинѣ XIX столѣтія не произошло рѣшительно ничего, что могло бы лишить дворянство его исконнаго значенія, то есть полное основаніе придти къ заключенію, что дво-

рянское установленіе нужно въ настоящее время русскому народу совершенно такъ же, какъ оно нужно было въ теченіе многовѣковой его исторіи. Дѣйствительно, на какое же событіе или явленіе въ нашей національной жизни могли бы указать противники сословности, которое служило бы основаніемъ къ уничтоженію у насъ сословій вообще и дворянства въ частности?

Единственное событіе, о которомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь, это отмѣна крѣпостнаго права. Но мы уже видѣли выше, что этотъ великій историческій актъ не имѣлъ ровно никакого отношенія къ государственному значенію дворянства и что паденіе крѣпостнаго права не выдвинуло на арену государственной жизни никакихъ новыхъ силъ, которыя могли бы замѣнить дворянство. Съ другой стороны, съ отмѣной крѣпостнаго права и вмѣстѣ съ рядомъ реформъ, неизбѣжно вызванныхъ этою отмѣной—реформъ, во многомъ долженствовавшихъ измѣнить нашъ соціальный бытъ и отчасти правительственный укладъ, — задачи государственной власти, несомнѣнно, усложнились. Поэтому для государства болѣе чѣмъ когда-либо необходимо было имѣть въ населеніи классъ, на который оно могло бы опереться, имѣть на мѣстахъ надежныхъ представителей власти не изъ среды наемныхъ служащихъ, не изъ среды «бездомныхъ скитальцевъ», изъ которыхъ состоятъ низшіе и средніе ряды нашей бюрократіи, а изъ людей земскихъ, изъ людей, имѣющихъ вліяніе и почетъ среди населенія, изъ людей, къ власти которыхъ населеніе привыкло и которымъ оно довѣряетъ. Другими словами, дворянство въ моментъ отмѣны крѣпостнаго права, именно какъ такое исконно служилое сословіе, какимъ оно было всегда, являлось для правительства болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимымъ. Предстоящій послѣ отмѣны крѣпостнаго права путь являлся настолько мало извѣст-

нымъ, что менѣе чѣмъ когда-нибудь было благовременно для государственной власти лишиться такой надежной силы, какою было наше дворянство, выпустить её изъ своихъ рукъ, порвать вѣковую связь, соединявшую её съ нашею верховною властью.

Тѣмъ не менѣе, въ силу господства у насъ западно-европейскихъ политическихъ доктринъ, государство эту силу изъ своихъ рукъ чуть не упустило и рядомъ послѣдующихъ реформъ приговорило ее раствориться въ народной массѣ. Вотъ эта-то утрата государственною властью нашей лучшей культурной и государственной силы и была причиной всѣхъ пережитыхъ нами смутъ и потрясеній въ теченіе позапрошлаго царствованія; она-то и была величайшею государственною ошибкой, которую, можетъ быть, наше время призвано исправить.

Намъ остается разсмотрѣть связь дворянства съ нашимъ самодержавнымъ государственнымъ строемъ и показать, что государственное значеніе сословія не утратится до тѣхъ поръ, покуда будетъ существовать этотъ строй.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ наши конституціоналисты—противники дворянства, и что, наоборотъ, приверженцы самодержавнаго строя являются вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонниками дворянства. Это можно принять какъ общее правило, изъ котораго не существуетъ изъятій. Конечно, такое дѣленіе является не случайнымъ, а вытекающимъ изъ самаго существа этихъ двухъ разнородныхъ политическихъ воззрѣній. Врядъ ли есть надобность доказывать, насколько идея дворянства противорѣчитъ основнымъ принципамъ парламентаризма, въ основаніи которыхъ лежитъ формула: «свобода, равенство и братство». Едва ли не достаточно будетъ разсмотрѣть вопросъ лишь

съ точки зрѣнія приверженцевъ нашего самодержавнаго строя и показать, насколько дворянство является для него необходимымъ.

Наши самодержавные князья и цари, даже при весьма малыхъ, сравнительно съ настоящими, размѣрахъ своего государства, не могли править русскимъ народомъ только лично сами, а правили и чрезъ приближенныхъ имъ людей. Они должны были довѣрять дѣла правленія болѣе или менѣе значительному контингенту лицъ, давать этому контингенту полномочія на судъ и управленіе по разъ установленнымъ законамъ и уставамъ. Конечно, общій вопросъ: откуда, изъ какой соціальной среды набирать этотъ контингентъ лицъ? — никогда не возникалъ у нашихъ древнихъ государственныхъ людей и правителей. Дѣло сложилось постепенно и само собой. Руководствуясь опытомъ своихъ предмѣстниковъ, наши прежніе властители всегда выбирали контингентъ своихъ служилыхъ исполнителей изъ двухъ разрядовъ людей — изъ своей дружины и изъ наиболѣе зажиточнаго, наиболѣе культурнаго земскаго класса — боярства, изъ которыхъ по прямой линіи и происходитъ позднѣйшее дворянство. Можно сказать, что такой порядокъ въ основѣ своей — при замѣнѣ дружины и боярства — дворянствомъ — существовалъ вплоть до отмѣны крѣпостнаго права. Даже реформами шестидесятыхъ годовъ онъ не былъ отмѣненъ вовсе, а лишь отчасти нарушенъ, хотя эти частичныя нарушенія и имѣли въ высшей степени печальныя и едва ли ожидавшіяся по своимъ размѣрамъ послѣдствія.

При настоящихъ размѣрахъ нашего государства правительственное дѣло въ немъ безмѣрно расширилось и осложнилось. Не говоримъ уже про самый основной механизмъ управленія; для того чтобы наша государственная машина шла нормальнымъ ходомъ, необходима громадная

армія служащихъ и по гражданской, и по военной частямъ. Но если даже допустить всю безукоризненность въ смыслѣ исполнительномъ этой арміи, то современныя задачи государства выдвигаютъ другія требованія со стороны самодержавнаго правительства.

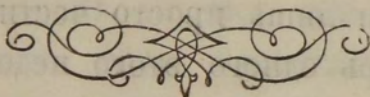
Дѣло въ томъ, что именно эта многочисленная армія служащихъ, если только она состоитъ изъ наемниковъ, если она является исключительно бюрократическою по своему составу, неизбежно занимаетъ мѣсто между монархомъ и его народомъ, непременно является тѣмъ «средостѣніемъ», о которомъ когда-то много говорили славянофилы, средостѣніемъ, мѣшающимъ населенію имѣть непосредственное общеніе съ монархомъ, изолирующимъ постепенно подданныхъ отъ верховной власти и создающимъ такимъ образомъ опасное для спокойствія страны и народа положеніе. Если присоединить къ этому неизбежность наступленія рано или поздно испорченности бюрократіи,—испорченности, отъ которой можетъ предохранить государственную администрацію лишь постоянное правильное пополненіе рядовъ ея изъ высшаго культурнаго слоя населенія,—то мы убѣдимся, къ какому ненормальному и невыгодному положенію пришла бы наша государственная самодержавная власть при организаціи управленія народомъ исключительно на началахъ бюрократическихъ.

Но затѣмъ современныя задачи государственной жизни выдвигаютъ еще новую потребность для самодержавнаго строя. При современномъ господствѣ эгалитарныхъ идей, при той неустойчивости соціальной жизни, которую мы наблюдаемъ въ Западной Европѣ, при постоянномъ вторженіи къ намъ чужеземныхъ соціальныхъ и политическихъ доктринъ, крѣпость государственнаго самодержавнаго строенія неизбежно требуетъ, чтобы пра-

вительство имѣло себѣ твердую опору не только въ низшихъ слояхъ народа, но и въ культурномъ, политически воспитанномъ высшемъ сословіи. Конечно, нѣтъ ничего надежнѣе въ политическомъ отношеніи нашей крестьянской и вообще рабочей массы. Но эта масса по своей темнотѣ и невѣжеству неспособна быть силой активной и не можетъ въ минуту опасности стать на стражѣ порядка и спокойствія. Къ этому способенъ лишь слой достаточный и образованный, политически развитой и дисциплинированный, а такимъ слоемъ и является именно наше дворянство. И эта задача его—быть политической опорой самодержавнаго правительства—едва ли не должна быть поставлена въ наше время на первое мѣсто. Былые годы не знали этой задачи и государственной власти нужны были лишь просто честные и умѣлые служилые люди. Теперь одного этого недостаточно. При неизбежной отдаленности центральнаго правительства отъ населенія ему необходимо имѣть среди этого населенія *опору* въ лицѣ лучшихъ, наиболѣе образованныхъ, наиболѣе культурныхъ гражданъ, многими послѣдовательными поколѣніями прибрѣтшихъ уваженіе и вліяніе на мѣстное населеніе. Такихъ гражданъ только и можетъ дать особое сословіе, тщательно культивируемое и оберегаемое, и такого сословія намъ нечего искать, такъ какъ его именно и представляетъ собой наше дворянство.

Но, можетъ быть, опору, о которой мы говоримъ, государственная власть, вмѣсто дворянства, находитъ въ пореформенную эпоху въ земствѣ? Отвѣтимъ на это словами основателя науки нашего государственнаго права, проф. А. Градовскаго, писавшаго когда-то про земство шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, т. е. про земство, по общему призванію, лучшей поры: «Мѣстное» общество» представляется поэтому чѣмъ-то безформеннымъ; его все-

сословныя собранія составляютъ фактически изъ представителей разныхъ сословій по волѣ закона и искусственно больше, чѣмъ въ силу насущной необходимости. Поэтому *въ немъ нельзя найти той точки опоры, какая въ прежнее время найдена была въ дворянствѣ* *).

*) См. Начала Русс. Госуд. Права, т. III, ч. I, стр. 47.

ДВОРЯНСКІЙ ВОПРОСЪ НА ОЧЕРЕДИ.

Возникновеніе дворянскаго вопроса, несмотря на враждебность къ сословію „интеллигенціи“.—Дворянству нужны нормальныя условія существованія, а не субсидіи.—Возбужденіе вопроса по частному и по государственному почину.—Нельзя терять времени.

Еще съ шестидесятихъ годовъ стали у насъ говорить, что дворянство умерло, что оно представляет собою безжизненный трупъ, который неспособны оживить никакія земныя силы. Эти фразы время отъ времени повторяются и теперь, хотя сословіе, несомнѣнно, продолжаетъ жить, хотя никакого сліянія его съ другими классами населенія не произошло, да, надо полагать, никогда и не произойдетъ. Очевидно, дворянство хотѣли бы погрести заживо, очевидно, ему еще нѣсколько преждевременно поють отходную. Но лучшимъ признакомъ живучести, сознанія необходимости дворянства, какъ государственнаго сословія, служитъ то, что, несмотря на столь сильное распространеніе и развитіе у насъ демократическихъ идей въ послѣднюю четверть вѣка, вопросъ о мѣрахъ къ предотвращенію дальнѣйшаго обезземеленія дворянства безпрестанно возникаетъ въ сознаніи общества и государственныхъ людей, и если о немъ порой забываютъ, то лишь для того, чтобы вскорѣ затѣмъ вспомнить съ удвоенною интенсивностью.

У дворянства очень много кровныхъ, непримиримыхъ

враговъ; всей нашей, такъ-называемой, «интеллигенціи», воспитанной на теоріяхъ первой французской революціи, противна всякая мысль о сословіи и сословности; представители этого внѣсословнаго «сословія» не перевариваютъ самой идеи дворянства и всегда сдѣлаютъ все для того, чтобы разрушить хотя бы самыя крѣпкія сословныя перегородки; но по временамъ, изъ соображеній политики минуты, они принимаютъ на себя личину людей, ничего въ сущности не имѣющихъ ни противъ сословности, ни противъ дворянства, и если все же возстающихъ противъ какихъ-либо мѣръ къ поддержанію сословія, то единственно потому, что де мѣры эти бесполезны, что никакія средства не спасутъ де сословія, обреченнаго сойти съ исторической арены. Нечего и говорить, что такіе вѣроломные друзья дворянства опаснѣе его враговъ, хотя бы уже потому, что всякая скрытая вражда опаснѣе явной.

Въ послѣднее время всѣ возраженія неискреннихъ противниковъ дворянства могутъ быть сведены къ такимъ немногимъ словамъ: все, что можно было сдѣлать для дворянства,—правительствомъ уже сдѣлано. Былъ учрежденъ дворянскій банкъ; размѣры процентовъ и погашенія по его операціямъ уменьшены до послѣднихъ предѣловъ; при просрочкахъ платежей, дворянству оказываются всевозможныя льготы... Чего же еще можетъ ждать дворянство отъ правительства? Не можетъ же государство взять къ себѣ цѣлое сословіе на кормленіе, не можетъ же оно безконечно давать дворянству ссуды, не требуя возврата займовъ.

Охотно соглашаемся: дѣйствительно, въ отношеніи доступности и легкости кредита для помѣстнаго дворянства сдѣлано многое, можетъ быть, сдѣлано все, что возможно,

но, по нашему глубокому убѣжденію, эта сравнительная легкость и доступность кредита была крупною государственною ошибкой, въ концѣ-концовъ причинившею дворянству гораздо болѣе вреда чѣмъ пользы. Кредитъ — оружіе обоюдоострое: въ привычныхъ къ нему и умѣлыхъ рукахъ онъ поддерживаетъ и усиливаетъ доходность предпріятія, — въ неумѣлыхъ же и непривычныхъ онъ подрываетъ ее. При томъ же не слѣдуетъ забывать, что удешевленный кредитъ явился у насъ слишкомъ поздно, когда дворянство было уже задолжено акціонернымъ банкамъ по тяжелымъ процентамъ, такъ что дешевый кредитъ не могъ принести особенной пользы даже и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда, при иныхъ условіяхъ, онъ могъ бы оказать услугу. Но какъ бы то ни было, никому не придетъ въ голову предлагать правительству не взыскивать недоимокъ по Дворянскому Банку, ни вообще какимъ бы то ни было образомъ субсидировать помѣстное дворянство, и напрасно принципіальные противники сословія пытаются убѣдить кого-нибудь въ подобныхъ нелѣпостяхъ: жизнь на чужой счетъ не можетъ считаться здоровою и нормальною ни для отдѣльнаго лица, ни для цѣлыхъ сословій.

Дѣло не въ томъ, чтобы кормить дворянъ на казенный счетъ въ ихъ усадьбахъ, а въ томъ, чтобы создать для помѣстнаго дворянства такія условія существованія въ деревнѣ, среди народа, которыя не заставляли бы бросать своихъ усадебъ и тѣхъ, кто дѣлаетъ это противъ воли, можно сказать, со слезами, послѣ упорной, но — увы! — большею частью безуспѣшной борьбы съ цѣлымъ рядомъ непреодолимо тяжелыхъ деревенскихъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ говорить о кормленіи за государственный счетъ, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, слѣлать для помѣстнаго дворянства то, на

что имѣютъ право подданные всякаго сколько-нибудь устроеннаго государства: не брать съ него совершенно непосильныхъ земельныхъ налоговъ, достигающихъ до 50% съ доходности земли и, какъ слѣдуетъ, оградить его личную безопасность и законные имущественные интересы при неизбѣжныхъ сношеніяхъ съ окружающимъ крестьянскимъ населеніемъ.

Правды нельзя утаить; въ концѣ-концовъ она непременно выйдетъ наружу, хотя усилія не дать ей восторжествовать и могутъ причинить много несправедливыхъ и ненужныхъ страданій. Это вполнѣ относится и къ дворянскому вопросу. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ тщательно замалчивался и игнорировался, какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ печати. Всеобщимъ и безапелляціоннымъ рѣшеніемъ было какъ будто бы постановлено, что тревожные признаки соціально-патологическаго процесса, происходящаго въ нашемъ высшемъ земскомъ сословіи и выражающіеся въ его быстромъ обезземеленіи и численномъ уменьшеніи въ сельскихъ мѣстностяхъ, что эти признаки свидѣтельствуютъ лишь о нашемъ преусиѣянніи на пути прогресса и составляютъ даже *глубоко утѣшительное явленіе*. Но, къ счастью, эти времена давно прошли, и вниманіе къ нуждамъ дворянства само по себѣ не требуетъ теперь оправданій. Можно сказать даже, что дѣло пореформеннаго помѣстнаго дворянства уже прошло первую стадію своего развитія. Голоса, не признающіе за дворянствомъ правъ на будущее, раздаются уже рѣдко и менѣе увѣренно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе крѣпнетъ сознаніе историческаго значенія сословія и его важныхъ задачъ въ будущемъ, какъ среди самого дворянства, такъ и среди образованнаго

общества вообще. На ряду съ этимъ изыскиваются средства къ улучшенію и исправленію тѣхъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ въ правительственной политикѣ, которыя были сдѣланы относительно дворянскаго сословія въ эпоху реформъ. Можно сказать даже, что сословный и частный починъ уже сдѣлали для освѣщенія дворянскаго вопроса многое изъ того, что было въ предѣлахъ ихъ средствъ и правъ. О заповѣдныхъ имѣніяхъ, напри- мѣръ, существуетъ уже значительный литературный мате- ріаль, и болѣе или менѣе обстоятельная разработка это- го вопроса производилась уже въ 18-ти губернскихъ дво- рянскихъ собраніяхъ. Много намѣчено и осуществлено и по предмету организаціи образованія и воспитанія под- растающаго поколѣнія и по другимъ вопросамъ. Все сдѣ- ланное до сихъ поръ имѣетъ большое значеніе, но все же дѣятельность отдѣльных лицъ и сословныхъ обществъ, не будучи объединена и провѣрена государственною мыслью, имѣетъ скорѣе значеніе матеріала, чѣмъ оконча- тельныхъ выводовъ. Свести этотъ матеріаль воедино, отдѣлить въ немъ мѣстное и областное отъ общаго и го- сударственнаго, дополнить его данными и изслѣдованіями, доступными лишь высшимъ государственнымъ установле- ніямъ и, оцѣнивъ и взвѣсивъ затѣмъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ, сдѣлать изъ этого мате- ріала заключенія, направленные къ возстановленію искон- наго политическаго и соціальнаго значенія дворянства — вотъ задача посильная только государству.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь постоянное и непрерывающееся обезземеленіе дворянства есть нашъ серіозный соціальный недугъ, а не какое нибудь частное общественное явленіе третьестепенной важности; мало того, это недугъ, по всѣмъ видимостямъ, прогрессивно развивающійся, и отно- сительно его неизбежнаго печальнаго исхода едва-ли мо-

жетъ быть какое-либо сомнѣніе—по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ предоставленъ своему теченію. Но лѣченіе такого недуга невозможно безъ его глубокаго и всесторонняго государственнаго изслѣдованія, представляющаго патологическую картину во всемъ ея объемѣ и послѣдовательномъ [развитіи. Только такимъ путемъ было бы возможно выяснитъ причины постепеннаго исчезновенія цѣлаго исторически-сложившагося сословія, а также и мѣры къ прекращенію этого болѣзненнаго процесса.

Время сомнѣній и колебаній миновало, и потому необходимо освѣтитъ со всѣхъ сторонъ этотъ важный вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ въ сущности возможность для насъ идти тѣмъ или другимъ путемъ въ нашемъ будущемъ: путемъ ли демократизованнаго общества съ парламентаризмомъ и анархіей или путемъ самобытнаго осуществленія народомъ своихъ историческихъ судебъ въ формѣ сословнаго государства подъ самодержавнымъ руководствомъ своего Верховнаго Вождя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо и поторопиться.

Дѣло не въ томъ, конечно, что Россія не могла бы прожить и сравнительно краткаго періода времени безъ дворянства, возстановленнаго въ его быломъ значеніи; Россія живетъ уже такимъ образомъ въ теченіе послѣдней четверти вѣка, и на такомъ, такъ сказать, временномъ положеніи могла бы прожить и дольше. Хотя и безъ прежнихъ необходимыхъ правъ на службу по мѣстному управленію, а въ качествѣ одного культурнаго класса, дворянство, тѣмъ не менѣе, по единогласному признанію, сохранило большое и многостороннее значеніе въ мѣстномъ управленіи и въ мѣстной жизни вообще, которая въ

последнія десятилѣтія въ отношеніи элементовъ порядка, можно сказать, шла какъ бы по инерціи, пользуясь силами, собранными еще въ крѣпостную эпоху. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что то же самое было бы возможно и еще въ теченіе нѣкотораго періода, то-есть, что дворянство, оставаясь даже въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, постепенно убывая численно, продолжало бы, тѣмъ не менѣе, настолько успѣшно исполнять свою культурную и государственную миссію тамъ, на мѣстахъ, въ деревнѣ, что еще нѣсколько десятилѣтій прошли бы такъ же, какъ они прошли со времени отмѣны крѣпостнаго права и до нашихъ дней... Но въ томъ-то и дѣло, что въ жизни націи десятилѣтія—слишкомъ ничтожные по своей продолжительности періоды времени, и государственный умъ не можетъ не проникать болѣе или менѣе глубоко въ даль будущаго. И вотъ эта-то забота о нашемъ національномъ будущемъ неизмѣримо больше, чѣмъ о настоящемъ, и составляетъ главный мотивъ къ тому, чтобы неотложно и серьезно взяться за разрѣшеніе дворянскаго вопроса.

Россія, какъ мы сказали выше, могла бы благополучно прожить и еще нѣсколько десятилѣтій, не ощущая во внутренней жизни своей серьезнаго разстройства и не принимаясь за разработку этого вопроса. И съ точки зрѣнія интересовъ завтрашняго дня время, какъ говорится, еще, можетъ быть, ждало бы, но бѣда въ томъ, что за это время дворянство могло бы придти въ такое положеніе, что никакая сила уже не въ состояніи была бы его воскресить. Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ, болѣе чѣмъ что-либо иное, взяться за дворянскій вопросъ немедленно, такъ какъ, отложивъ это дѣло еще на нѣкоторое время, можно было бы убѣдиться въ томъ, что браться за него оказывается *поздно*. Что было бы въ подобномъ случаѣ,—конечно, праздныя предположенія.—Можно думать, что если

бы Россія пришла къ полному исчезновенію своего дворянства, что ей немедленно же пришлось бы вновь взяться за созданіе подобнаго же новаго сословія. Но всякое такое созданіе требуетъ отъ страны жертвъ, а съ другой стороны временное отсутствіе сословія несомнѣнно выразилось бы упадкомъ культуры и разстройствомъ правительственнаго дѣла, то-есть это новое образованіе сословія, въ концѣ концовъ, дорого бы обошлось странѣ. Мало того, можетъ быть, такое образованіе оказалось бы и вовсе невозможнымъ, такъ какъ демократическія идеи укрѣпились бы еще болѣе, вошли бы въ нравы и пустили бы такіе глубокіе корни, что ихъ было бы невозможно и вырвать. Съ другой стороны, въ нашемъ настоящемъ старомъ дворянствѣ есть то, что не создается даже и пожертвованіемъ крупныхъ средствъ — это традиціи, преданія, привычка къ дисциплинѣ и административные навыки, передаваемые наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Цѣлые вѣка дворянство воспитывалось въ атмосферѣ долга и преданности Престолу и Отечеству и всею своею исторіей показываетъ, какъ высоко стояло это воспитаніе. По своей политической чистотѣ такое воспитаніе было возможно только въ доброе старое время, которое не вернется. Поэтому, если бы мы дожили до того, что намъ вновь бы пришлось создавать дворянство, это новое дворянство уже не могло бы преемственно принять традицій, преданій, вѣрованій и обычаевъ, которые мало по малу окажутся стертыми временемъ и залитыми демократическою волной. И всего вѣроятнѣе, что пришлось бы совершенно отказаться отъ мысли возстановленія сословной жизни. Вотъ почему не взяться за это дѣло теперь, это значитъ, можетъ быть, отказаться отъ него навсегда.

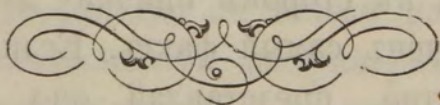
Къ тому же это слово *поздно* въ нѣкоторыхъ случаяхъ

играетъ у насъ чрезчуръ большое значеніе. Въ этомъ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта.

Одного нашего государственнаго дѣятеля и весьма образованнаго юриста спросили, что онъ думаетъ о русскомъ судѣ присяжныхъ. — «Конечно, отвѣчалъ онъ, если бы мнѣ предложили этотъ вопросъ въ шестидесятихъ годахъ, я не посовѣтывалъ бы введеніе у насъ этой формы суда, какъ вполне для насъ неподходящей. Но теперь общество свыклось съ этимъ судомъ, и я не могъ бы подать свой голосъ за его упраздненіе, — *слишкомъ поздно!*»

Мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія, но оно весьма характерно, такъ какъ показываетъ, что извѣстный порядокъ, будучи введенъ даже ошибочно, имѣетъ шансы остаться навсегда — исключительно благодаря людской инертности.

И кто же поручится, что нѣчто подобное не можетъ произойти и съ дворянствомъ, что и про его возстановленіе мы не услышимъ безнадежнаго «слишкомъ поздно»?

ДВОРЯНСТВО И ОТМѢНА КРѢПОСТНОГО ПРАВА.

Дворянство передъ 19 февраля 1861 г.—Способность къ участию въ управленіи крестьянства и городскихъ сословій.—Незамѣнимость въ правительственномъ дѣлѣ дворянства.

Главнѣйшій и чаще выставляемый доводъ противниковъ дворянства заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Нѣтъ никакой надобности обращаться къ прошлому, и въ особенности къ далекому прошлому, для того, чтобы судить о значеніи дворянства въ современной жизни. Прошлаго не воротишь. Для того чтобы уяснить себѣ роль сословія въ настоящее время, надо обратиться къ его настоящему же положенію. Что же мы видимъ, дѣлая такое обращеніе? Что дворянство съ освобожденія крестьянъ медленно и постепенно умираетъ, какъ бытовое и какъ государственное сословіе.

Оставимъ пока въ сторонѣ причину этого умиранія—для насъ достаточенъ самый фактъ. Если бы мы допустили, что дворянство, представляя оно собою живой и жизнеспособный общественный организмъ, могло приносить пользу, то и такое положеніе непримѣнимо къ современной Россіи, такъ какъ наше дворянство не удовлетворяетъ этому условію. Сами сторонники дворянства не рѣшаются утверждать, что это сословіе представляетъ собою черты вполне здороваго организма. И такъ дворянство больно, дворянство умираетъ. Слѣдовательно, для

того, чтобы возратить ему его прежнюю государственную роль, прежде всего надо было бы остановить этот болѣзненный, разрушительный и смертельный процесс... Но въ томъ то и дѣло что, такъ же, какъ въ организмѣ изжившаго свой вѣкъ отдѣльнаго человѣка, естественный смертельный процессъ не можетъ быть остановленъ никакими врачеваніями и никакимъ искусствомъ, точно такъ же процессъ исчезновенія соціального слоя, пережившаго свое время, не можетъ быть прекращенъ искусственными мѣрами. Всѣ жертвы, которыя могло бы принести государство для восстановленія дворянства, бесполезны, потому что онѣ никогда не достигнутъ цѣли: одряхлѣвшій организмъ не воскресить никакими силами.

Но въ томъ и дѣло, что наше высшее служилое сословіе отнюдь не представляетъ собой отжившаго свой вѣкъ и одряхлѣвшаго организма. Это величайшая клевета на дворянство, тѣмъ болѣе несправедливая, что она исходитъ отъ той части нашего общества, которая и была главной виновницей современного ненормального положенія сословія. Конечно, существуютъ отдѣльныя лица, которыя во всю жизнь только и дѣлали, что вредили дворянству, насколько могли, и которыя теперь первыя укоризненно разглагольствуютъ о его немощахъ и слабости... Выходить, что дворянство не только насильственно доведено нашими либеральными доктринерами до своего нынѣшняго тяжелаго положенія, но что они же, сваливая съ больной головы на здоровую, обвиняютъ въ этомъ положеніи само дворянство. Совершенно искусственно обезсиливъ сословіе, они смѣло обвиняютъ его въ безсиліи.

При освобожденіи крестьянъ дворянство было совершенно здоровымъ и нормальнымъ соціальнымъ организмомъ. Самое освобожденіе, подорвавъ въ извѣстной степени матеріальное благосостояніе сословія, далеко не при-

вело его однако къ полному безсилію, могшему угрожать самому его существованію. «Нивелировка сословій», предпринятая въ шестидесятихъ годахъ, не имѣла ничего общаго съ освобожденіемъ крестьянъ. Это было просто слѣдствіе распространенія у насъ идей первой французской революціи, примѣненіе принциповъ «свободы, равенства и братства» на нашей почвѣ, оказавшееся возможнымъ, вслѣдствіе благопріятно сложившихся условій нашей государственной жизни.

Постараемся это доказать.

Чѣмъ было дворянство въ эпоху освобожденія крестьянъ? Прежде всего оно имѣло патримоніальную власть надъ своими крѣпостными, затѣмъ дворянство первенствовало въ областномъ управленіи, въ судѣ и полиціи. Представители дворянства были единственными депутатами мѣстнаго сельскаго населенія въ различныхъ комитетахъ и комиссіяхъ, завѣдывавшихъ хозяйственными общественными дѣлами. Дворяне носили мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ и *in corpore* были представителями правительственной власти въ губерніяхъ. Личная обязательная служба дворянъ со времени манифеста 1762 г. о «свободѣ и вольности» сословія была отмѣнена, но обязанность государственной службы съ лица была перенесена на дворянскія общества, которыя по закону должны были замѣщать своими членами разныя административныя и судебныя должности. Кромѣ того, вслѣдствіе соціальнаго положенія дворянства, вслѣдствіе традицій и привилегій по государственной службѣ не только всѣ высшія, но даже и низшія, сколько-нибудь самостоятельныя должности по государственной службѣ, замѣщались дворянами добровольно *).

*) См. проф. А. Градовскій. Нач. Рус. Госуд. Права, т. III, стр. 123.

дворянскій. Даже самый принципъ обязательной службы сохранился въ видѣ угрозы закона лишеніемъ дворянства внука и правнука, если дѣдъ и сынъ не были на государственной службѣ *). Словомъ, какъ это признается всѣми изслѣдованіями по нашему государственному праву, почти весь личный составъ правительства пополнялся дворянствомъ, вся власть по уполномочію Монарха принадлежала высшему служилому сословію.

Какимъ же образомъ совершился вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ тотъ переворотъ, въ силу котораго положеніе дворянства въ государствѣ существенно измѣнилось? Какія новыя условія бытовой или государственной жизни повели къ тому, что вышеозначенная первенствующая роль дворянства въ государственной жизни быстро стала уменьшаться, скоротечно стала таять, уступая мѣсто совершенно новому и неизвѣстному дотолѣ въ нашей исторіи порядку вещей? Внесло ли такую перемѣну въ жизнь государства единственно крупное и великое событіе, которое дѣйствительно назрѣло и которое дѣйствительно должно было случиться—отмѣна крѣпостного права? Прежде всего необходимо напомнить въ нѣсколькихъ словахъ соціальныи строй Россіи въ моментъ освобожденія крестьянъ.

О роли дворянства мы сказали выше. Непосредственно рядомъ съ дворянствомъ стоялъ другой обширнѣйшій земледѣльческій классъ, олицетворявшій собою истинную силу и мощь націи—многомилліонное крестьянство. Оно распадалось на двѣ почти равныя части. Съ одной стороны около 20 милліоновъ крестьянъ, лично свободныхъ, находившихся лишь въ непосредственномъ бюрократическомъ управленіи государственной [власти,—

*) См. А. А. Плассонъ „О дворянствѣ въ Россіи“. С.-П.-ргъ, 1893, стр. 13.

это крестьяне государственные, удѣльные, дворцовые и проч.—вообще весь тотъ разрядъ подданныхъ, который именовался въ законѣ «свободными сельскими обывателями». Они вели въ сущности такую же жизнь простыхъ земледѣльцевъ, обрабатывающихъ ниву собственными руками, какъ и крестьяне крѣпостные и находились подъ довольно суровымъ режимомъ правительственной власти, но трудъ ихъ закрѣпощенъ не былъ. Въ политическомъ отношеніи они имѣли лишь тѣ права, которыя соответствовали ихъ гражданскому развитію,—права ограниченаго самоуправленія въ общинахъ и волостяхъ. Выше этихъ первоначальныхъ ячеекъ было уже правительственное бюрократическое управленіе. Такой порядокъ вполне соответствовалъ бытовымъ условіямъ и политической зрѣлости этой части крестьянства и не вызывалъ съ его стороны протеста въ какой бы то ни было формѣ. Хорошо или дурно было управленіе государственныхъ крестьянъ—это вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ, вполне сознавая свою неспособность къ участию, хотя бы даже въ областномъ управленіи, крестьяне такого участія вовсе и не домогались.

Въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ о такихъ домогательствахъ не могло быть и рѣчи: они подчинялись власти помѣщика и не только въ смыслѣ гражданскаго управленія, но и въ отношеніи своего хозяйственнаго быта, ихъ положеніе было недалеко отъ рабскаго. Вслѣдствіе болѣе низкаго уровня экономическаго благосостоянія и вслѣдствіе отсутствія какихъ либо навыковъ даже къ мѣстному сословному самоуправленію, воспитанные въ постоянной опекѣ помѣщиковъ во всѣхъ отношеніяхъ, крѣпостные крестьяне, конечно, еще менѣе чѣмъ крестьяне казенные, представляли собою какой либо элементъ, ко-

торый государственная власть могла бы привлечь къ дѣлу участія хотя бы въ областномъ управленіи.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что крестьянство въ его цѣломъ въ моментъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости представляло собой громадную сорока-милліонную массу, которой надлежало управлять, но которая съ своей стороны не могла дать никакихъ элементовъ для правительства страны. Самое большое, что крестьянству въ извѣстныхъ предѣлахъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ и попечительствомъ правительственной власти могло бы быть представлено — это выборы низшихъ должностныхъ лицъ сословнаго управленія, старѣйшинъ, какъ общественныхъ помощниковъ органовъ власти для поддержанія порядка, охраны имущества и безопасности въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Остальные наши соціальныя группы, городскія сословія — купечество и мѣщанство, — никогда не имѣвшія никакой служебной государственной роли и всегда погруженные въ матеріальные интересы своей бытовой жизни, лишенные не только какихъ либо политическихъ навыковъ и традицій, но и не обнаруживавшія никакихъ претензій къ политическому значенію и власти, нисколько не затрогивались великой реформой 1861 года и, очевидно, не имѣли никакого основанія рассчитывать на какую нибудь новую общественную роль послѣ этой реформы. Нашъ городской классъ не имѣетъ ничего общаго съ французскимъ третьимъ сословіемъ. Онъ никогда не проявлялъ даже и малѣйшаго интереса къ политикѣ, и хотя по своему гражданскому развитію нуждался въ меньшей опеке надъ собой государственной власти, чѣмъ крестьянство, хотя и представлялъ собою нѣкоторую почву для мѣстнаго сословнаго самоуправленія, но во всякомъ случаѣ онъ ни до, ни послѣ освобожденія крестьянъ не могъ дать ника-

кихъ элементовъ, которые могли бы быть привлечены къ правительственному дѣлу.

Иныхъ разрядовъ обывателей кромѣ этихъ трехъ: дворянства, крестьянства и купечества—въ Россіи не было ни до, ни послѣ освобожденія.

Такимъ образомъ, какъ до 1861 года, такъ и послѣ него для привлеченія къ государственному управленію въ нашей странѣ былъ лишь одинъ элементъ—дворянство. Оно представляло собой достаточно обширный, обеспеченный, имѣющій необходимыя навыки и традиціи, вполне испытанный въ своей преданности и вѣрности основамъ нашего государственнаго строя, искони служилый классъ, созданный всей нашей предшествовавшей исторіей исключительно для государственнаго дѣла. Высшее сословіе наше издавна привыкло къ власти, издавна съ достоинствомъ и съ успѣхомъ носило ея бремя. Населеніе страны всегда относилось къ этому классу съ должнымъ уваженіемъ, признавая его авторитетъ. Въ большинствѣ коренныхъ мѣстностей Россіи дворянскіе роды въ теченіе многихъ вѣковъ стояли во главѣ населенія, представляя собой его передъ правительствомъ и служа ему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Никогда никакой зависти къ этому высшему служилому сословію со стороны другихъ сословій, никакого желанія отнять у него хотя бы часть власти, которая ввѣрялась ему государствомъ, ни у кого не проявлялось.

Съ другой стороны государственная власть не могла бы предъявить къ дворянству и къ его политическимъ способностямъ и свойствамъ никакого серьезнаго обвиненія, не могла бы выразить ни малѣйшаго имъ недовольства. Но главное—оставляя даже въ сторонѣ вопросъ, *каково*

было дворянство безотносительно—можно сказать положительно, что въ странѣ не было *никакихъ* элементовъ, которые бы *больше чѣмъ* дворянство представляли собой необходимыхъ свойствъ и достоинствъ для правящаго класса. Никакой борьбы и соревнованія со стороны представителей остальнаго населенія за политическое значеніе у насъ не было.

И тѣмъ не менѣе наше законодательство и политика свернули на такую дорогу, на которой дворянство постепенно и неизбежно лишалось своего государственнаго значенія, на которой оно въ политическомъ и даже въ бытовомъ смыслѣ должно было мало по малу смѣшаться съ остальной массой населенія, а правительственная власть—потерять разрядъ людей, наиболѣе способныхъ къ дѣлу управленія.

На что надѣялись, выступая на этотъ путь? Надѣялись ли, что растворивъ культурный классъ въ многомилліонной массѣ престопаго можно поднять политическій и культурный уровень населенія?

Но вѣдь это такъ же странно, какъ странно ожидать получить вкусный напитокъ, вливъ стаканъ драгоценнаго вина въ бочку воды.

Надѣялись ли, что политическая зрѣлость, умственное и нравственное развитіе и способность къ дѣлу управленія, такія пустыя вещи, что онѣ должны будутъ немедленно и сами собою возникнуть во всей массѣ народа, лишь только часть этого народа избавится отъ крѣпостнаго состоянія?

Но примѣръ государственныхъ крестьянъ, въ теченіе всего почти Николаевскаго царствованія, пользовавшихся довольно значительной свободой и во всякомъ случаѣ не знавшихъ крѣпостнаго гнета, кажется, долженъ былъ бы показать, что отсутствіе крѣпостнаго права не дѣлаетъ

населеніе способнымъ осуществить политическія фантазіи доктринеровъ о полномъ самоуправленіи...

Трудно и бесполезно гадать, что тогда думали и на что надѣялись. По всему, что оставила намъ тогдашняя литература, по всѣмъ воспоминаніямъ о той эпохѣ людей, не сошедшихъ со сцены и еще нынѣ живущихъ, можно безошибочно сказать лишь одно: конечно, перемѣна отношенія государственной власти къ высшему служилому сословію основывалась не на трезвомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи русской дѣйствительности, не на зрѣломъ размысленіи, не на опытѣ, завѣщанномъ намъ нашею государственною, не на изученіи нашихъ историческихъ путей...

Нѣтъ, причина перемѣны государственной власти къ дворянству, причина новаго отношенія его къ сословному строю лежитъ въ томъ господствѣ среди нашего общества идей первой французской революціи, которое въ 60-хъ годахъ не ограничивалось уже порабоженіемъ мысли отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, но пошло выше и помрачило умы людей власти и государственныхъ мужей. Вотъ это-то повѣтріе—стремленіе пересадить на нашу почву принципъ «свободы, равенства и братства»—эта попытка культивировать ихъ на русской почвѣ—вотъ что было истинной причиной того, что вдругъ, безъ всякихъ, сколько нибудь доступныхъ пониманію, мотивовъ, можно сказать даже наперекоръ здравому политическому смыслу, наперекоръ всѣмъ указаніямъ и урокамъ исторіи, мы въ 60-хъ годахъ вдругъ и неожиданно повернули въ нашей государственной жизни на всесословную демократическую дорогу.

Вотъ какимъ образомъ началась та соціальная болѣзнь, которой и понынѣ хвораетъ наше дворянство. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта болѣзнь не имѣетъ ни-

чего общаго съ старческимъ одряхлѣніемъ, что она, такъ сказать, насильственно привита къ организму дворянства, ложной политикой нашей государственной власти 60-хъ годовъ и что не будь совершенно этой великой исторической ошибки, дворянство, какъ сословный соціальный организмъ, быть можетъ, и до сего дня было бы въ томъ вождѣльномъ здоровіи, въ которомъ оно служило русскому народу въ теченіе многихъ вѣковъ его государственнаго существованія.

А если теперешнее состояніе дворянства есть только недугъ, а не результатъ дряхлости сословія, то доводъ противниковъ дворянства о бесполезности усилій къ возстановленію правъ и значенія сословія самъ собою отпадаетъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДВОРЯНСТВА.

Служилое и культурное значеніе дворянства.—Дворянство, какъ опора государственнаго порядка.—Нашъ старинный служилый укладъ.

Утвердительное разрѣшеніе вопроса о томъ, сохранила ли современная Россія свой исконный сословный строй жизни *), даетъ намъ основаніе для разсмотрѣнія другаго не менѣ важнаго вопроса, а именно: каково должно быть отношеніе государства къ высшему изъ нашихъ сословій—дворянству? Должна ли продолжаться политика прошлаго царствованія, проводившая «сліяніе сословій» какъ въ области быта, такъ и въ области права, политика, приведшая къ упадку дворянства, или, наоборотъ, дворянство, какъ сословіе, должно быть охраняемо и, быть можетъ, даже возстановляемо въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ требованіями современной жизни?

Несмотря на свое разстройство и обѣдненіе, дворянство до сихъ поръ является нашею первою послѣ верховной власти государственною и культурною силой. Реформы прошлаго царствованія во многихъ отношеніяхъ принесли пользу единственно потому, что главными дѣятелями вновь созданныхъ учрежденій явились дворяне. Почти исключительно ихъ участіемъ держалось не только

*) См. выше статью „Сліяніе сословій“, стр. 9.

земское самоуправленіе, въ средѣ котораго было ихъ настоящее мѣсто, какъ владѣльцевъ помѣстій, но во многихъ случаяхъ и самоуправленіе городское, членами котораго они являлись лишь болѣе или менѣе случайно.

«Изъ среды дворянства вышелъ первый призывъ мировыхъ посредниковъ, говоритъ проф. Б. Н. Чичеринъ, который вынесъ на своихъ плечахъ великое дѣло освобожденія. Ихъ самоотверженной работѣ, а равно и готовности массы дворянства поступиться своимъ правомъ, Россія главнымъ образомъ обязана тѣмъ, что это величайшее изъ преобразованій совершилось мирно и правильно. Дворянство же заняло первенствующее мѣсто въ земскихъ учрежденіяхъ; оно наполнило мировые суды. *Если земство и мировой судъ принесли какую нибудь пользу, если они заслужили благодарность русскаго общества, то и этимъ оно обязано исключительно мѣстнымъ помѣщикамъ* *). Гдѣ были путные дворянскіе элементы, тамъ дѣло шло успѣшно; прорѣхи оказывались только тамъ, гдѣ они отсутствовали».

«Стоя во главѣ земства и управляя мѣстными дѣлами, дворянство пользовалось своими правами не для себя, а для другихъ. Можно сказать, что въ это время все гражданское управленіе Россіи покоилось въ концѣ-концовъ *на уѣздныхъ предводителяхъ*. Они были предсѣдателями и земскихъ собраній, и уѣздныхъ и рекрутскихъ присутствій, и училищныхъ совѣтовъ, часто даже мировыхъ съѣздовъ, а въ случаяхъ надобности, и уѣздныхъ управъ. Предводитель былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ уѣздѣ, съ которымъ всѣмъ приходилось считаться» **).

*) Курсивъ цитатъ во всей книгѣ принадлежитъ мнѣ. Авт.

**) См. ст. „О современномъ положеніи русскаго дворянства“, С.-Петер. Вѣд. № 28, 1897 г.

Дворянству же, по крайней мѣрѣ до самаго послѣдняго времени, принадлежитъ первое мѣсто не только на поприщѣ государственной службы, что могло бы найти себѣ нѣкоторое объясненіе въ правахъ и привилегіяхъ, а также и на поприщѣ науки, искусства и литературы. Но эти яркія, блестящія отличія блѣднѣютъ предъ громаднымъ значеніемъ дворянства на необъятныхъ пространствахъ Имперіи, въ уѣздахъ, въ помѣстьяхъ, вполне справедливо признаваемыхъ даже и нынѣ за настоящіе культурные центры для окружающаго населенія.

Все прошлое нашего дворянства въ общемъ говоритъ о немъ не только какъ о важной силѣ, но и какъ о силѣ доброй. Этого мало; важнѣе всего то, что оно всегда было силой *государственною*. Государство воспитало и взлелѣвало эту силу и всегда держало ее въ своихъ рукахъ; поэтому она никогда не была чуждою государству, никогда не имѣла самостоятельнаго отъ него существованія и никогда не предъявляла къ нему никакихъ притязаній. Наше дворянство, даже въ пору наибольшаго развитія своей мощи, не верховенствовало надъ народомъ, а лишь помогало верховной власти править имъ, по полномочію и отъ имени этой власти, служа ей и отъ нея завися; оно никогда не представляло изъ себя *État dans l'État*, подобно дворянству, напримѣръ, французскому; оно лишалось своихъ политическихъ правъ по такимъ же свободнымъ велѣніямъ верховной власти, по какимъ и надѣлялось ими, сообразно современнымъ нуждамъ страны.

Въ высшей степени интересны и важны отзывы этой верховной власти, нашихъ Монарховъ, о дворянствѣ, какъ о государственной силѣ; отзывы эти очень многочисленны и въ самыхъ лестныхъ для сословія выраженіяхъ свидѣтельствуютъ о твердой увѣренности нашихъ

Государей въ необходимости для Россіи высшаго служиваго сословія; приведемъ два изъ нихъ.

Вотъ какъ, между прочимъ, объясняла императрица Екатерина II пожалованіе 21 апрѣля 1785 года грамоты благородному сословію дворянства: «начальниковъ и предводителей Россія черезъ теченіе восьми сотъ лѣтъ отъ времени своего основанія находила посредѣ своихъ сыновъ, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощію Божіею и *пребудетъ вѣчно* Россійскому дворянству отличатся качествами блистающими къ Начальству. Сіе неопровергаемо доказывается самыми успѣхами, доведшими Имперію Россійскую до края нынѣшняго ея величества, силы и славы».

Сто лѣтъ спустя незабвенный Правнукъ великой Императрицы, Императоръ Александръ III, въ такихъ выраженіяхъ вновь подтвердилъ эти слова: «Сердцу Цареву», читаемъ мы въ Высочайшемъ Манифестѣ 21 апрѣля 1885 года, «пріятно признать... и Царскимъ словомъ засвидѣтельствовать», что дворянство «неуклонно служило Царямъ земли Русской *главною опорою* въ управленіи государствомъ»...

Къ этимъ отзывамъ нечего прибавить— не нужно только ихъ забывать...

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что государство должно сохранить эту силу не только для культурныхъ, но и главнымъ образомъ для собственно государственныхъ цѣлей? Этого требуетъ какъ вся наша исторія, такъ и простая экономія силъ страны; этого требуетъ, наконецъ, одинъ изъ послѣднихъ пережитыхъ нами тяжкихъ уроковъ нашей государственной жизни.

Когда въ концѣ прошлаго царствованія политическая смута достигла такихъ ужасныхъ размѣровъ и правительство обратилось ко «всесословному» обществу, оно не

нашло себѣ въ немъ надлежащей поддержки: правительству въ общественной средѣ не на кого было опереться, такъ какъ связи, соединявшія его съ высшимъ политическимъ классомъ страны, были почти порваны и самый классъ этотъ разстроенъ и дезорганизованъ.

Мало того, если не все общество, то по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть его относилась къ революціонному движенію даже «съ сочувствіемъ», какъ это было установлено многочисленными судебными разслѣдованіями. Въ извѣстномъ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго гг. попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 24 мая 1875 г. приводятся слѣдующія, заключающія въ себѣ горькій упрекъ этому обществу, слова министра юстиціи о революціонной пропагандѣ начала семидесятыхъ годовъ: «Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ,—такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается».

Предыдущая исторія наша, когда дворянство, не по названію только, а и въ дѣйствительности было высшимъ государственнымъ сословіемъ и представляло собою часть правительственной силы, не даетъ намъ ни одного, даже сколько нибудь подобнаго примѣра опаснаго соціально-политическаго заболѣванія.

Лучшимъ хранителемъ нашихъ политическихъ завѣтовъ и преданій является безспорно крестьянство. Оно еще вполнѣ самобытно и имѣетъ слишкомъ мало общенія съ западно-европейскимъ міромъ, чтобъ онъ могъ поколебать его основное міровоззрѣніе. Но крестьянство, по самому быту и составу своему, не можетъ имѣть вліянія въ повседневной политической жизни; оно представляетъ прочный и устойчивый базисъ, но значеніе его проявляется болѣе пассивно, чѣмъ активно. Дѣйствующая политическая роль всегда у насъ принадлежала и должна принадлежать дворянству.

Оно было и должно быть выразителемъ нашей государственной идеи и преданій. Правда, въ этомъ отношеніи на высшемъ служиломъ сословіи лежитъ длинный списокъ грѣховъ за петербургскій періодъ нашей исторіи, но справедливость требуетъ сказать, что грѣхи эти въ значительной мѣрѣ находятъ себѣ оправданіе въ жизни болѣе культурныхъ, чѣмъ наше отечество, странъ Европы.

Допустимъ, однако, что такъ или иначе дворянство обойдено, оно игнорируется, оно уничтожено; государственная власть тогда оказалась бы лицомъ къ лицу съ многомилліоннымъ моремъ крестьянства, которымъ можно было бы управлять лишь однимъ путемъ — бюрократическимъ. Несостоятельность такого исхода вполнѣ очевидна. По старинному укладу нашему старшинство на государственной службѣ имѣютъ лишь старшіе въ быту. Родовитый бояринъ стоялъ въ бытовомъ отношеніи головой выше рядоваго человѣка; послѣдній, привыкнувъ къ его авторитету въ ежедневномъ общеніи, относился къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ и тогда, когда видѣлъ его на государственной службѣ, будь то въ боевомъ снаряженіи, будь то въ мѣстномъ управленіи. Чиновникъ въ бытовомъ отношеніи, внѣ служебной дѣятельности, не имѣетъ ни-

какого значенія, не связанъ съ мѣстнымъ населеніемъ никакими интересами, а слѣдовательно и не можетъ пользоваться со стороны послѣдняго ни надлежащимъ сочувствіемъ, ни авторитетомъ.

Значеніе дворянства, какъ мы увидимъ далѣе, далеко не исчерпывается ролью его въ мѣстномъ управленіи, но даже для этой одной роли исторически сложившееся служилое сословіе ничѣмъ незамѣнимо.

«Исторія поставила этихъ людей, писалъ когда то нашъ великій публицистъ М. Н. Катковъ про дворянъ, во главѣ русскаго общества; много жертвъ принесъ Русскій народъ, много лишеній претерпѣлъ онъ, чтобы въ средѣ его образовался классъ людей, обезпеченныхъ въ своемъ положеніи и способныхъ заниматься не только своими частными, но и общественными дѣлами. Народы, не имѣющіе этого класса, неспособны къ политической жизни; они бываютъ безсильны даже отстаивать свою независимость, чему примѣромъ служатъ турецкіе Славяне, или по крайней мѣрѣ бываютъ безсильны прочно организовать, чему примѣромъ служатъ Греки.

Возможное ли дѣло, чтобы Россія, купивъ тяжкою цѣной образованіе въ Русскомъ народѣ высшаго класса, вдругъ отказалась отъ своего права пользоваться существованіемъ этого класса?

Нѣтъ, это невозможно. Съ исторіей нельзя такъ обращаться». *)

*) См. *Московскія Вѣдомости* 1863 г., № 140.

ДВОРЯНСТВО ВЪ НАШЕМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СТРОѢ.

Дворянство, какъ органъ Самодержавной Власти. — Принципы суверенитета народа и равенство; самодержавіе и сословность. — Монтескье о природѣ монархическаго правительства.

Тѣло дворянскаго сословія живо, хотя истощено и изнурено рядомъ причинъ по преимуществу внѣшняго происхождения, и возратить этому тѣлу прежнюю полноту жизни можно лишь однимъ путемъ — вдохнувъ въ него древній, исконный духъ общенія сословія съ государственною властію, то-есть возвративъ ему его прежнее служилое значеніе.

Это не какой-нибудь частный вопросъ отдѣльнаго сословія и его узкихъ интересовъ, — это вопросъ всего нашего государственнаго строя: наше дворянство не только культурный классъ, не просто государственное сословіе, оно — необходимый исполнительный органъ Самодержавной Власти.

Западно-европейская политическая софистика, въ своемъ стремленіи какъ-нибудь оправдать и обосновать внутреннія несообразности конституціонализма, выработала quasi-научную формулу: «король царствуетъ, но не управляетъ». Въ Русскомъ государствѣ никогда не существовало уклада, который бы представлялъ собою что-либо подобное. Въ Россіи самодержавные императоры не только цар-

ствуютъ, но и управляютъ, и имъ для управленія нужны служилые люди. Весь дворянскій вопросъ сводится, въ сущности, къ тому, — какъ, какимъ обычаемъ и порядкомъ, набирать этихъ служилыхъ людей.

Сторонники эгалитарныхъ доктринъ французской революціи утверждаютъ, конечно, что доступъ на государственную, или, вѣрнѣе, на *Государеву* службу долженъ быть открытъ для всякаго, что единственнымъ руководящимъ началомъ при выборѣ служилыхъ людей должны быть ихъ способности вообще и степень образованія въ частности, что происхожденіе отнюдь еще не доказываетъ способности къ государственной службѣ, что предпочтеніе, даваемое на основаніи лишь случайности рожденія, несправедливо въ своей основѣ и т. п.

Сторонники самобытныхъ историческихъ основъ нашего государственнаго устройства находятъ, что Государева служба должна быть ввѣряема не всякому лично способному человѣку, а главнымъ образомъ представителямъ родовъ, рядомъ поколѣній въ теченіе вѣковъ доказавшихъ и свои служебныя способности, и свою преданность Престолу и Отечеству; что высокая честь государственной службы можетъ-быть оказываема лишь избраннымъ родамъ, сумѣвшимъ составить себѣ уваженіе и пріобрѣсти силу и вліяніе въ бытовой жизни; что такимъ путемъ государственная власть не только создаетъ разсадникъ надежныхъ служилыхъ людей для всѣхъ поприщъ государственной дѣятельности, людей, надлежаче воспитанныхъ и подготовленныхъ, но и пріобрѣтаетъ среди народа опору во вліятельномъ, наиболѣе развитомъ, образованномъ и экономически обеспеченномъ сословіи, находящемся въ непрерывномъ общеніи съ государственною властью, а потому и не могущему не подчиниться дисциплинирующему воздѣйствію государственной пден; что только при-

существованіе этого класса на мѣстахъ, въ уѣздахъ, дастъ возможность правительству организовать такое мѣстное управленіе, которому, съ одной стороны, были бы дороги мѣстные интересы, и которое, съ другой, по самому существу своему было бы чуждо какимъ бы то ни было автономнымъ вождествіямъ...

Нечего и говорить въ какую сторону склоняются наши симпатіи.

Богатые и бѣдные, слабые и сильные — всегда были и будутъ. Но со временъ «великой» французской революціи многіе не раздѣляютъ этого мнѣнія. Послѣдователи идей эгалитарнаго прогресса стремятся уравнивать всѣхъ во всевозможныхъ отношеніяхъ *). Здоровые государственные организмы, не задаваясь такими безумными цѣлями, направляютъ свое вліяніе на то, чтобы способствовать образованію и развитію такого сословія богатыхъ и сильныхъ, которое было бы наиболѣе полезно имъ, государственнымъ организмамъ. При нашемъ самодержавномъ строѣ государственная власть имѣетъ лишь одно средство привлечь къ своимъ высшимъ задачамъ наиболѣе вліятельное, наиболѣе образованное и богатое сословіе народа, — это взять его къ себѣ на службу, слить его ближайшіе интересы съ интересами государственными, поставить его сознательнымъ и дѣятельнымъ стражемъ государственной идеи среди народа и сдѣлать его хранителемъ и носителемъ правительственныхъ традицій и на-
выковъ.

Внѣ такой политики культурный слой народа не

*) 16 августа 1792 г. обычный ораторъ С. Антуанскаго предмѣстья, рисовальщикъ по матеріи Гоншонъ (Gonchon), говорилъ въ Національномъ Собраніи Франціи: „Ayez un gouvernement qui mette le pauvre au-dessus de ses faibles ressources et le riche au-dessous de ses moyens: l'équilibre sera parfait“. (Moniteur, XIII, 437, Seance du 16 août).

только остается бесполезнымъ для чисто государственныхъ цѣлей, но нерѣдко становится силою оппозиціонною, противодѣйствующею государственной власти.

Живой организмъ не можетъ оставаться бездѣятельнымъ, и дворянство, въ случаѣ утраты имъ своего государственнаго мѣста, своего значенія какъ силы государственной, неизбѣжно должно было бы увеличить собою силы противогосударственныя, ибо никакого третьяго, промежуточнаго положенія не существуетъ. Печальныя страницы нашей исторіи трехъ послѣднихъ десятилѣтій могли бы представить не мало доказательствъ въ подтвержденіе этой мысли. Всѣ либеральныя выходки этихъ десятилѣтій, — выходки, въ которыхъ дворянству принадлежала видная роль, — могутъ быть объясняемы, конечно, особаго рода умственною болѣзнію, повѣтріемъ, охватившимъ наше общество сверху до низу, но этотъ недугъ потому и имѣлъ столь тяжелыя послѣдствія, что дворянство почти лишилось своего государственнаго значенія, такъ что общественное положеніе дворянина почти ничѣмъ не разнилось отъ такого же положенія разночинца. Что же мудренаго, что цѣлыя толпы дворянъ порвали всякія связи съ сословіемъ и примкнули къ той сбродной и враждебной нашей государственности толпѣ, которую принято называть «интеллигенціей»...

Сущность нашего государственнаго устройства заключается въ томъ, что Государь Императоръ Самъ правитъ народомъ Своимъ. Этимъ основоположеніемъ всего отечественнаго политическаго зданія обуславливаются и сословность его общественнаго строя, и тѣ формы, въ которыхъ населеніе принимаетъ участіе въ дѣлѣ управления.

Типичное государственное устройство странъ Западной

Европы сложилось такъ, что верховная власть или считается всецѣло принадлежащею «народу», или распредѣляется между нимъ и монархомъ. Отсюда понятно, что весь поступательный ходъ политическаго прогресса на Западѣ заключается лишь въ томъ, чтобы распредѣлить среди гражданъ возможно равномѣрнѣе то, что объявлено ихъ всенародною собственностью—верховную власть. И дѣйствительно, мы видимъ, что все составляющее помѣху справедливому распредѣленію *поровну* между гражданами политическихъ правъ, которыя и являются выраженіемъ верховной власти, всѣ институты и бытовые союзы, сложившіеся въ предшедшія историческія эпохи, до возникновенія начала народнаго верховенства,—все это быстро стирается и исчезаетъ, уступая мѣсто полной нивелировкѣ сословій, полному уравниенію участія въ дѣлахъ правленія, всеобщему избирательному праву и т. п.

У насъ, благодаря Бога, надъ всею землею нѣтъ иного верховенства, кромѣ верховенства Царя-Императора; и весь народъ, и отдѣльныя его историческія сословія не только никогда не имѣли притязаній на какое-либо участіе въ верховной власти, но сочли бы измѣной и самую мысль о такомъ участіи. Нашъ исконный образъ правленія вполнѣ удовлетворяетъ требованію наказа Екатерины II о томъ, что «государственный строй долженъ соотвѣтствовать расположенію народному» *). Поэтому ни отдѣльнымъ гражданамъ, ни сословіямъ нечего дѣлить между собою, не изъ-за чего враждовать и нѣтъ основаній ни къ какой политической борьбѣ; поэтому-то въ Россіи и не было никогда никакой «сословной розни», которая въ Западной Европѣ столько разъ раздражалась потоками крови и которую у насъ въ шестидесятыхъ

*) Ст. 5 и 14 Наказа.

годахъ пришлось выдумать для того, чтобы чѣмъ-нибудь оправдать предпринятую тогда ломку сословій.

Но если, съ одной стороны, у насъ нѣтъ настоящихъ причинъ ко всеобщему «равненію», то, съ другой, есть много основаній къ сохраненію въ нашемъ строѣ сословныхъ отличій и группировки населенія по отдѣльнымъ союзамъ. Сословія, какъ въ ихъ цѣломъ, такъ и въ лицѣ отдѣльных ихъ представителей, являются далеко неодинаково способными къ несенію государственно-служилыхъ обязанностей. Поэтому Монархи наши искони и надѣляютъ ихъ соотвѣтственно *различными* правами и обязанностями. Желать вполнѣ равномернаго распредѣленія этихъ правъ и обязанностей между всѣми гражданами—значить желать, чтобы верховная власть при раздачѣ своихъ полномочій руководствовалась не пользою дѣла правленія, а соображеніями, не имѣющими никакого къ нему отношенія. Правительственныя полномочія—не пряникъ, поровну дѣлимый между дѣтьми, и при дарованіи ихъ верховная власть можетъ имѣть въ виду единственно лишь интересы Престола и Отечества.

Наша сословность и находится въ тѣснѣйшей связи съ самодержавіемъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ безспорно подрывали нашъ самодержавный принципъ, и именно въ виду этого для «справедливаго» распредѣленія той частицы Верховной власти, которую имѣлось въ виду отмежевать, дѣятельно подготовлялась почва путемъ разрушенія сословныхъ перегородокъ и смѣшенія всѣхъ слоевъ населенія въ одну безцвѣтную и безформенную массу.

Макиавели говоритъ: «гдѣ равенство, тамъ не можетъ быть монархіи; гдѣ его нѣтъ, тамъ не можетъ быть респуб-

лики» *). И дѣйствительно, въ Россіи съ ея древними сословіями самое пылкое воображеніе едва ли было бы способно представить себѣ республиканскій образъ правленія.

Съ другой стороны и нашъ государственный строй, самодержавная монархія, является единственно правильной точкой зрѣнія на значеніе въ нашей національной жизни сословности вообще и высшаго служилаго класса въ частности. Если представить себѣ море нивелированного народа и высоко надъ нимъ, безъ всякихъ опоръ въ населеніи верховную власть съ одной стороны, и народъ, раздѣленный по сословіямъ сообразно бытовымъ особенностямъ, и ту же власть въ связи съ этими сословіями—съ другой, то не можетъ быть и вопроса о томъ, какой изъ этихъ двухъ государственныхъ укладовъ представляется болѣе устойчивымъ и прочнымъ и болѣе обезпечиваетъ странѣ условія здороваго и нормальнаго развитія.

Связь между нашей верховной властью и дворянствомъ не только никогда не прерывалась, но, если исключить пореформенную эпоху, постоянно по мѣрѣ распространенія просвѣщенія все болѣе и болѣе крѣпла. Наши Императоры неоднократно признавали себя первыми дворянами Россіи и всегда подавали дворянству высокій примѣръ трудовъ на пользу отечества. Не говоримъ уже о многочисленныхъ всенародныхъ признаніяхъ дворянства главной опорой верховной власти. «Благородное дворянство Наше, говорится, на примѣръ, въ Высочайшемъ Манифестѣ о раздачѣ медалей въ память 1812 года,—вѣрная крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ Царю и

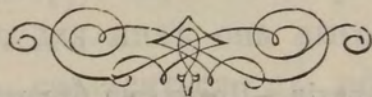
*) Machiavelli—Il. Principe, кн. I, гл. LV.

Отечеству, наипаче же нынѣ изъясвившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имущества, но и самой крови и жизни своей».

Но никогда тѣсная связь нашей государственной власти съ высшимъ служилымъ классомъ не проявлялась рельефнѣе, чѣмъ въ два послѣднія царствованія: упадокъ дворянства въ царствованіе Императора Александра II былъ несомнѣннымъ слѣдствіемъ ослабленія государственной власти во всѣхъ ея проявленіяхъ; усиленіе же этой власти при Императорѣ Александрѣ III прежде всего повело за собой стремленіе поднять дворянство.

Вопросъ о связи монархическаго образа правленія съ дворянствомъ разработанъ многими европейскими мыслителями. Съ особенною ясностію высказался о ней Монтескьё. Вотъ что писалъ знаменитый ученый о природѣ монархическаго правительства: «Les pouvoirs intermédiaires, subordonnés et d'pendants constituent la nature du gouvernement monarchique, c'est-à-dire de celui où un seul gouverne [par des lois fondamentales. J'ai dit les pouvoirs intermédiaires, subordonnés et dépendants: en effet, dans la monarchie, le prince est la source de tout pouvoir politique et civil. Ces lois fondamentales supposent nécessairement des canaux moyens par où coule la puissance: car, s'il n'y a dans l'État que la volonté momentanée et capricieuse d'un seul, rien ne peut être fixe, et par conséquent aucune loi fondamentale. Le pouvoir intermédiaire subordonné le plus naturel est celui de la noblesse. Elle entre, en quelque façon, dans l'essence de la mo-

narchie, dont la maxime fondamentale est: «Point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque». Mais on a un despote *).

*) „Природу правленія монархическаго, т. е. такого, гдѣ одинъ чело-
вѣкъ царствуетъ согласно основнымъ законамъ, составляютъ власти по-
средствующія, подчиненныя и зависимыя. Я сказалъ власти посредствую-
щія, подчиненныя и зависимыя. Дѣйствительно, въ монархіи государь
есть источникъ всякой политической и гражданской власти. Эти основ-
ные законы неизбежно предполагаютъ особые каналы, по которымъ
исходить власть, такъ какъ если въ государствѣ есть только мгновен-
ная и капризная воля одного человѣка, ничто не можетъ быть устой-
чивымъ, а, слѣдовательно, и не можетъ быть никакого основнаго уклада.
Наиболѣе естественная посредствующая и подчиненная власть есть
власть дворянства. Такъ или иначе она входитъ въ существо монархіи,
основная формула которой: „Нѣтъ монарха—нѣтъ дворянства; нѣтъ
дворянства—нѣтъ монарха“. А есть деспотъ“.

ДВОРЯНСТВО И БЮРОКРАТІЯ.

Rien de pis que la bureaucratie universelle.
Н. Тaine *).

„Интеллигентная“ бюрократія.—Положеніе бюрократіи въ прошломъ.—
Бюрократія, какъ переходная ступень къ парламентаризму.—Культур-
ный слой и дворянство.

Ненависть къ дворянству со стороны нашихъ либераловъ столь велика, что, какъ ни рѣзки и ни пренебрежительны ихъ отзывы о чисто бюрократической формѣ правленія, они, конечно, предпочли бы видѣть эту форму во всемъ нашемъ государственномъ строѣ, начиная съ волостнаго правленія и кончая государственнымъ совѣтомъ, чѣмъ допустить хоть какія нибудь новыя политическія полномочія дворянству.

Причина этого понятна.

Бюрократическій строй ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть долговѣченъ. Управленіе исключительно посредствомъ арміи чиновничества для такой страны, какъ Россія, конечно, было бы управленіемъ самодержавнаго монарха съ помощію наемниковъ, другъ надъ другомъ начальствующихъ, другъ друга контролирующихъ и другъ

*) *La revolution*, t. 1, p. 215.

друга покрывающихъ. Эти наемники, конечно, могли бы быть людьми болѣе или менѣе образованными, посвященными въ ту спеціальность, которая была избрана каждымъ изъ нихъ, но почти никакой связи со страной, никакого основанія дорожить интересами народа или существующимъ политическимъ строемъ болѣе, чѣмъ это безусловно необходимо по служебнымъ требованіямъ, у нихъ бы не было. Это не былъ бы классъ, связанный съ монархіей традиціями и преданіями, каково, напримѣръ, наше дворянство, это былъ бы наборъ людей изъ всѣхъ слоевъ общества, людей, которые идутъ на государственную службу только потому, что для нихъ она выгоднѣе службы частной. Если можно согласиться съ историкомъ Мишлэ, который сказалъ о *дворянствѣ*: «*tant que la noblesse est puissante, toute tentative contre la monarchie échouera*» *), то едва ли тотъ же отзывъ можно было бы повторить о *бюрократіи*.

Зная составъ нашего русскаго общества, нетрудно предвидѣть, что главную составную часть этой громадной бюрократіи у насъ заняли бы представители, такъ называемой, интеллигенціи. Въ сущности эти представители и въ настоящее время значительно заполняютъ собой государственную службу, а съ окончательнымъ уничтоженіемъ и упадкомъ дворянства наступило бы полное ихъ царство. Правительство неизбѣжно вынуждено было-бы пополнять ими многочисленныя кадры чиновничьей арміи. Но мы знаемъ, что такое «интеллигенція» и каковы ея отношенія къ правительству. Мы знаемъ, что эта интеллигенція повально въ душѣ своей настроена противъ того государственнаго строя, которому она слу-

*) „При могущественномъ дворянствѣ не могутъ имѣть успѣха никакія покушенія противъ монархіи“. Michelet. *Introduit. à l'hist. universel*.

жить; что, если она ничѣмъ не выражаетъ этого и довольствуется пока выполненіемъ своихъ обязанностей, то это единственно потому, что въ настоящее время она связана и дисциплиною службы и предѣлами, отведенными бюрократіи для какой-бы то ни было инициативы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при первой возможности она воспользовалась бы своею властью и своимъ положеніемъ для какихъ либо рискованныхъ политическихъ авантюръ, — вѣдь бюрократическому пролетаріату терять нечего, такъ же какъ и пролетаріату фабричному.

Всѣ эти соображенія, и, можетъ быть, многія другія и были, надо думать, причиною того, что прежніе приказные, такъ же какъ и послѣ-петровская бюрократія, никогда не пользовались болѣе или менѣе широкимъ довѣріемъ государственной власти. «Наше правительство, говоритъ г. О. Рёмеръ *), никогда не опиралось на своихъ чиновниковъ исключительно; они, напротивъ, въ этомъ отношеніи играли лишь вторую роль, да еще подъ ревнивымъ контролемъ цѣлаго могущественнаго сословія, которое то выдѣляло изъ себя всѣхъ значительныхъ членовъ бюрократіи, то вновь воспринимало ихъ въ свою среду. Въ сущности же, главную и дѣйствительную службу въ государствѣ — службу на мѣстахъ, въ арміи и даже въ судѣ — несли не выдѣлившіеся изъ сословія чиновники, а все дворянство *in corpore*. Вспомните роль дворянина-помѣщика, управлявшаго крестьянами; дворянина-офицера, служившаго нѣсколько лѣтъ отнюдь не ради карьеры, но *изъ чести*; дворянина-предсѣдателя уголовной палаты или уѣзднаго судью въ дореформенное время, а

*) См. ст. „О дворянствѣ“ *С. Петерб. Вѣд.* № 118, 1897 г.

затѣмъ дворянина-мироваго судью, вспомните дворянъ-предводителей, капитанъ-исправниковъ, станowychъ, вспомните роль дворянства въ 1812 году и въ эпоху освобожденія крестьянъ—и вамъ сдѣлается вполне ясно, почему чиновничество никогда не могло пустить у насъ глубокихъ корней, образовать нѣчто подобное кастѣ, цеху или хотя бы тѣсному союзу людей, связанныхъ общими интересами. Въ томъ-то и дѣло, что Русскій Царь сталъ въ непосредственныя отношенія къ своему народу и управлялъ имъ посредствомъ одного изъ его же сословій, разумѣется, первенствующаго просвѣщеніемъ и преданностью интересамъ государства и общественнаго блага».

Къ этому можно лишь прибавить, что современная бюрократія имѣетъ наклонность портиться не только въ смыслѣ неудовлетворительнаго выполненія своихъ обязанностей, хищеній, лихоимства и т. п., въ чемъ было повинно и старое чиновничество, но и въ направленіи политическомъ. Всякій, знакомый съ бюрократическими сферами, не разъ, конечно, слышалъ такую фразу: «этотъ департаментъ наполненъ «красными»».

Но что же такое «красный» на нашемъ повседневномъ языкѣ? Не касаясь весьма различныхъ оттѣнковъ этого слова, можно сказать утвердительно, что во всякомъ случаѣ это человѣкъ не сочувствующій основамъ существующаго государственнаго строя. И вотъ такіе-то люди призываются стоять на стражѣ этого строя...

Едва ли мы преувеличимъ, сказавъ, что при всеобщемъ торжествѣ бюрократіи этотъ строй находилъ бы въ постоянной опасности заговоры, *coups d'État* и т. п. Конечно, противники его, являющіеся въ то же время и противниками дворянства, едва ли игнорируютъ это обстоятельство.

Степень дисциплинированности нашей бюрократіи видна,

между прочимъ, изъ Высочайшаго Рескрипта 13-го мая 1866 года, даннаго на имя предсѣдателя Комитета Министровъ кн. Гагарина. «Мнѣ извѣстно, читаемъ мы въ этомъ важномъ государственномъ документѣ, что нѣкоторые изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ Правительства, и даже въ распространеніи тѣхъ *противныхъ общественному порядку учений*, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ Правительства...» Вотъ какимъ элементарнымъ служебнымъ истинамъ еще недавно приходилось поучать нашу бюрократію, да еще въ Высочайшихъ Рескриптахъ...

Но изъ всей народной массы только одно дворянство могло бы быть противопоставлено современной безчисленной чиновничьей арміи.

«Пусть всякій переберетъ разные классы нашего общества, и не только нашего, но и какого угодно общества, писалъ М. Н. Катковъ еще въ 1863 году *); пусть онъ спроситъ себя, въ какомъ классѣ общества могутъ быть найдены элементы, способные состязаться въ дѣлѣ управленія съ элементомъ бюрократическимъ, и онъ придетъ къ тому заключенію, что только землевладѣльческій классъ способенъ вести общественныя дѣла безъ чиновничьей опеки».

Поэтому-то и бюрократія, и «интеллигенція», каждая по своему, такъ не любятъ дворянство.

Интересное и во многомъ мѣткое сравненіе бюрократіи и помѣстнаго дворянства дѣлаетъ анонимный авторъ, из-

*) См. *Московскія Вѣдомости*, № 162, 1863 года.

данной еще въ 1870 году брошюры «Сліяніе сословій» *). «Въ началѣ нашей политической жизни, говоритъ авторъ, мы видѣли дружины, властвовавшія именемъ князей надъ народомъ; правленіе Іоанна IV выдвинуло опричину; впослѣдствіи служилый классъ развился въ бюрократію, которая выдѣлила, наконецъ, изъ среды себя либеральное чиновничество. Тѣ, кто вообще производятъ дворянство лишь отъ служилаго сословія, упускаютъ изъ виду самое вліятельное внутри Россіи и важное во всѣхъ эпохахъ ея жизни, старинное земское боярство, давшее намъ земское дворянство, т. е. помѣстное или вотчинное, иначе земледѣльческое. Оно болѣе самостоятельно, нежели служилое, которое за то вознаграждаетъ себя бюрократическою властію. Первое имѣетъ главнымъ своимъ обезпеченіемъ землевладѣніе, привязывающее его крѣпкими узами къ отечеству; послѣднее, болѣе космополитическое, обезпечено казеннымъ содержаніемъ; значеніе его—въ должностяхъ и оно связано дисциплинарностію. Составъ перваго слабѣетъ, а послѣдняго усиливается искателями мѣстъ съ жалованьемъ».

«Характеръ перваго есть охрана спокойствія и преслѣданіе экономическаго быта, съ чѣмъ сопряжено его благосостояніе; служилыя же пользы не связаны съ сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ, къ которому бюрократія по этому и равнодушна; ей не всегда даже пріятна правда, доходящая до Престола. Понятно, чѣмъ болѣе уменьшается сила и значеніе охранительнаго по своему существу земледѣльческаго дворянства, тѣмъ естественно болѣе усиливается произволъ бюрократіи, а черезъ то развиваются и пути къ ея благоденствію. Лишь уравнивши-

*) См. „Сліяніе сословій или дворянство, другія состоянія и земство“. С.-Петербургъ, 1870 г. Стр. 33.

вая обѣ эти силы, можно устранить преобладаніе одной надъ другой, вредное для государства».

Итакъ, хотя бюрократическій строй и не соответствуетъ идеаламъ нашихъ либеральныхъ доктринеровъ, тѣмъ не менѣе, они предпочли бы этотъ строй, чѣмъ какое бы ни было управленіе съ участіемъ дворянства. Но вѣдь дворянство есть часть населенія, несомнѣнно часть земства, и чѣмъ же объясняется такое къ нему нерасположеніе? Дѣло стоитъ очень просто. Бюрократическій строй, конечно, не могъ бы просуществовать долго, и вѣроятно же всего, что крушеніе его было бы обусловлено двумя причинами: съ одной стороны можно считать, что часть бюрократіи, заполненная «интеллигенціею», почувствовавъ, что она нужна и понявъ, что она въ правительственномъ дѣлѣ является господиномъ «положенія», какъ мы уже сказали, едва-ли не увлеклась бы властолюбивыми политическими стремленіями; съ другой стороны—болѣе или менѣе продолжительное существованіе бюрократіи, являющейся единственнымъ типомъ администраціи страны, всегда и неизбежно приводитъ къ развитію въ ея средѣ множества злоупотребленій. Не имѣя свѣжаго притока силъ изъ населенія, бюрократія какъ бы загниваетъ, что, конечно, рано или поздно обнаруживается, при чемъ этотъ гнилостный процессъ охватываетъ такъ быстро ея части, что бюрократическій организмъ оказывается неизлѣчимымъ, хищенія и лихоимство — неискоренимыми, такъ какъ классъ чиновничества бываетъ развращенъ сверху до низу и его не въ состояніи исправить самый строгій государственный режимъ.

Государственная власть тогда волею-неволею должна будетъ рѣшиться передать часть своихъ функцій выбор-

нымъ населенія, для того чтобы избавиться навсегда отъ не легкой обузы мѣстнаго и областнаго управленія, а слѣдовательно, и отъ арміи распущенныхъ и привыкшихъ къ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, бюрократическая система въ существѣ дѣла явилась бы естественною переходною ступенью къ парламентаризму.

Дворянство, не имѣя никакихъ государственныхъ функцій за время господства бюрократіи, явится органомъ совершенно атрофированнымъ и отъ этого высшаго сословія, быть можетъ, ко времени паденія бюрократіи не осталось бы и слѣда. Совершенно понятно, что правительству не къ кому было бы обратиться для привлеченія къ дѣлу управленія, какъ только къ демократизованной толпѣ, среди которой не будетъ сословій, т. е. придется обратиться къ системѣ, именуемой самоуправленіемъ.

Кто же явится верховодящимъ элементомъ въ этомъ самоуправленіи? Дворянъ не существуетъ, но несомнѣнно остался среди населенія высшій культурный слой, составившійся изъ обломковъ дворянства и разночинцевъ и къ этому слою и перешла бы власть въ самоуправленіи. Этотъ слой, именуемый «интеллигенціею», оставивъ ряды чиновничества, сталъ бы въ ряды народа, для того чтобы принять отъ правительства власть, которую послѣднее отдало бы народу лишь номинально. Вотъ окончательная цѣль и вотъ къ чему стремятся наши конституціоналисты.

Такой исходъ совершенно очевиденъ, и наиболѣе дальновидные и разумные противники дворянства не рѣшаются его отвергать. Они только нѣсколько видоизмѣняютъ споръ и стараются перенести его на другую почву, говоря, что если дѣйствительно «интеллигенція» восполь-

зуются наслѣдіемъ дворянъ въ отношеніи политическихъ полномочій, то въ этомъ не будетъ ничего несправедливаго, такъ какъ «интеллигенція» по своему названію заключаетъ въ себѣ все наиболѣе культурное, наиболѣе способное и наиболѣе образованное, что «интеллигенція» явится классомъ неоспоримо болѣе способнымъ, чѣмъ дворянство, по той простой причинѣ, что онъ приметъ въ себя дворянъ, какъ свою часть, дополнивъ эту часть элементами изъ другихъ сословій и при томъ элементами, несомнѣнно, лучшими.

Допустимъ, что относительно этого будущаго состава «интеллигенціи» противники дворянства, совершенно правы. Ошибаются они и не хотятъ признать, что разница между сословнымъ управленіемъ и самоуправленіемъ заключается не столько въ людяхъ, сколько въ началахъ, на которыхъ эти люди будутъ участвовать въ управленіи.

Культурный слой населенія всегда остается одинаковымъ въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ: это наиболѣе богатые, наиболѣе образованные и развитые и наиболѣе привыкшіе къ власти люди. Но существенно мѣняется государственное положеніе этихъ людей или, вѣрнѣе, отношеніе къ нимъ государственной власти.

При системѣ самоуправленія власть провозглашается принадлежащею народу и культурный классъ является уполномоченнымъ этого народа, а на самомъ дѣлѣ самостоятельнымъ и неограниченнымъ правителемъ его. Въ этомъ случаѣ культурный классъ является въ сущности самъ неограниченнымъ монархомъ, такъ какъ онъ считается съ волею народа лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы его не раздражать, льстя его наклонностямъ и оказывая ему чисто внѣшнее уваженіе.

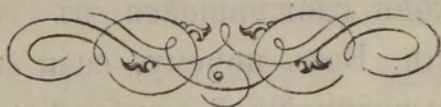
Совершенно иначе, если тотъ же самый культурный

елой принимаетъ участіе въ дѣлѣ управленія въ качествѣ правящаго сословія при самодержавномъ строѣ. Въ этомъ случаѣ вся власть дворянства, истекая изъ полномочій, даваемыхъ ему монархомъ, не имѣетъ самостоятельнаго характера. Дворянство играетъ лишь роль уполномоченнаго высочайшей власти и занимаетъ первенствующее положеніе въ государствѣ лишь въ качествѣ ближайшаго слуги монарха. Вотъ почему наше дворянство не было никогда силой политической, а оставалось силой служилой и, слѣдуя своимъ традиціямъ и преданіямъ, представляло лучшую опору самодержавія и вотъ почему, наоборотъ, дворянство, превращенное въ «интеллигенцію», неизбѣжно оказалось-бы самовольнымъ, пожелало-бы управлять народомъ своею властью, хотя бы подъ маской слуги этого сувереннаго народа и, во всякомъ случаѣ, было бы враждебно, искони сложившейся въ государствѣ самодержавной власти. Вотъ почему, если намъ дорога послѣдняя, было бы величайшей ошибкой допустить, помощью водворенія въ государствѣ бюрократическаго управленія, превращеніе дворянства въ «интеллигенцію».

А между тѣмъ цѣль нашихъ конституціоналистовъ въ дворянскомъ вопросѣ и заключается не только въ томъ, чтобы лишить дворянство его прежняго государственнаго значенія, но также и въ томъ, чтобы воспользоваться его личнымъ составомъ, стоящимъ на высокой степени культурнаго и политическаго воспитанія для пополненія своихъ кадровъ.

Собственно этотъ процессъ—постепеннаго превращенія дворянъ въ «интеллигенцію»—начался еще до освобожденія крестьянъ и постепенно при благопріятныхъ условіяхъ продолжается и до настоящаго времени. Необходимость радикальныхъ мѣропріятій для поддержанія дво-

рянства и возвращенія ему прежней служилой роли обусловливается тѣмъ, что при извѣстномъ пропускѣ времени можетъ наступить день, когда придется сказать: у насъ нѣтъ болѣе дворянства, а есть лишь «интеллигентная» толпа.

ДВОРЯНСТВО И „ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ“.

Наши главные роды людей.—Такъ называемая „интеллигенція“.—Новое политическое значеніе дворянства.

Статья 2-я тома девятого свода законовъ Россійской Имперіи гласить:

«Въ составѣ городского и сельскаго населенія, по различію правъ состоянія, различаются четыре главные рода людей: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городскіе обыватели; 4) сельскіе обыватели».

Таково наше основное сословное дѣленіе, образовавшееся исторически и самобытно и въ главныхъ чертахъ своихъ и понынѣ вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности, т. е. тѣмъ характернымъ бытовымъ особенностямъ, которыми различаются между собой наши сословныя группы вообще и ихъ отдѣльные представители въ частности.

До шестидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія это правовое и бытовое дѣленіе населенія и было единственно возможнымъ дѣленіемъ—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи политическомъ. Но въ послѣднюю четверть вѣка, подъ вліяніемъ реформъ прошлаго царствованія, въ основу которыхъ было положено начало безсословности, на-ряду съ этимъ официальнымъ дѣленіемъ, въ обществѣ и литературѣ при обсужденіи политическихъ и соціальныхъ во-

просовъ возникло и упрочилось другое дѣленіе всей массы населенія имперіи, а именно—дѣленіе на т. наз. «интеллигенцію» и народъ. Нельзя сказать, чтобы при этомъ отрицалось существованіе сословій—дворянскаго, купеческаго и другихъ—, но эти сословія игнорировались, какъ утратившія свое государственное и социальное значеніе.

«Интеллигенція» въ прямомъ значеніи этого слова существовала у насъ, конечно, и въ дореформенное время, ранѣе чѣмъ явилось это позднѣйшее наименованіе и истинно «интеллигентные» люди могли быть среди разныхъ сословій, хотя и были, главнымъ образомъ, среди дворянства. Но понятіе «интеллигентность», какъ синонимъ высокаго образованія, развитія и вообще умственныхъ качествъ, конечно, не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія, а потому «интеллигентный» человѣкъ дореформенной эпохи, пользуясь правовымъ положеніемъ своего сословія «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» и оставаясь вѣрнѣе его историческимъ преданіямъ и завѣтамъ, нисколько не впадалъ самъ съ собою во внутреннее противорѣчіе.

Но съ самаго появленія въ нашемъ языкѣ словъ «интеллигентность» и «интеллигенція», имъ было придано совершенно особенное, специфическое значеніе, сохранившееся за ними и до настоящаго времени. Въ ребяческомъ упоеніи кажушимися успѣхами нашего прогресса и при подавляющемъ господствѣ ультра-демократическихъ идей, въ обществѣ и печати установилось то наивное воззрѣніе по которому умственно-развитой и образованный человѣкъ *и не можетъ* держаться иныхъ политическихъ убѣжденій, кромѣ тѣхъ, которыя извѣстны у насъ подъ именемъ «либеральныхъ», «прогрессивныхъ» и т. п. «Русская прогрессивная интеллигенція, говоритъ одинъ изъ знатоковъ ея, г. В. В., въ отличіе отъ западно-европей-

ской (прошлаго времени, когда народъ еще не выступалъ въ роли активнаго агента исторіи), характеризуется *особеннымъ демократизмомъ воззрѣній*... *). Такихъ то именно людей съ «особеннымъ демократизмомъ воззрѣній» и стали называть «интеллигентными», а всю совокупность ихъ «интеллигенціей».

Какъ ни неправильно само по себѣ это названіе, но разъ оно установилось, общепринятое значеніе его болѣе или менѣе опредѣленно и не можетъ возбуждать существенныхъ недоразумѣній. Безспорно даже, что самая легкость, съ которой оно привилось и вошло въ повседневное употребленіе, указываетъ на назрѣвшую въ немъ потребность. Обозначаемый имъ «родъ людей» сталъ довольно многочисленъ, заявляетъ большія претензіи на роль и значеніе въ государствѣ и присвоеніе этому особаго рода «сословію» **) того или другого наименованія было лишь вопросомъ времени. Его называютъ «интеллигенціей» — не всё ли равно какъ его называютъ.

Но нельзя не обратить вниманія на то, что «интеллигенція» — не русское слово и что русскій языкъ не имѣетъ синонима. Обстоятельство это безспорно доказываетъ, что и понятіе, выражаемое этимъ словомъ, возникло въ

*) См. В. В. „Наши направленія“, С.-П—ргъ, 1893 г., стр. 66.

**) Не смотря на свое отрицаніе сословій, „интеллигенція“, повидимому, считаетъ себя именно особымъ сословіемъ. Такъ прежде, напримѣръ, основывались благотворительныя учрежденія для мѣщанъ, лицъ духовнаго званія и т. п. Теперь мы можемъ читать такіа извѣстія: „Въ память посѣщенія Россіи Форомъ предполагается учрежденіе въ Петербургѣ дома трудолюбія для *интеллигентныхъ* лицъ обоего пола“. (См. *Русскія Вѣдомости*, № 212). Такъ какъ правила на вступленіе въ этотъ домъ, какъ надо думать, будутъ возможно точно опредѣлены уставомъ, то въ непродолжительномъ времени намъ предстоитъ, можетъ быть, узнать даже правовые признаки „интеллигента“...

русской жизни не самобытно, что оно пересажено къ намъ изъ чужихъ странъ. Это очень характерно для нашей «интеллигенціи».

Велико значеніе русскаго дворянства въ нашемъ прошломъ; но наиболѣе важная государственная роль должна принадлежать ему въ нашемъ будущемъ.

Историческое положеніе дворянства ясно опредѣлено: это было служилое сословіе, предводительствовавшее въ ратномъ полѣ и управлявшее народомъ по указу своихъ государей въ мирное время. Въ эти двѣ функціи дворянства и вылилось все его служеніе царской власти, государству и порядку въ простомъ, своеобразно и стройно сложившемся быту нашихъ предковъ.

Въ наши дни условія поддержанія порядка существенно осложнились и видоизмѣнились. Реформы недавнаго прошлаго безпощадно ломали тѣ «сословныя перегородки», которыя съ точки зрѣнія французскихъ революціонныхъ теорій составляли помѣху къ благоденствію и благополучію Русскаго народа. Эта разрушительная работа не создала безсословнаго общества, но на поверхности нашей жизни оказалось много обломковъ сословнаго строя, довольно многочисленный разрядъ людей вполне порвавшихъ всякую связь съ сословною средой, отторженныхъ отъ ея быта, не знающихъ ея дисциплинирующаго вліянія и пренебрегающихъ всѣми духовными пріобрѣтеніями ея прошлаго—традиціями, преданіями, политическимъ разумѣніемъ. Этотъ разрядъ еще недавно назывался *разночинствомъ*; его то теперь и именуютъ «интеллигенціей».

Мы знаемъ, что представляютъ собою каждое изъ нашихъ сословій въ соціальномъ, политическомъ и бытовомъ отношеніяхъ; мы знаемъ ихъ исторію, знаемъ какъ

чистыя и свѣтлыя, такъ и мрачныя ея страницы; предъ нами, какъ живые, встають вереницы типовъ сословныхъ людей, типовъ положительныхъ и отрицательныхъ, высокихъ и ничтожныхъ, чудесно воспроизведенныхъ нашими геніальными художниками... Но что такое наша «интеллигенція»? Что это за новый разрядъ людей, о которомъ пишутъ книги, отъ имени котораго говорятъ публицисты, который претендуетъ выражать «общественное мнѣніе», который принимаетъ на себя заботу о «меньшемъ братѣ», шумить и жестикулируетъ на виду у всѣхъ такъ, какъ будто бы онъ-то именно и дѣлаетъ исторію? Сложился ли этотъ разрядъ людей изъ лучшей, наиболѣе просвѣщенной, наиболѣе одаренной части людей разныхъ сословій, и не составляетъ ли онъ такимъ образомъ нашъ цвѣтъ, соль земли нашей?

Нѣтъ, на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь отрицательно: люди сословной среды не входятъ въ составъ «интеллигенціи», потому что первый и самый важный признакъ нашего «интеллигентнаго» человѣка въ томъ и заключается, что онъ относится отрицательно къ сословному строю общества, пренебрегаетъ «сословными предразсудками» и т. д., а слѣдовательно, никто изъ дорожающихъ своею связью съ сословіемъ, никто изъ считающихъ за честь принадлежать къ нему, не можетъ быть сопричисленъ къ «интеллигенціи».

Если подъ именемъ «интеллигенціи» подразумѣвать наиболѣе развитую, живую, одаренную и прогрессивную часть населенія, то такая «интеллигенція» была и есть въ каждомъ сословіи, и государство можетъ только всѣчески культивировать и поощрять ее. Если бы въ шестидесятыхъ годахъ сословія не были почти упразднены, то такая «интеллигенція» росла и развивалась бы въ сословныхъ перегородкахъ. Подобно вьющемуся растенію

она обвивала бы утвержденный столбъ сословности. Но разъ послѣдняя была провозглашена упраздненной, конечно, «интеллигенція» стала расти безпорядочно, уклоняясь направо и налево.

Эта же обособленность «интеллигенціи» отъ сословій опредѣляетъ положеніе этого разряда людей и въ общественномъ строѣ. По исконному укладу нашему государственная власть находилась въ общеніи не съ безформенною массой народа, а съ народомъ въ формѣ сложившихся вѣками бытовыхъ и государственныхъ союзовъ. «Интеллигенція» не желающая, да и не могущая по своимъ принципамъ стать въ ряды сословій, чуждающаяся сословной жизни и ея интересовъ, не склоняющая головы предъ традиціоннымъ сословнымъ долгомъ и честью, кичащаяся своимъ пренебреженіемъ къ обычаямъ и вѣрованіямъ предковъ, эта «интеллигенція» остается внѣ общенія съ государственною властью, внѣ ея попечительности, внѣ ея дисциплинирующаго вліянія, и поэтому является элементомъ населенія наиболѣе безпокойнымъ, представляетъ почву наиболѣе благопріятную для воспріятія противогосударственныхъ и космополитическихъ ученій. Сознавая свое изолированное и безправное положеніе среди сословныхъ союзовъ, этотъ разрядъ людей естественно всѣми силами души ненавидитъ все, что носитъ на себѣ хотя бы малѣйшій отпечатокъ сословности, и разрушаетъ, гдѣ можетъ и въ чемъ можетъ, сословныя отличія и «пергородки», прекрасно понимая, что отъ этого онъ можетъ лишь выиграть. Этимъ же въ частности объясняется и страстная защита реформъ недавняго прошлаго, прямо направленныхъ къ насильственной и полной нивелировкѣ сословій.

Прекрасную характеристику нашей «интеллигенціи»

далъ извѣстный дѣятель мѣстной реформы 1889 г., покойный А. Пазухинъ *).

«Отличительная и общепризнанная черта нашего интеллигентнаго класса есть беспочвенность, отчужденность отъ народа. Представители этого класса, отрываясь отъ сословнаго быта, очень скоро утрачиваютъ всѣ особенности этого быта. Какъ русскій помѣщикъ, продавшій имѣніе и переселившійся на постоянное жительство въ столицу, какъ сынъ священника, вышедшій изъ духовнаго званія и состоящій сотрудиномъ газеты, такъ и крестьянинъ, получившій дипломъ при помощи общественной благотворительности, одинаково свысока смотрятъ на среду нѣкогда имъ родную, изъ которой они вырваны ходомъ реформенной эпохи.

Питаясь книжными доктринами, они скоро теряютъ всякое уваженіе къ дѣйствительной жизни и перестаютъ понимать интересы и чувства сословій, съ которыми связи ихъ порваны. Облекаясь во фракъ или блузу, они съ презрѣніемъ смотрятъ на мужицкій зипунъ, и на священническую рясу, и на дворянскій мундиръ.

Утрачивая всѣ сословно бытовыя особенности, русскій человѣкъ утрачиваетъ и всѣ національныя черты.

Русскихъ гражданъ у насъ воспитываетъ сословный бытъ. Только на сословной почвѣ живутъ люди съ русскимъ чувствомъ, крѣпко связанные съ великимъ прошлымъ нашего отечества и глубоко вѣрующіе въ будущее его величіе. При переходѣ черезъ мостъ, отдѣляющій сословный бытъ отъ безсословной среды, русскій человѣкъ разбрасываетъ весь нравственный и политическій багажъ, нажитый трудами поколѣній и дѣлается гражданиномъ

*) См. „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ“ Москва 1886 г., стр. 41.

какого то отвлеченнаго государства. Любовь къ отечеству и преданность престолу, являясь необходимымъ условіемъ сословной жизни, если не отсутствуютъ вполнѣ, то составляютъ лишь случайный и ничтожный элементъ въ жизни безсословной *интеллигенціи*.

Относясь враждебно къ народу, интеллигенція относится враждебно и къ нашему историческому государственному строю. Мы были свидѣтелями, какъ быстро распространились анархическія ученія, какъ Россія покрылась цѣлою сѣтью революціонныхъ шаекъ, какъ правительство, по поводу злодѣяній подпольной крамолы, дѣлало воззваніе къ безсословной Россіи и получало въ отвѣтъ холодное выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и полное равнодушіе къ затрудненіямъ, въ которыхъ оно находилось. Можемъ ли сомнѣваться въ томъ, какая среда воспитала и воспитываетъ элементы крамолы? Есть ли мѣсто недоумѣнію относительно патріотизма нашей безсословной интеллигенціи послѣ корыстныхъ совѣтовъ—отказаться отъ принципа исторической власти, которые она давала правительству въ минуты тяжкихъ для него испытаній?»

Подъ именемъ «интеллигенціи» у насъ подразумѣваютъ ту, отчасти образованную, а главнымъ образомъ полубразованную, толпу нашего безсословнаго общества, которая, утративъ самобытно-культурные народные идеалы, прониклась раціонализмомъ дряхлѣющей западно-европейской цивилизаціи, давно уже врывающимся сквозь широкое окно, прорубленное на нашемъ западномъ рубежѣ. Эта толпа сама себѣ придумала столько же претенціозное, сколь и неудачное названіе «интеллигенціи», какъ нельзя лучше характеризующее и ея кичливую развяз-

ность, и ея дурной вкусъ и невоспитанность. Въ самомъ дѣлѣ, кто же, кромѣ составляющихъ эту толпу, рѣшится величать себя «самыми лучшими людьми», «самыми честными людьми», «самыми умными людьми?»

Творческая, жизненная сила, искони культивировавшая нашу государственность по пути прогресса, конечно, есть достояніе всего народнаго организма, всѣхъ его слоевъ, сословій и общественныхъ союзовъ, и если умѣстно, хотя бы и въ отвлеченномъ представленіи, расчленять проявленіе этой силы, то мы сказали бы, что роль интеллекта въ этомъ проявленіи безспорно всегда принадлежала, принадлежитъ и теперь нашему дворянству. Не будь намъ противно само это опошленное названіе—«интеллигенція»,—мы сказали бы также, приноравливаясь къ общепринятому значенію этого слова, что дворянство и было, и должно быть нашею настоящею «интеллигенціей», проникнутою самобытно-русскою государственною идеей и дисциплинированою въ вѣрномъ ей служеніи.

Порожденіе нашей смутной эпохи позапрошлаго царствованія, такъ называемая, «интеллигенція» наша и малочисленна, и ничтожна по своему дѣйствительному вліянію на жизнь страны, но, скученная въ центрахъ умственной жизни, она на виду и на знати, а потому и шумъ и шумиха, производимые ею, слышны далеко и могутъ ввести въ заблужденіе. Впрочемъ, все это сравнительно безвредно лишь при нормальномъ теченіи сословной, а слѣдовательно, и государственной жизни, но можетъ представлять серіозную опасность въ смутные годы, время отъ времени неизбѣжно постигающіе всякую страну. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что разстройство и обѣднѣніе сословій, нарушающія сложившійся ходъ жизни, выбиваютъ изъ колѣн цѣлые ряды ихъ членовъ, и неизбѣжно бросаютъ если не ихъ, то ихъ потомковъ, въ

ту же мутную среду междусословнаго слоя. Это, конечно, увеличивает и будетъ увеличивать его силы, доколѣ для сословной жизни не наступитъ время полного оздоровленія.

Среди самой «интеллигенціи» въ этомъ отношеніи питаются самыя опредѣленныя ожиданія. Она увѣрена что это оздоровленіе никогда не наступитъ, что сословная жизнь постепенно угаснетъ навсегда, она мечтаетъ и даже убѣждена, что ей, именно ей, суждено замѣнить собою дворянство въ смыслѣ высшаго политическаго и руководящаго слоя населенія, что ея царство наступитъ на развалинахъ нашего сословнаго строя.

И теперь уже, по словамъ А. Пазухина, интеллигенція—«это есть то безформенное общество, которое наполняетъ собою всѣ щели, образовавшіяся въ народномъ организмѣ въ эпоху реформъ и которое теперь лежитъ довольно толстымъ пластомъ вверху Россіи».

Мы не раздѣляемъ этихъ упованій, хотя и не можемъ не признать, что все пережитое нами въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій способно было ихъ породить и взлелѣять. Но если сей чашѣ суждено миновать народъ нашъ, если онъ не будетъ настолько несчастенъ, чтобы видѣть въ первыхъ рядахъ своихъ политически развращенную, бѣдную вѣрой и самостоятельной мыслию и лишь сильную своею беззащитностью, такъ-называемую, «интеллигенцію» нашу,—мы уйдемъ отъ этого однимъ путемъ—путемъ *полнаго* и послѣдовательнаго возвращенія къ нашему исконному сословному государственному строю. Только дворянство соединенное, устроенное и духовно ободренное, только оно, вооруженное отвлеченною мыслию и знаніемъ, только оно, копившее вѣками свою «вѣру и вѣрность», только оно должно стоять въ первыхъ рядахъ народа, и если оно найдетъ себѣ поддержку въ тяжелые дни свои,

оно не уступитъ своего историческаго мѣста безвѣстному выходцу.

Въ этомъ-то и заключается будущее и новое политическое значеніе дворянства.

«Интеллигенція» наша уже похоронила дворянство, пропѣла ему отходную *). Если нашему времени суждено возстановить дворянство въ его прежнемъ значеніи, то это будетъ совершенно неожиданнымъ для многихъ историческимъ оборотомъ, который разстроитъ всѣ расчеты на водвореніе у насъ демократіи. Впрочемъ, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что, какъ только это совершится, извѣстная часть «интеллигенціи», нынѣ отрицающей сословный строй, войдетъ въ дворянство: успѣхъ дѣйствуетъ на людскую толпу лучше всякихъ аргументовъ.

Остальная же часть «интеллигенціи» найдетъ въ дворянствѣ достаточный противовѣсъ своему общественному вліянію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ряды нашей «интеллигенціи» во всю пореформенную эпоху усиленно пополнялись обезземеленнымъ дворянствомъ. Дворянинъ безъ земли въ большинствѣ случаевъ является потеряннымъ членомъ для сословія. Только очень немногія изъ дворянскихъ семей, распродавъ свои помѣстья, вновь приобрѣтаютъ участки и поселяются въ деревнѣ. Въ пореформенную же эпоху помѣщики покидали свои вотчины во множествѣ; въ Костромской губерніи, напри-

*) По мнѣнію кн. Дм. Друцкаго-Соколинскаго, напимѣръ, намъ остается лишь усердіе молиться „о безболѣзненной, неспостыдной и мирной кончинѣ дворянства“. (См. С.-Петербургскія Вѣдомости, 1897 г., № 160).

мѣръ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго земства *), въ одномъ 1873 году закрылось 356 владѣльческихъ усадебъ, а изъ оставшихся 398 усадебъ 308 пришли въ упадокъ. Конечно, этотъ новѣйшій дворянскій пролетаріатъ усилилъ собою городскую «интеллигенцію», такъ какъ въ дворянскомъ званіи главное не личныя права, въ то время почти уже уничтоженныя, а состояніе и общественное положеніе по болѣе или менѣе крупному землевладѣнію.

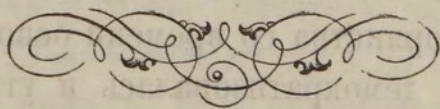
Насколько дворяне, оторванные отъ земли, теряютъ связь съ сословіемъ, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства извѣстнаго публициста кн. А. Васильчикова о мелкопомѣстныхъ дворянахъ **): «По своему состоянію, по размерамъ своихъ владѣній, по образу жизни, они стояли ближе къ крестьянству, чѣмъ къ знатному столичному дворянству; тѣ немногіе изъ нихъ, старики и убогіе, которые жили въ своихъ усадьбахъ и занимались хлѣбопашествомъ, ничѣмъ не отличались въ своемъ хозяйственномъ быту отъ зажиточныхъ крестьянъ. Люди бодрые и молодые искали другихъ занятій и промысловъ и, получивъ кое-какое воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, въ уѣздныхъ школахъ, поступали на службу въ армію, или въ канцеляріи губернскихъ присутствій, вскорѣ забывали свое дворянское происхожденіе, содержали себя личнымъ трудомъ, службой и скуднымъ жалованьемъ и составляли такимъ образомъ въ средѣ дворянства огромнѣйшее большинство, 84% родовитыхъ, но бѣдныхъ дворянъ, вовсе чуждыхъ интересамъ прочихъ помѣщиковъ и питающихъ къ нимъ чувства болѣе враждебныя, чѣмъ сами крестьяне. Въ послѣднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, этотъ классъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ сдѣ-

*) См. *Русскія Вѣдомости* 1879 г., № 192.

**) См. „Землевладѣніе и земледѣліе“ С.-П.-ргъ, 1876 г., стр. 469.

лалъ огромные успѣхи въ образованіи, едва-ли не большіе, чѣмъ высшее дворянство. Пользуясь образовательными средствами, сосредоточенными въ столицахъ и городахъ, молодые люди проходили высшіе учебные курсы, и изъ нихъ постепенно набирались ученые, литераторы, художники, армейскіе офицеры и гражданскіе чиновники, дворяне по роду и племени, но составлявшіе *главную оппозицію противъ дворянскихъ привилегій* и въ особенности противъ крѣпостного права и аристократическаго преобладанія крупнаго землевладѣнія».

Эти строки проливаютъ также свѣтъ и на происхожденіе нашей «интеллигенціи».

ДВОРЯНСТВО НАКАНУНѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Здравый взглядъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ на освобожденіе крестьянъ и устройства ихъ быта.—Связь между политикой правительства и настроеніями дворянства.

Если бы въ настоящее время кто нибудь вздумалъ обвинять представителей дворянства въ тѣхъ же, напри- мѣръ, политическихъ грѣхахъ и ошибкахъ, въ которыхъ повинна наша, такъ называемая, «интеллигенція» или по крайней мѣрѣ умѣренная часть ея, то въ матеріалѣ для такого обвиненія не было-бы недостатка. Несомнѣнно, часть нашего дворянства со времени освобожденія крестьянъ значительно демократизовалась и утратила прежнюю самостоятельность политическаго сужденія. Мы не можемъ отрицать этого и считаемъ полезнымъ говорить объ этомъ. Да и не слѣдуетъ никогда молчать о правдѣ, какъ бы неблагоприятна ни была она, повиди- мому, для торжества нашихъ взглядовъ. Если мы успѣли понять эту правду и тѣмъ не менѣе не перемѣняемъ своихъ взглядовъ, значитъ—эта правда не только не ума- ляетъ нашихъ доводовъ, но, быть можетъ, даже подкрѣ- пляетъ ихъ.

Точно такъ же и въ настоящемъ случаѣ: слѣдуетъ по- нять и уразумѣть перемѣну въ настроеніи дворянства и

тогда либерализмъ нѣкоторыхъ представителей сословія обратится, можетъ быть, въ аргументъ *въ пользу* дворянства, какъ исконнаго служилаго сословія, а не *противъ* него. Для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса необходимо обратиться назадъ, ко времени освобожденія крестьянъ, ко времени существованія нашего самобытнаго стараго режима и посмотрѣть, таково ли было дворянство въ то время, таковы ли были его политическіе идеалы, такова ли была его политическая мудрость и пониманіе русской дѣйствительности. Прекрасный матеріалъ для сужденія объ этомъ имѣется въ великой работѣ, сдѣланной въ царствованіи Александра II, въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ по отмѣнѣ крѣпостного права.

Какъ извѣстно, тогда въ каждой губерніи были образованы особые губернскіе комитеты, которымъ предоставлялась совершенная свобода выраженія мнѣній по поводу великой реформы, поставленной тогда правительствомъ на очередь. Дворянство въ лицѣ своихъ представителей въ губернскихъ комитетахъ должно было высказаться во первыхъ о томъ, слѣдуетъ ли предпринимать освобожденіе крестьянъ или нѣтъ, а во вторыхъ—какимъ именно путемъ можетъ быть осуществлено это великое дѣло? Что касается перваго вопроса, то, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ губернскіе комитеты высказались за полное уничтоженіе крѣпостного права. Одно дворянство передъ другимъ пыталось при этомъ выказать свое благородное и безкорыстное отношеніе къ вопросу. Такимъ образомъ большинство комитетовъ не только высказалось за реформу, но и мало заботилось даже при этомъ о выгодахъ своего сословія,—хотя бы на столько, чтобы оно въ будущемъ могло считать себя гарантированнымъ отъ чрезвычайнаго упадка и матеріальнаго оскудѣнія. Этотъ матеріалъ большинства комитетовъ, представленный на

усмотрѣніе высшаго правительства, позволялъ надѣяться, что русская государственная власть, много сдѣлавшая сама для созданія дворянства и постоянно заботившаяся о немъ, и на этотъ разъ соблюдетъ законный интересъ сословія и позаботится по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы ему было гарантировано извѣстное мѣсто въ государственномъ строѣ, чтобы оно не было признано силой ненужной и подлежащей упраздненію. Только очень немногіе комитеты считали умѣстнымъ въ своихъ мнѣніяхъ коснуться интересовъ собственно дворянства, да и то сдѣлали это въ самой невинной и безобидной для крестьянства формѣ. Вотъ что, напримѣръ, постановили по этому поводу Тульскій и Нижегородскій комитеты.

«Отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Тульскій комитетъ убѣжденъ, что представленный имъ проектъ во всѣхъ своихъ частяхъ поведетъ къ дѣйствительному улучшенію быта крестьянъ, не нарушая, въ то же время, сколько это возможно, и благосостоянія дворянства; сохраненіе послѣдняго возложено на комитетъ Всемилоствѣйше выраженною Государемъ Императоромъ волею, чтобы интересы дворянства не были нарушены. При томъ, охранять благосостояніе дворянства комитетъ считалъ необходимымъ для упроченія благосостоянія крестьянъ, ибо упадокъ перваго, породивъ ропотъ и жалобы на несправедливое отчужденіе собственности, — еслибъ оно послѣдовало въ пользу другаго сословія, — могъ легко положить основаніе непріязненнымъ сословнымъ отношеніямъ, а вслѣдствіе этого привести къ упадку сельское хозяйство и неминуемо отразиться въ потрясеніи государственнаго порядка».

По мнѣнію Нижегородскаго Комитета прекращеніе крѣпостного права должно быть совершено при такихъ условіяхъ, которыя «поддержали бы связь землевладѣльца съ землепахаремъ въ той мѣрѣ сколько это нужно для благо-

состоянія государства преимущественно земледѣльческаго съ населеніемъ далеко недостаточнымъ *)).

Въ отношеніи осуществленія реформы и будущности крестьянскаго сословія мы встрѣчаемъ столь же согласныя мнѣнія дворянскихъ комитетовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній, указывающія въ какой мѣрѣ дворянство того времени стояло на высотѣ пониманія своеобразныхъ условій нашей деревенской жизни.

Прежде всего сорокъ лѣтъ тому назадъ «всѣ безъ исключенія комитеты высказались за безусловную необходимость сохраненія правъ опеки и руководства надъ сельскимъ населеніемъ въ рукахъ дворянъ - помѣщиковъ, при чемъ всѣ они настаивали на томъ, что желаютъ этого не во имя личныхъ сословныхъ интересовъ, а для блага самихъ крестьянъ, для пользы общегосударственной». Для осуществленія этихъ «правъ опеки и руководства» Подольскій комитетъ, на примѣръ, полагалъ необходимымъ сохранить и по возможности даже «скрѣпить нравственный союзъ помѣщика съ крестьянами и вотчинную власть, доселѣ патріархальную, превратить въ правильно-организованную правительственную силу, оставляя ей прежній охранительный характеръ».

Эта вотчинная власть, дѣйствующая независимо отъ трехъ органовъ общественной крестьянской власти (общественнаго схода, сельского управленія и сельской расправы) и сохраняющая постоянное вліяніе на всѣ части управленія, ввѣряется *начальнику общества*, въ цѣляхъ «охраненія постоянного направленія и предстательства о настоящихъ интересахъ и пользахъ крестьянскаго об-

*) Какъ эти, такъ и послѣдующія выдержки изъ трудовъ комитетовъ мы выписываемъ изъ статьи А. А. Велицына „Сорокъ лѣтъ тому назадъ“, помѣщенной въ №№ 93 и 94 *Москов. Вѣдом.* за 1897 годъ.

щества, какъ во взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ и дѣйствіяхъ общественныхъ властей, такъ и во всѣхъ внѣшнихъ его сношеніяхъ».

Въ трудахъ Вятскаго комитета мы читаемъ: *«Окончательный разрывъ помѣщика съ крестьянами скорѣе могъ бы быть гибельнымъ для послѣднихъ; ибо совершенное ихъ разъединеніе устранило бы вліятельность его въ тѣхъ случаяхъ гдѣ предполагаются благопріятныя послѣдствія отъ столкновенія образованности съ неразвитостью. Замкнутое въ свою отдѣльную сферу сельское общество, безъ участія образованнаго сословія, дойдетъ ли до убѣжденія въ необходимости учрежденія учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, обережется ли отъ развитія въ средѣ своей безнравственныхъ началъ, будетъ ли оно, наконецъ, надежнымъ исполнителемъ правительственныхъ требованій?»*

Орловскій комитетъ «призналъ себя обязаннымъ представить вниманію правительства тотъ принципъ, что, съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости, слѣдуетъ поручить управленіе срочно-обязанными крестьянами и соединенные съ нимъ судъ и расправу *лучшимъ людямъ каждой мѣстности* и способнымъ внушить къ себѣ общее довѣріе, сколько по нравственному своему превосходству, столько и по общественному своему положенію. *На этихъ-то людяхъ, привыкшихъ ревниво хранить свою честь и готовыхъ жертвовать собственнымъ состояніемъ, чтобы только не наложить пятна на свое благородное имя, должна быть основана вся судьба предстоящей реформы»*.

Въ томъ же родѣ и отзывы многихъ другихъ комитетовъ.

Итакъ, вотъ начала, которыя рекомендовались дворянствомъ, для организаціи управленія освобожденныхъ крестьянъ: во-первыхъ — опека и руководство дворянъ

помѣщиковъ надъ крестьянами въ формѣ вотчинной власти, дотолѣ патріархальной и которую предполагалось превратить въ правильно организованную правительственную силу; во-вторыхъ—участіе помѣщиковъ въ крестьянскомъ управленіи въ качествѣ начальниковъ обществъ; въ третьихъ,—основное положеніе о томъ, что окончательный разрывъ помѣщика съ крестьянами скорѣе могъ бы быть гибельнымъ для послѣднихъ и т. д., и т. д.

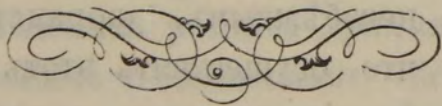
Какъ далеки всѣ эти совѣты и мнѣнія отъ того, что случилось въ дѣйствительности! Но какъ бы то ни было, высказавъ, что по долгу чести и совѣсти дворянство считало необходимымъ, оно исполнило свое дѣло и дало будущему историку благодарный матеріалъ для того, чтобы сказать, что наше высшее сословіе, давно въ совмѣстной жизни сроднившееся съ крестьянствомъ, понимало его потребности и нужды, знало его быть и имѣло смѣлость самостоятельно мыслить въ то время, когда на вершинахъ государственнаго правленія у насъ уже воцарилась рабская подражательность Западу и тенденціозное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ государственной политики этого важнѣйшаго въ русской новѣйшей исторіи періода, обнимавшаго собой почти все царствованіе Александра II.

Признавая актъ освобожденія крестьянъ настоятельно необходимымъ и неизбежнымъ, дворянство совершенно вѣрно понимало, что осуществить этотъ актъ нужно не на началахъ примѣненія къ намъ западноевропейскихъ политическихъ ученій, а на основѣ чисто русской—имѣя въ виду сдѣлать экономическую реформу, щадя нашъ основной государственный укладъ и не подкапываясь подъ нашъ исторически сложившійся строй.

Мы видимъ отсюда, какъ здорово было сословіе духовно и матеріально передъ освобожденіемъ крестьянъ. И что

же привело дворянство въ это здоровое состояніе, какая политика? Политика-ли нивелировки или, наоборотъ, политика сословности, политика проведенія во всѣхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ сословнаго начала, политика поддержки сословнаго строя?

Нечего говорить, какою была политика Императора Николая I-го. И если мы видимъ, что она дала самые благіе результаты, то, надо думать, что эта политика была правильная и вѣрная. И, наоборотъ, если въ результатѣ политики нивелировки и политики безсословности мы видимъ дворянство постепенно демократизовавшимся, постепенно утрачивающимъ свои священнѣйшія преданія и традиціи, если мы видимъ представителей сословія, которыя уже разошлись и далеко отошли отъ народа въ его понятіяхъ и политическомъ міросозерцаніи, которые не понимаютъ ни русской деревни, ни русской дѣйствительности, то не въ правѣ ли мы приписать, что эта перемѣна произошла, если не вполнѣ, то отчасти, благодаря перемѣнѣ политики и не даетъ ли намъ это указанія на будущее время?

СЛУЖЕБНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДВОРЯНСТВА.

Землевладѣніе, какъ бытовая основа высшаго служилаго сословія.—Служебныя права и обязанности, какъ государственная основа дворянства.—Отношеніе другихъ сословій къ служебнымъ правамъ и преимуществамъ.—Начало обязательности дворянской службы.

Въ статьяхъ о современномъ положеніи дворянства *) мы пришли къ заключеніямъ: что политика нивелировки сословій, бывшая въ ходу въ запрошлое царствованіе, не достигнувъ своей цѣли, «слиянія сословій», привела лишь къ упадку двухъ основныхъ нашихъ общественныхъ слоевъ — дворянства и крестьянства; что сословный строй въ современной Россіи глубоко потрясенъ, но отнюдь не разрушенъ; что только полное возвращеніе сословіямъ ихъ государственнаго значенія способно возвратитъ теченіе народной жизни въ ея самобытное историческое русло, и что, наконецъ, съ этой точки зрѣнія забота о поддержкѣ дворянства, въ переживаемые имъ тяжелые дни, и о восстановленіи его былаго значенія, какъ высшаго политическаго и культурнаго класса, является одною изъ важныхъ государственныхъ задачъ современности.

*) См. ст. „Сліяніе сословій“ (стр. 9) и ст. „Дворянство въ уздахъ“ (стр. 24).

Упадокъ дворянства выразился не только въ обѣдненіи его отдѣльныхъ родовъ и въ дезорганизаціи самаго сословія, но главнымъ образомъ въ томъ, что представители нашего помѣстнаго класса фактически переставали принадлежать къ нему, продавая свои имѣнія, и смѣшивались съ пестрою толпой разночинства. Между тѣмъ *помѣстное дворянство* и есть настоящее дворянство, такъ какъ оно составляетъ ядро дворянскаго сословія, безъ котораго это сословіе обратилось бы въ чиновничество или въ такъ-называемую «интеллигенцію». Безпомѣстное дворянство, вообще говоря, явленіе ненормальное и терпимое лишь какъ небольшой и неизбѣжный придатокъ къ настоящему ядру дворянства, которое стало быстро и прогрессивно таять съ самаго освобожденія крестьянъ, и, конечно, самъ собою этотъ болѣзненный процессъ не остановится. Мы не приводимъ цифръ, краснорѣчиво подкрѣпляющихъ такой печальный выводъ, такъ какъ онѣ весьма часто цитуются въ печати, и такъ какъ эта сторона вопроса не возбуждастъ никакихъ споровъ. Достаточно сказать, что еслибъ утрата дворянствомъ недвижимой собственности шла столь же быстро, какъ и до настоящаго времени, то въ теченіе двухъ, много трехъ слѣдующихъ десятилѣтій всѣ его помѣстья перешли бы въ руки лицъ другихъ сословій. Такой результатъ политики «равненія» не можетъ не заставить задуматься каждаго, кому дороги историческія самобытныя основы нашей государственности.

«Вся крѣпость сложившагося вѣками общественнаго строя Англіи, говоритъ проф. Б. Н. Чичеринъ *), состоитъ въ союзѣ крупнаго землевладѣнія съ городскимъ

*) См. ст. „О совр. полож. русс. дворянства въ № 28 С.-Петербург. Вѣдомостей за 1897 г.

капиталомъ. Во Франціи, напротивъ, разрывъ этихъ двухъ элементовъ повелъ къ продолжающейся донинѣ шаткости политическаго быта. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, на смѣну утратившаго свое значеніе дворянства выступило богатое и образованное среднее сословіе, которое и сдѣлалось главною движущею силою обновленной Франціи. Въ Россіи же этотъ элементъ составляетъ, можно сказать, каплю въ морѣ. Поэтому въ Россіи классъ независимыхъ, обеспеченныхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ составляетъ первую и самую насущную потребность. Этой потребности удовлетворяло русское дворянство настолько, насколько это было возможно при существующемъ матеріальномъ и умственномъ уровнѣ русскаго общества. Поэтому и разореніе русскаго дворянства нельзя не считать бѣдствіемъ для страны. Когда по этому поводу изъ демократическаго лагеря слышится нѣкоторое злорадство, то нельзя не сказать, что такое чувство идетъ наперекоръ истинной любви къ отечеству. Оно объясняется лишь теоретическимъ легкомысліемъ или сословною завистью, отчасти — и не всегда красивыми явленіями, поражающими особенно въ столицахъ, гдѣ нерѣдко въ высшихъ слояхъ выставляются напоказъ притязанія, далеко не соответствующія умственному содержанію и нравственному уровню».

Обезземеленіе дворянства есть лишь частичное выраженіе болѣе общаго явленія нашей современности — упадка его въ быту, въ матеріальномъ благосостояніи, въ относительномъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія, въ положеніи, занимаемомъ среди другихъ сословій, въ политическомъ значеніи и т. д. Поэтому, для уясненія себѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ какъ къ поддержанію дворянскаго сословія вообще, такъ равно и къ пре-

дотвращенію дальнѣйшаго его обезземеленія, необходимо напомнить, съ одной стороны, тѣ историческія условія которыя способствовали образованію и росту нашего высшаго политическаго класса, а съ другой—тотъ рядъ событій, который привелъ дворянство въ его настоящее разстроенное состояніе.

Процессъ сформированія, окрѣпленія и роста нашего единого государственнаго тѣла былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, аналогичнымъ же процессомъ и для помѣстнаго сословія. Великая освободительная, собирательная и созидательная работа московскихъ князей была совершена народомъ, водительствоваемымъ царскими служилыми людьми и среди мира, и на бранномъ полѣ. Быстро крѣпящая самодержавная и единодержавная власть сама *создаетъ* сословіе служилыхъ людей, пользуясь для его пополненія наиболѣе родовитою, наиболѣе богатою, наиболѣе способною къ административной и ратной службѣ частью населенія. Она поощряетъ личныя свойства и качества не только отдѣльныхъ представителей сословія, но и цѣлыхъ родовъ въ рядѣ поколѣній, все съ той же государственно-служебной точки зрѣнія; она надѣляетъ ихъ особыми политическими и гражданскими правами, щедрою имущественною обеспеченностью и всякими милостями, возлагая на нихъ одну обязанность—*служить* государю и государству. Таково государственное положеніе нашего дворянства, созданное въ безусловно самобытный до-петровскій періодъ нашей исторіи.

Великій преобразователь Россіи не поколебалъ основнаго принципа обязательнаго несенія государственной службы дворянствомъ, но, подъ вліяніемъ крайней нужды въ людяхъ для всѣхъ отраслей гражданской и, въ особенности, военной службы, лишь облегчилъ доступъ въ это сословіе путемъ принятія на службу наиболѣе спо-

собныхъ лицъ изъ другихъ состояній. Но при преемникахъ Петра I положеніе дворянства начинаетъ измѣняться, если не фактически, то въ области государственной мысли. Манифестъ 18 февраля 1762 г., возвѣстившій благородному дворянству на вѣчныя времена свободу и вольность и жалованная грамота сословію Императрицы Екатерины II носятъ на себѣ безспорное вліяніе западно-европейскихъ идей.

Какъ и всякій законодательный актъ, имѣющій въ своей основѣ отвлеченныя и заимствованныя извнѣ теоріи, послѣдній законъ не только не вызывался никакими практическими потребностями, но шелъ прямо въ разрѣзъ съ ними, ибо, во все продолженіе царствованія императрицы, въ областномъ управленіи ощущался весьма значительный недостатокъ служащихъ. Но какъ бы то ни было, отмѣна *обязательной* службы дворянъ отнюдь не выражала собой желанія законодательной власти облегчить доступъ къ государственной службѣ представителямъ другихъ состояній, такъ какъ именно въ царствованіе Екатерины II правительственныя распоряженія, направленные къ *недопущенію* на государственную службу лицъ недворянскаго происхожденія становятся наиболѣе безусловными и настоятельными. Послѣдующее законодательство, вплоть до прошлаго царствованія, оставляя неприкосновенною дворянскую «вольность» — служить или не служить — въ то же время ревниво охраняло служебныя привилегіи высшаго сословія. Съ своей стороны и дворянство не оставляло государственную власть безъ служилыхъ людей и продолжало по прежнему нести главное бремя правительственнаго труда. «Дворянство, говоритъ проф. А. Градовскій *), хотя и свободное отъ обязательной государственной служ-

*) См. *Начала Русс. Госуд. Права*, т. III, ч. I стр. 123.

бы, воспитывалось однако въ ея преданіяхъ и постоянно стремилось на службу военную или въ центральныхъ учрежденіяхъ».

Тѣмъ не менѣе, отступленіе отъ основного, исторически сложившагося принципа государственной службы — принципа обязательности ея — не проходитъ безнаказанно. Сколь ни значительны служебныя преимущества, они въ состояніи привлечь къ службѣ лишь наименѣе обеспеченную часть дворянства; средне-помѣстное и высшее дворянство продолжало служить въ силу привычки и традицій, но часть наиболѣе богатыхъ и родовитыхъ представителей сословія начала уже уклоняться отъ государственной службы. Такимъ образомъ, ряды служилыхъ дворянъ начинали уже изрѣдка прерываться, и недостающія звенья пополнялись беспочвеннымъ разночинствомъ.

Но окончательный ударъ положенію сословія нанесенъ былъ реформами запрошлаго царствованія. Рядомъ законодательныхъ актовъ, отмѣнившихъ одну за другою почти всѣ служебныя привилегіи дворянства, государственная власть какъ бы отказалась отъ услугъ помѣстнаго сословія въ дѣлѣ управленія.

Развитіе и ростъ нашей государственности выразились прежде всего въ заботахъ о образованіи государственнаго служилаго класса, трудами коего самодержавная власть правила народомъ и защищала страну отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Упадокъ нашей государственности въ теченіе запрошлаго царствованія, проявившійся въ томъ, что правительство добровольно и безъ всякой серьезной причины само отстранилось отъ областного управленія и суда и предоставило *самостоятельно править* народомъ новымъ, искусственно и неудачно придуманнымъ учрежденіямъ и органамъ, — этотъ упадокъ государственности имѣлъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ

удаленіе дворянства отъ дѣлъ управленія и утрату имъ государственнаго значенія. Отсюда лишеніе дворянства служебныхъ преимуществъ и попечительности о немъ государственной власти, а затѣмъ и равнодушіе ея ко всѣмъ его невзгодамъ: съ новой государственной точки зрѣнія дворянство стало *ненужнымъ*.

Съ подъемомъ престижа государственной власти въ незабвенное прошлое царствованіе возникаетъ и вопросъ о дворянствѣ. Это не случайность, это — логическая необходимость, обуславливающая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и способы къ разрѣшенію самаго вопроса: эти способы состоятъ въ восстановленіи прежней связи между государственною властью и дворянствомъ.

А разъ признано, что связь эта должна быть восстановлена, мы неизбежно придемъ къ заключенію, что для этого существуетъ лишь одинъ путь, одно средство—возвращеніе дворянству его правъ и обязанностей по управленію страной.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь недостаточно заявить объ этой связи, нужно, чтобы она дѣйствительно была—въ реальныхъ формахъ, въ существенныхъ отношеніяхъ; нужно, чтобы государство и дворянство работали на одной нивѣ, преслѣдовали однѣ и тѣ же цѣли, соприкасались и сливались во множествѣ пунктовъ. Но чѣмъ же государство могло бы поступиться для установленія этой связи съ дворянствомъ? Своими матеріальными средствами? *) Но это было бы несправедливымъ въ отношеніи другихъ сословій, съ которыхъ эти средства собираются, да и привело бы единственно къ развращенію и нравственному паденію дворянства. Своею властію? Но у насъ лишь одна

*) Такая помощь матеріальными средствами можетъ быть оказана только временно въ видѣ изыятія.

власть—верховная власть монарха, и какое бы то ни было участіе въ этой власти было бы посягательствомъ на ея цѣлость и неприкосновенность... Затѣмъ врядъ ли было бы возможно даже остановиться на какомъ либо иномъ пути для осуществленія этой связи—кромѣ пути стариннаго—, такъ какъ существо государства и свойства отдѣльнаго сословія допускаютъ лишь весьма ограниченный выборъ этихъ путей. И если желать осуществленія этой связи, ничего, кромѣ возвращенія служебныхъ правъ и обязанностей, придумать нельзя; государственная власть только и можетъ сдѣлать одно—принять дворянство къ себѣ на службу.

Всѣ мѣры къ поддержанію помѣстнаго дворянства неизбежно сводятся къ возвращенію особенныхъ правъ и преимуществъ этого званія и къ возстановленію и укрѣпленію его экономическаго благосостоянія. Но, дабы забота государственной власти объ этомъ не была несправедливостью по отношенію къ остальному населенію, необходимо, чтобы на дворянство были возложены извѣстныя государственныя обязанности, чтобы ему было вновь указано его полезное мѣсто въ государственномъ строѣ.

Вездѣ, за исключеніемъ развѣ крайнихъ демократій, высшій культурный классъ страны всегда играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ ея управленія. Но роль эта существенно видоизмѣняется въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ основъ государственнаго устройства. Въ странахъ, пытающихся осуществить въ какой-либо формѣ идею суверенитета народа, дворянство можетъ явиться лишь одною изъ группъ самоуправляющагося населенія; эта группа можетъ быть болѣе или менѣе обособлена въ быту, болѣе или менѣе вліятельна и полезна; она можетъ представлять

собою наилучшіе элементы порядка и культурнаго развитія; но она является лишь одною изъ сторонъ борющихся за власть и вліяніе на судьбы страны, и всякія преимущества и исключительныя права въ ея пользу неизбѣжно являются обидой остальному населенію, такъ какъ склоняютъ шансы этой борьбы въ пользу класса и безъ того болѣе сильнаго своимъ богатствомъ, просвѣщеніемъ, политическою опытностію и т. п.

Нашъ государственный строй вполнѣ устраняетъ эти побужденія къ ревнивому охраненію политической равноправности. У насъ никогда не было и нѣтъ ни сословной борьбы, ни сословной вражды, потому что отдѣльнымъ слоямъ населенія не изъ-за чего бороться: государственная власть одинаково высоко и недосыгаемо стоитъ надъ ними всѣми. У насъ никогда не было и нѣтъ зависти къ сословнымъ привилегіямъ, потому, во-первыхъ, что эти привилегіи были соединяемы съ немалыми тяготами и повинностями, а во-вторыхъ,—потому что наши сословія не представляли собою замкнутыхъ кастъ и, путемъ заслугъ передъ государствомъ, доступны для каждаго.

Но едвали не самою важною причиною отсутствія у насъ сословнаго антагонизма слѣдуетъ признать то обстоятельство, что наша сословность не была искусственнымъ насажденіемъ кабинетныхъ мечтателей, а выросла вмѣстѣ съ народомъ, срослась со всѣмъ его существованіемъ, вошла въ его нравы, сроднилась съ его міровоззрѣніемъ и вылилась въ твердыя бытовыя формы. Какъ ни относиться къ эгалитарному движенію Западной Европы, оно, во всякомъ случаѣ, является результатомъ долгой сословной борьбы, оно выстрадано цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ поколѣній, оно развилось на хорошо подготовленной почвѣ. Но чѣмъ, какою борьбой вызвана наша нивелировка сословій и лишеніе нашего дворянства его

служилаго положенія? Какія сословія, общества, учрежденія просили и домогались распространенія на ихъ членовъ тѣхъ же служебныхъ правъ, которыми пользовались дворяне?... Увы, напрасны были бы такія розысканія, и будущему историку, для уясненія себѣ отвѣтовъ на эти вопросы, придется обратиться все къ тому же источнику всѣхъ нашихъ невзгодъ и замѣшательствъ позапрошлаго царствованія—къ затемненію государственной мысли чужеземными идеями западно-европейскаго «прогресса».

Не только три десятилѣтія тому назадъ, но и теперь ни крестьянство, ни промышленный классъ потому уже не могутъ быть сколько-нибудь серіозно заинтересованы уравниеніемъ служебныхъ правъ всѣхъ сословій, что эти права имъ ни на что не нужны, что бытовая жизнь и связанная съ нею занятія не даютъ возможности сколько-нибудь значительному числу членовъ этихъ сословій посвящать себя государственной службѣ. Но этого мало: легкій доступъ къ государственной службѣ во многихъ случаяхъ приносилъ прямой вредъ, возбуждая честолюбивыя стремленія молодежи и отрывая ее отъ исконныхъ привычныхъ занятій. Если среди такихъ выходцевъ изъ сословій и встрѣчаются люди полезные для исполнѣ новаго имъ и чуждаго ихъ родной средѣ поприща, то все же изъ подавляющаго большинства ихъ не выходитъ никакого прока и, отставъ отъ своихъ сословныхъ союзовъ, они лишь увеличиваютъ собою ряды междусословнаго различія, вреднаго «интеллигентнаго» пролетаріата.

Только эта междусословная «интеллигенція» и воспользовалась «нивеллировкой сословій», поскольку она осуществилась въ жизни, только оно и домогается дальнѣйшаго уравниенія служебныхъ правъ, только она и возмущается всякимъ, хотя бы ничтожнымъ шагомъ къ восстановленію преимуществъ дворянства, какъ было то, на-

примѣръ, по поводу послѣдней мѣстной реформы. И такое направленіе «интеллигенціи» вполне понятно: у этого новаго разряда людей надъ всѣми другими стремленіями доминируетъ честолюбіе и неискоренимое политиканство. Сохраненіе же почти одинаковыхъ служебныхъ правъ съ дворянствомъ является для него единственнымъ средствомъ играть большую или меньшую государственную и общественную роль. Но если таковы узкіе интересы различнаго чина, то едва ли могутъ сходиться съ ними интересы государственные. Во всякомъ случаѣ надлежитъ помнить, что всякій шагъ къ отмѣнѣ служебныхъ правъ дворянства фактически облегчаетъ доступъ къ государственной службѣ не представителямъ другихъ сословій, а «интеллигенціи».

Весь процессъ образованія нашего служилаго сословія состоялъ въ совокупленіи въ единый бытовой и общественный союзъ лучшихъ родовъ гражданъ, наиболѣе древнихъ, наиболѣе именитыхъ и наиболѣе полезныхъ для государства своею личною службою.

Члены этого союза надѣлялись особыми правами и преимуществами, которыя служили какъ бы плотиною, отдѣлявшею ихъ отъ остальнаго населенія—и за этой плотиною скоплялась государственная сила, дававшая странѣ не только способныхъ людей для всѣхъ отраслей службы, но и людей науки и искусства,—сила, служившая надежной бытовой опорой власти въ смутные годы народной жизни.

«Въ смутное время, говоритъ М. Яблочковъ, авторъ единственной связной исторіи нашего дворянства, проявилась вся разумная сила дворянскаго сословія. Оно постоянно оставалось *элементомъ монархическимъ, постоянно стояло за государственный порядокъ*. Нѣсколько дворянъ было въ войскѣ Болотникова, въ статѣ Тушинскаго вора, на сторонѣ Сигизмунда, но это были исклю-

ченія; *дворянское сословіе осталось врагомъ всего противосообщественнаго* *)).

Но плотина была разрушена почти до основанія—и сила разливается и грозитъ исчезнуть въ низинѣ.

Для того, чтобы вновь собрать эту силу, нужно прежде всего воздвигнуть плотину, т. е. возвратить дворянству его права государственнаго служилаго сословія.

Не вдаваясь въ подробности о томъ, какъ и въ какой формѣ могло бы быть возвращено дворянству его служебное государственное значеніе, можно сказать лишь, что, при добромъ желаніи, не будетъ недостатка ни въ служилыхъ людяхъ, ни въ полезной и производительной работѣ. Съ одной стороны, дворянское званіе, благодаря легкости полученія его по чинамъ и орденамъ, сдѣлалось весьма многочисленно, съ другой—развитіе государственной жизни и, въ особенности, вооруженныхъ силъ страны обезпечиваетъ приложеніе силъ обширнаго служилаго сословія.

Поскольку реформа воинской повинности прошлаго царствованія увеличивала наши воинскія силы въ соотвѣтствіи съ современными требованіями ратнаго дѣла, ей, конечно, нельзя не сочувствовать. Но эта цѣль была достижима и на сословной основѣ; ни для кого воинская служба не была занятіемъ болѣе привычнымъ, чѣмъ для дворянства, но какъ изъ уваженія къ прошлому дворянства, такъ и для сохраненія сословія въ настоящемъ, ему слѣдовало предоставить преимущественное право на пополненіе корпуса офицеровъ.

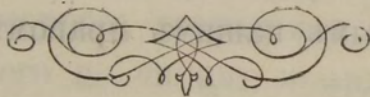
*) М. Яблочковъ. „Исторія двор. сосл. въ Россіи“. С.-П.-ргъ, 1876 г., стр. 208.

Главное поприще для гражданской службы дворянства представляет, конечно, мѣстное управленіе; но какъ для поднятія качественного уровня послѣдняго, такъ равно и для сохраненія связи дворянства съ центральнымъ правительствомъ, необходимо было бы установить чтобы высшія государственныя должности были замѣщаемы преимущественно кандидатами, пріобрѣтшими необходимую опытность на службѣ по мѣстному управленію.

Мы упомянули выше объ отступленіяхъ отъ начала обязательности дворянской службы. Но какъ ни значительны были эти отступленія, всё же начало это мы не считаемъ утраченнымъ нашимъ правомъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

И манифестъ 18 февраля 1862 г. и жалованная грамота Императрицы Екатерины II предоставили каждому дворянину въ отдѣльности свободу служить или не служить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ царствованіе послѣдней Императрицы дворянство получило корпоративное сословное устройство, на которое и была перенесена обязанность замѣщать опредѣленныя должности по мѣстному управленію путемъ производства дворянскимъ обществомъ выборовъ между своими членами. Участіе въ этихъ выборахъ для дворянъ обязательны (ст. 202 т. IX); если же отъ принятія какой либо должности по выборамъ всякій дворянинъ и можетъ отказаться (ст. 197 т. IX), то это нисколько не избавляетъ дворянское общество отъ обязанности замѣстить данную должность какимъ либо другимъ своимъ членомъ. Очевидно, не предвидя вообще недостатка въ кандидатахъ на выборныя должности—какъ то и было въ дѣйствительности—законъ не считалъ нужнымъ привлекать къ службѣ тѣхъ, кто почему либо отъ

нее уклонялся, а потому и служилъ бы неохотно. Вообще со времени жалованной грамоты служебная повинность была перенесена съ лица отдѣльныхъ дворянъ на дворянскія общества, которыя для ея несенія избирали отдѣльныхъ своихъ членовъ.

СОСЛОВНЫЯ ПРИВИЛЕГІИ.

Необходимость сословныхъ привилегій.—Идея русскаго дворянства лишена своекорыстія. — Практическая основа сословнаго строя. — Идея равенства.—Заслуги предковъ.

Слово «привилегіи» въ современной печати нерѣдко употребляется, какъ синонимъ чего-то нарушающаго общія права, противообщественнаго. Конечно, это лишь одинъ изъ многихъ современныхъ предразсудковъ. Созданіе государствомъ «привилегій» и привилегированныхъ положеній отнюдь не есть еще нарушеніе интересовъ всѣхъ въ пользу немногихъ счастливцевъ, какъ это нерѣдко понимаютъ. Все дѣло въ томъ, каковы эти привилегіи. Если государство взамѣнъ даруемой имъ привилегіи получаетъ эквивалентную цѣнность, понимая послѣднее слово, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ, то нѣтъ никакихъ основаній говорить о вредѣ такой привилегіи. Такъ, напримѣръ, самый образовательный цензъ безспорно есть привилегія, но никто не думаетъ отрицать его пользы.

Всякаго рода покровительство чему нибудь со стороны общества и государства только и можетъ выражаться созданіемъ привилегій. Это вѣрно, какъ въ отношеніи покровительства отечественной промышленности, такъ и въ отношеніи сословій. Такая политика не только не заключаетъ въ себѣ ничего ненормальнаго, но, наоборотъ, со-

ставляетъ единственный способъ воздѣйствія государства на направленіе народной жизни.

Такъ, напримѣръ, признавая образованіе полезнымъ, государство создаетъ въ его пользу привилегіи: служебныя, по воинской повинности, избавленіе отъ тѣлеснаго наказанія, стипендіи и воспитаніе на казенный счетъ и пр. Признавая полезнымъ существованіе болѣе или менѣе древнихъ родовъ, оно создаетъ сословныя привилегіи. Если же говорить о несправедливости, то она одинаково существуетъ во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ, а не только въ привилегіяхъ въ пользу дворянства.

При сословномъ строѣ нашего общества привилегіи въ пользу высшаго служилаго класса необходимы и неизбѣжны. Мало того, онѣ должны быть болѣе или менѣе значительны и существенны настолько, чтобы съ одной стороны ими дорожили тѣ, кто владѣетъ, а съ другой, чтобы онѣ могли составлять предметъ желаній и стремленій для тѣхъ, кто совмѣщаетъ въ себѣ условія, необходимыя для ихъ приобрѣтенія. Поэтому цѣль, преслѣдуемая созданіемъ привилегій служилаго сословія, не можетъ быть достигнута, если онѣ будутъ состоятъ лишь изъ названій, титуловъ, гербовъ и т. п. чисто внѣшнихъ отличій — къ чему у насъ почти свелось уже дѣло, — могущихъ сами по себѣ служить лишь для удовлетворенія мелочнаго тщеславія, а никакъ не составлять основаніе важнаго государственнаго учрежденія. Предѣлы особенныхъ правъ и преимуществъ обусловливаются единственно самымъ назначеніемъ сословія, но въ предѣлахъ этихъ они должны быть достаточно широки и реальны, такъ какъ иначе сословіе было бы лишено возможности выполнять возлагаемыя на него задачи.

Западно-европейская знать, наиболѣе полно и многосторонне развившаяся въ Англіи, находила свое значе-

ніе и силу не въ одномъ землевладѣніи, но и въ древности родовъ, въ культурности, во власти, которой была облечена, и въ привилегіяхъ, коими всегда пользовалась. Нѣмецкое дворянство и до сихъ поръ сохранило крупныя привилегіи въ государственной службѣ.

Наше дворянство есть учрежденіе политическое и государство можетъ разсчитывать на его полезность и значеніе лишь постольку, поскольку оно само надѣлило его необходимыми для того политическими правами и полномочіями.

Здѣсь необходимо оговориться. Выражаясь точнѣе, дворянство до 1762 г. никогда не имѣло однихъ правъ, а неслюбимо извѣстныя обязанности, съ которыми, дѣйствительно, были соединены нѣкоторыя права, но лишь постольку, поскольку это вызывалось исполненіемъ обязанностей. Допуская даже вмѣстѣ съ противниками сословности, что дарованіе дворянству исключительныхъ правъ было бы обидой другимъ сословіямъ, нельзя не признать однако же, что упрекъ этого рода не можетъ относиться къ русскому дворянству, такъ какъ по нашему исконному государственному укладу верховная власть не можетъ переуступать, да никогда и не переступала, своихъ правъ кому бы-то ни было: цари и государи лишь уполномочивали наше дворянство на управленіе въ качествѣ своихъ слугъ. «Въ сознаніи народа, говоритъ г. Михаилъ Яблочковъ *), кромѣ права царя, не существовало никакого другаго права; права боярства или другихъ сословій не существовало».....

*) См. „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“. С.-П—ргъ, 1876 г. стр. 188.

Не то было на западѣ, напримѣръ, во Франціи. Тамъ во время первой революціи народъ узурпировалъ королевскую власть; право верховенства надъ страной и ея обитателями было отнято у короля, составляло какъ-бы добычу всей націи, а потому и должно было раздѣлиться такъ же, какъ дѣлится добыча, т. е. поровну между всѣми, въ результатѣ чего и оказалась организація управленія помощью всеобщаго голосованія. Если бы при этомъ дѣлежъ какое нибудь сословіе получило меньше, чѣмъ остальные, оно, конечно, могло бы говорить о нарушенной справедливости: насиліе надъ королевской властью было сдѣлано во имя всеобщаго равенства, а потому наслѣдство, оставленное этой властью, не могло быть раздѣлено между ея добытчиками иначе, какъ поровну. Верховная власть отъ короля перешла къ народу, а, слѣдовательно, каждый гражданинъ имѣлъ право пользоваться причитающейся на него долей этой власти.

Никакого аналогичнаго положенія нельзя себѣ представить въ Россіи. Наши монархи, нимало не поступаясь своею властью и именно въ силу сохраняемой ими полноты этой власти, возлагаютъ обязанности по управленію на отдѣльныхъ лицъ и на цѣлое сословіе страны.

Но, конечно, для такой миссіи выборъ ихъ падаетъ на тѣхъ, кто наиболѣе способенъ къ ней, какъ изъ отдѣльныхъ лицъ, такъ равно и изъ цѣлыхъ сословій. Отсюда и служебное положеніе дворянства, такъ какъ это сословіе безспорно представляетъ собою разрядъ людей наиболѣе пригодныхъ для дѣла управленія.

Вышеупомянутый характеръ государственно-правоваго положенія нашего высшаго служилаго сословія, заключающійся въ его обязанностяхъ, въ бремени, несомомъ имъ по управленію страной, обусловливаетъ собою и нравственную сущность нашего сословнаго строя. Идея рус-

скаго дворянства лишена своекорыстія и говорить лишь о чести и долгѣ передъ Царемъ и Отечествомъ, а потому и принадлежитъ къ идеямъ высшаго порядка.

Обычное возраженіе противъ сословныхъ привилегій заключается въ томъ, что онѣ возбуждаютъ будто бы сословную вражду и ненависть. Не касаясь вопроса о томъ насколько обстоятельство это имѣетъ значеніе для другихъ странъ, мы можемъ сказать лишь, что вражда сословіи есть явленіе безусловно неизвѣстное нашей бытовой исторіи. И, наоборотъ, существованіе сословныхъ правъ и преимуществъ имѣетъ за себя всю исторію нашего права. Они всегда существовали, существуютъ и нынѣ, и предѣлы ихъ лишь колебались въ зависимости отъ потребностей времени, не возбуждая при своемъ расширеніи ни антагонизма, ни демократической зависти, столь свойственныхъ народнымъ массамъ западной Европы. Только дарованіе новыхъ привилегій одной группѣ населенія передъ другими—и лишь въ томъ случаѣ если эти привилегіи не вызываються потребностями страны—создаетъ почву для сословной борьбы. Здравые политическія понятія всегда составляли отличительную черту нашего народа; онъ не утратилъ подъ вліяніемъ чужеземныхъ ученій, подобно части образованнаго общества, самостоятельности политической мысли, а потому и понимаетъ, что особые сословныя права и преимущества даруются верховной властью лишь для государственной нужды, а не для того, чтобы одинъ разрядъ государевыхъ людей возвышать надъ другимъ.

Но лучшій доводъ въ пользу нашей сословности, а вмѣстѣ съ нею и сословныхъ правъ и обязанностей, заключается въ томъ, что наши сословія явились отнюдь

не искусственнымъ созданіемъ чьей нибудь отвлеченной мысли. Наши сословія въ зародышѣ существовали при самомъ началѣ русскаго государства, которое не создавало ихъ, а воспользовалось уже существовавшими въ народѣ разслоеніями для того, чтобы заставить этотъ народъ работать на свою пользу возможно лучше, возможно производительнѣе. Государственное управленіе всегда было и всегда останется дѣломъ по преимуществу практическимъ и сводится къ тому, чтобы возможно лучше пользоваться для государства способностями и средствами какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и цѣлыхъ ихъ группъ. Прежніе государи наши взяли къ себѣ на службу земское боярство, торговый классъ обложили денежными сборами, крестьянство прикрѣпили къ землѣ, т. е. со всякаго разряда людей взяли то, что могли взять для пользы и процвѣтанія всей земли.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что различныя сословія страны обладаютъ съ государственной точки зрѣнія совершенно различными, иногда даже противоположными качествами. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, объ этомъ профессоръ Н. Коркуновъ: «Въ правящемъ классѣ вырабатывается путемъ наслѣдственной передачи и особо къ тому приспособленнаго воспитанія особая способность и привычка къ властвованію. Въ членахъ этого класса естественно складывается увѣренность въ успѣхѣ, въ повиновеніи имъ другихъ и это сообщаетъ ихъ властвованію рѣшительность и энергію, придающія имъ особую силу. Съ другой стороны и въ самыхъ подвластныхъ точно такимъ же путемъ наслѣдственной передачи и соотвѣтственнаго воспитанія вырабатывается склонность къ добровольному подчиненію, даже своего рода потребность подчиненія. Къ тому же господство, къ которому

привыкли издавна, которое унаслѣдовали отъ предковъ, не кажется оскорбительнымъ» *).

Вотъ какъ діаметрально противоположны свойства сословія правящаго и сословія подвластнаго. Для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій приносило государству наибольшую пользу, ихъ, очевидно, нужно поставить по отношеніи къ государству въ различныя положенія, на нихъ нужно возложить различныя обязанности, одаривъ соотвѣтственно послѣднимъ и различными правами. Поступая иначе, государство уподоблялось бы такому хозяину фабриканту, который, вмѣсто того чтобы предоставить каждому специалисту работать на своемъ мѣстѣ, смѣшалъ бы ихъ всѣхъ такъ, что художникъ оказался бы за ткацкимъ станкомъ, а ткачъ въ рисовальной залѣ.

Вопросъ о сословіяхъ сводится въ сущности своей къ вопросу о томъ, какъ лучше и выгоднѣе для государства эксплуатировать для своихъ цѣлей трудъ и способности населенія страны—въ видѣ ли сплошной массы или въ видѣ обширныхъ сословныхъ группъ.

Уничтожить дворянство или оставить—съ государственной точки зрѣнія вопросъ чисто практическій. Въ силу давняго права и обычая государственная власть можетъ сохранять привилегіи родовъ и давать ихъ вновь. Если это нужно отъ государства—пусть сохраняетъ и создаетъ ихъ вновь; не нужно—сословный строй разрушится самъ собою, какъ разрушается всякое нежилое зданіе.

Насколько ясно сознавалась нашей верховной властью необходимость сословій и значеніе ихъ для государства даже въ то время, когда демократическія ученія

*) „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ“. Часть первая. С.-П.—ргъ. 1890 г.

сдѣлали уже въ нашемъ обществѣ большія завоеванія, видно, напримѣръ, изъ Высочайшаго рескрипта отъ 13 мая 1866 года на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. П. П. Гагарина. «И наконецъ, говорится въ этомъ историческомъ документѣ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ, другихъ, *здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ*, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Богу, преизобилуетъ. *Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ*, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленные, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священные истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій, во всѣхъ слояхъ народа, надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ».

И у насъ, и всюду сословія разрушаются во имя идеи равенства. Но, какъ сказалъ еще кн. А. И. Васильчиковъ *), «понятіе о равенствѣ лицъ *чуждо русскому быту*».

*) „О самоуправленіи“, т. I, стр. XXXVIII.

Къ этому можно прибавить лишь, что если со времени отмѣны крѣпостнаго права, какая либо идея сдѣлала завоеванія въ нашемъ народѣ, то это идея о равенствѣ въ отношеніи всякаго рода гражданскихъ правъ, въ отношеніи свободы труда и обезпеченія за каждымъ пользованія результатами своего труда. Идея же равенства *политическаго* несомнѣнно иноземнаго происхожденія и если распространяется у насъ успѣшно, то развѣ исключительно въ средѣ молодежи и безпочвенной «интеллигенціи»; народъ же остается совершенно глухимъ къ ея пропагандѣ.

«Русскій народъ можно поднять только во имя царя» *), а идея царской власти безусловно несовмѣстима съ идеей равенства.

Еще въ 1863 году по поводу «вопроса о равенствѣ», вдругъ возникшаго у насъ, М. Н. Катковъ писалъ **), что его съ политической точки зрѣнія «почти стыдно касаться послѣ безчисленныхъ опытовъ вреднаго примѣненія этого начала въ политикѣ. Мѣсто равенства въ гражданскомъ, а не въ государственномъ правѣ. Здѣсь, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, оно враждебно началу свободы».

Удачныя и вѣрныя мысли о равенствѣ встрѣтили мы также въ одной изъ статей Ө. Рёмера «О дворянствѣ» ***). «Истинное равенство состоитъ, конечно, не въ томъ, говорить почтенный авторъ, чтобы всѣмъ съ момента рожденія суждены были одинаковыя права, одинаковыя занятія и одинаковое благосостояніе. Не говоря уже о томъ, что подобное единообразіе отзывается мертвечиной, ибо жизнь,

*) См. М. Яблочковъ. „Исторія дворян. сосл. въ Россіи“. С.-П—ргъ, 1876 г. стр. 188.

**) Московскія Вѣдомости, № 162, 1863 г.

***) См. С.-Петербург. Вѣд. № 118, 1897 г.

наоборотъ, вырабатываетъ обыкновенно цѣлую безконечность формъ, красокъ и подробностей, не замѣчая, что безусловная, впередъ намѣченная одинаковость всѣхъ человѣческихъ существъ необходимо убьетъ въ нихъ всякія стремленія, духъ инициативы и атрофируетъ умственную силу—, я даже долженъ указать, что именно такой порядокъ является противорѣчіемъ истинному равенству, справедливости, и даже отрицаніемъ законовъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли человѣку съ задатками преступника или вредному для общества мечтателю предоставить одинаковую съ другими свободу дѣйствій? Справедливо-ли человѣка, наслѣдовавшаго просвѣщенныя традиціи цѣлыхъ поколѣній, способнаго къ самой сложной и тонкой умственной работѣ, приставить къ одному и тому же дѣлу съ каменотесомъ или грабаремъ? А главное, кто и что этимъ выиграетъ? Нѣтъ, равенство состоитъ не въ томъ, чтобы, вопреки указаніямъ природы и опыта общественной жизни, всѣмъ и каждому предоставлять одинаковыя права, одинаковое положеніе, одинаковый достатокъ (это, напротивъ—глубочайшая несправедливость, даже безуміе), а въ томъ, чтобы каждому былъ открытъ, по возможности, безпрепятственный доступъ ко всему достижимому на землѣ, и чтобы каждый могъ этимъ пользоваться въ мѣру собственныхъ способностей и стремленій, но, по возможности, согласуя это съ общественными выгодами и удобствами. Насколько я въ состояніи понимать, подобная задача пока наилучше рѣшается именно сословнымъ устройствомъ, гдѣ каждый рождается въ своей средѣ, примыкаетъ къ готовому, давно привычному дѣлу, получаетъ впередъ намѣченную цѣль и стремленія, сознаетъ свою крѣпкую связь съ обществомъ, но въ то же время имѣетъ полное право и возможность, если пожелаетъ и способенъ, искать иной,

высшей доли для себя лично, или даже подвять вмѣстѣ съ собою все свое сословіе.»

Однимъ изъ основаній сословныхъ привиллегій служить признаніе «заслугъ предковъ». Давая обильную пищу для дешеваго остроумія, принципъ этотъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергается демократіей—по крайней мѣрѣ въ теоріи. На дѣлѣ же находятъ себѣ примѣненіе и въ наиболѣе крайнихъ народоправствахъ. Вспомните избраніе въ президенты французской республики г. Садикарно. Всѣ его данныя на этотъ высокій постъ заключались почти единственно въ «заслугахъ предковъ». Благодаря подобной же причинѣ, выдвинулся на политической аренѣ г. Кавеньякъ. Въ одной газетѣ пресерьезно была высказана мысль, что этимъ двумъ фамиліямъ суждено, быть можетъ, послужить «родословнымъ корнемъ для республиканскихъ (?) династій Франціи». Все это объясняется тѣмъ, что общественныя заслуги предковъ составляютъ нѣчто вполне реальное по отношенію къ ихъ потомкамъ, а потому и не могутъ не имѣть значенія и не увеличивать достоинство этихъ послѣднихъ. Въ теоретическихъ разужденіяхъ демократія признать этого не хочетъ, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ ея основными принципами, а потому на дѣлѣ и впадаетъ сама собою въ противорѣчія. Только что осмѣиваемыя «заслуги предковъ» начинаютъ вновь цѣниться съ однимъ лишь измѣненіемъ: вмѣсто заслугъ передъ «престоломъ и отечествомъ» говорится о заслугахъ передъ «народомъ». Но развѣ это измѣняетъ сущность дѣла?

„СОСЛОВНАЯ РОЗНЬ“.

Сказанія о „сословной розни“.—Возбужденіе вражды къ сословіямъ и между сословіями. — Рознь не имѣетъ почвы въ нашемъ сословномъ строѣ.—Демократическая зависть.

Нѣтъ ничего легче, какъ говорить о настроеніи и чувствахъ народа или какихъ бы то ни было общественныхъ группъ и сословій. Отдѣльное лицо или учрежденіе всегда можетъ опровергнуть взводимую на него напраслину, но какъ бы ни была велика эта послѣдняя о народѣ или о сословіи въ нѣсколько сотъ тысячъ или въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ,—нѣтъ средства и не представляется возможности какъ нибудь воспрепятствовать ея распространенію. По отношенію къ такимъ многочисленнымъ людскимъ союзамъ вполне примѣнимъ пріемъ «валить какъ на мертваго». Но мертвый ограждается, по крайней мѣрѣ, общепринятымъ правиломъ—не говорить про него ничего дурного. Про живой-же народъ или живое сословіе прямо и смѣло можно утверждать неправду, ничѣмъ не рискуя.

Все это весьма наглядно подтверждается упорно поддерживаемою во всю пореформенную эпоху ложью о существованіи въ нашемъ народѣ *сословной розни*.

Можно было говорить о сословной розни во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Можетъ быть, то же явленіе наблюдалось позже, хотя не безъ вліянія идей первой

французской революціи, и въ другихъ Европейскихъ странахъ. О существованіи этой розни свидѣлствуютъ безконечные ряды совершенно конкретныхъ фактовъ, очевидныхъ проявленій вражды между сословными группами, между богатыми и бѣдными, вполне авторитетные мемуары, свидѣтельства наблюдателей народнаго быта, протоколы общественныхъ собраній, литература, журналистика и т. д., и т. д.

Ничего подобнаго, никакого существованія сословной розни и вражды сословій у насъ и въ дореформенную, и послѣреформенную эпоху не существовало и никогда никто не пытался сколько нибудь обстоятельно уяснить и доказать существованіе этихъ соціальныхъ явленій какими нибудь болѣе или менѣе вѣскими фактами, авторитетными свидѣтельствами, изслѣдованіями и т. д. Дѣло было собственно такъ, что разрушителямъ нашихъ сословій нуженъ былъ какой нибудь мотивъ для ихъ нивелирующаго труда, для проведенія реформъ, въ основаніи которыхъ лежало сліяніе сословій и насильственное равеніе. Вотъ тутъ-то, пользуясь всеобщимъ увлеченіемъ новыми идеями и туманомъ, окутывавшимъ даже, казалось бы, здоровыя и крѣпкія головы, сразу въ литературѣ и журналистикѣ принялись усиленно твердить о существованіи у насъ *сословной розни* и необходимости правительству въ предстоявшихъ тогда реформахъ считаться съ этимъ важнымъ обстоятельствомъ.

Какъ извѣстно, путемъ постояннаго повторенія положеніе, хотя бы даже совершенно ложное и бездоказательное, пріобрѣтаетъ какъ бы внѣшнюю оболочку правды или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ казаться таковою. Не смотря на то, что никто не взялъ на себя труда установить существованіе этой розни какимъ-бы ни было фактомъ, легенда о ней совершенно прочно установилась и держится даже до

последняго времени и въ случаѣ надобности вытаскивается на свѣтъ Божій въ качествѣ аргумента. Достаточно заглянуть въ любое разсужденіе повременныхъ изданій извѣстнаго направленія, посвященное доказательству полезности какого нибудь новшества или преобразования, клонящагося къ уничтоженію остатковъ сословности, чтобы встрѣтить ссылку на существованіи у насъ сословной розни, вражды классовъ и т. п. *). А такъ какъ эта долговременная проповѣдь не могла не оставить послѣ себя слѣда, то существованіе вражды сословій и считается за одну изъ политическихъ аксіомъ.

Въ дѣйствительности, если у насъ и существуетъ что-нибудь, то никакъ не вражда сословій между собой, а *вражда къ сословіямъ* со стороны безсословной интеллигенціи. Постоянное утвержденіе о существованіи вражды сословій и сословной розни, хотя не успѣло породить этихъ послѣднихъ, но, конечно, не могло остаться безъ вліянія на тѣхъ, кто такую проповѣдь склоненъ былъ слушать, т. е. на «интеллигенцію», преимущественно на нашу молодежь, которая, исходя изъ того, что у насъ крестьяне и мѣщане ненавидятъ будто бы дворянъ, а, можетъ быть, и купцовъ, конечно, также—прониклась ненавистью къ сословности вообще и къ высшему служилому сословію въ частности.

Такимъ образомъ розни и сословной вражды у насъ

*) Вотъ, напримѣръ, что писалось въ *Вѣстникъ Европы* уже въ 1882 г. (т. 3-й, Внутр. Обозр., стр. 354): „Народная масса, раскрѣпощенная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, осталась до сихъ поръ, въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи закрѣпощенною такъ, какъ—будто бы въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ не было совершенно никакой реформы—въ смыслѣ уничтоженія всѣхъ источниковъ *сословной розни*“.

не существуетъ вовсе, но путемъ постояннаго повторенія выдумки объ ихъ существованіи эта проповѣдь успѣла сдѣлать то, что наиболѣе безпочвенная часть «образованнаго» общества серьезно вѣритъ въ существованіе у насъ какой то борьбы сословій, въ стремленіе народа разрушить сословныя перегородки и уничтожить всякія сословныя особенности и отличія. Можно сказать безъ преувеличенія, что нашу своеобразную «сословную рознь», т. е. рознь безсословнаго класса къ сословному, создала наша журналистика и отчасти правительственныя реформы позапрошлаго царствованія, въ основаніе которыхъ, по мнѣнію ихъ безусловныхъ сторонниковъ, было какъ бы даже положено стремленіе уничтожить «сословную рознь» и внести въ народъ миръ и благоволеніе.

Главнымъ проявленіемъ розни и вражды сословій на западѣ была, конечно, ихъ, въ началѣ не видная, подспудная, а затѣмъ явная и стоящая потоковъ крови, борьба между собою. Никогда никакой борьбы между сословіями не только явной, но даже подспудной и тайной, у насъ не было, и едва ли кто могъ бы указать какіе либо въ доказательство ея факты. Даже въ настоящее время, послѣ того какъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ наша повременная печать всѣми силами старается насадить и культивировать вражду между сословіями, даже и донинѣ этой вражды нѣтъ. Увеличеніе или уменьшеніе правъ, напримѣръ, крестьянства по земскому управленію въ 1890 г., если возбуждало неудовольствіе, то никакъ не крестьянъ, а ихъ добровольныхъ радѣтелей въ повременной печати и столичныхъ кружкахъ. Можно сказать, что само крестьянство, развѣ за единичными исключеніями на всю его пятидесяти-милліонную массу, даже не имѣетъ и никогда не имѣло понятія о томъ, въ какомъ

смыслъ произошла земская реформа, даже не знаетъ, что оно имѣло и чего лишилось, благодаря послѣдней; какъ же ожидать отъ него довольства или недовольства ею? Возвращеніе къ основамъ нашей сословности, которымъ были проникнуты преобразованія незабвеннаго Императора Александра III, встрѣтило недовольство отнюдь не со стороны тѣхъ или другихъ сословій, а опять таки со стороны безсословной «интеллигенціи», поддерживавшей легенду о сословной розни и о другихъ вещахъ, необходимыхъ для оправданія ея заимствованныхъ политическихъ теорій.

Фактъ насажденія и культивированія у насъ сословной розни не только въ семидесятыхъ годахъ и въ наше время, но даже раньше, въ шестидесятыхъ годахъ, имѣетъ прекрасное себѣ подтвержденіе въ Высочайшемъ рескриптѣ 13-го мая 1866 года, данномъ на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. Гагарина: «Надлежитъ прекратить, говорится въ рескриптѣ, повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями, и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ *прямыхъ противниковъ*».

Этотъ государственный документъ подтверждаетъ не только, что у насъ искусственно насаждалась сословная рознь, но также и тотъ упомянутый нами фактъ, что дѣйствительная ненависть существовала *не между сословіями*, а питалась *внѣсословною «интеллигенціею» къ дворянству*: уже немногочисленная и сравнительно нерѣшительная «интеллигенція» шестидесятыхъ годовъ естественно усматривала въ дворянахъ своихъ «противниковъ».

Драгоценное свидѣтельство о томъ, что русскій народъ совершенно чуждъ сословной ненависти и розни высказалъ еще въ 1885 году М. Н. Катковъ:

«Русскій народъ, не зная политическаго властолюбія, совершенно чуждъ и политической зависти. Истинный русскій человѣкъ не завидуетъ своему согражданину выше него стоящему; онъ смотритъ съ уваженіемъ на всякое высокое положеніе; ему вовсе неизвѣстно ревнивое желаніе равенства. Никто такъ не ошибается на счетъ Россіи какъ тѣ, которые называютъ ее демократическою страной. Напротивъ, нѣтъ народа, въ которомъ демократическіе инстинкты были бы слабѣе, чѣмъ въ народѣ Русскомъ. Они проникли, и то лишь слабо, въ ту полу-чиновничью, полушляхетскую среду, которая примыкаетъ къ помѣстному дворянству, какъ несвойственный ему придатокъ и *отнюдь не пользуется симпатіями другихъ сословій*» *).

Эта «полу-чиновничья, полу-шляхетская среда» и была тѣмъ, столь размножившимся въ наше время слоемъ, который называется «интеллигенціею». Когда писались приведенныя строки, это названіе еще не было въ ходу и великій публицистъ не зналъ даже, какъ назвать ту общественную группу, о которой онъ говорилъ. Слова М. Н. Каткова подтверждаютъ косвенно также высказанное нами выше мнѣніе о враждѣ «интеллигенціи» къ сословіямъ: сословіямъ собственно нѣтъ причинъ враждовать противъ «интеллигенціи», которая слишкомъ слаба, слишкомъ ничтожна для подобнаго чувства; но съ другой стороны сословія не могутъ и питать «симпатій» къ общественному слою, явно къ нимъ враждебному.

Да это отсутствіе сословной розни въ нашемъ народѣ и совершенно понятно. Нашъ народъ искони дѣлится

*) См. *Московскія Вѣдомости*, № 8, 1865 г.

на сословія не столько по происхожденію, сколько по наслѣдственному виду и роду занятій, и обстоятельство это составляетъ самобытную особенность нашего историческаго развитія. Въ старину отъ отца къ сыну у насъ переходили не титулъ и феодалныя права, а то или другое занятіе, та или другая дѣятельность, и хотя, конечно, сыну боярина, проводшаго свой вѣкъ на государственной службѣ, было легче идти по стопамъ отца, чѣмъ сыну крестьянина, проводшаго свой вѣкъ за сохой, но этимъ фактическимъ различіемъ и ограничивалась главнымъ образомъ вся разница. Нашимъ практичнымъ царямъ и государственнымъ мужамъ не приходило въ голову искусственно ломать нашу народную жизнь и безъ нужды отрывать людей отъ простого деревенскаго быта для государственной службы. Но въ основѣ такого отношенія были лишь практическія соображенія, и если исключительныя обстоятельства благопріятствовали тому, что простой человѣкъ могъ выдвинуться на поприщѣ государственной службы, то съ точки зрѣнія нашихъ исконныхъ правъ и обычаевъ, къ этому не было никакихъ препятствій, такъ какъ у насъ не было кастъ: ко всевозможнымъ занятіямъ—будь то земледѣліе, будь то промышленность, будь то государева служба—былъ доступъ для всякаго. Сословное дѣленіе основывалось у насъ на общности интересовъ, совмѣстномъ трудѣ и значеніи въ государствѣ различныхъ слоевъ населенія, а отсюда и на ихъ различныхъ государственныхъ правахъ и обязанностяхъ, а не на происхожденіи отъ враговъ, завоевавшихъ когда-то страну, какъ это было на западѣ.

Но, не смотря на наслѣдственность своихъ правъ и обязанностей, наше служилое сословіе никогда не было аристократіей. Полезная и вѣрная служба Царю и Отечеству всегда имѣла въ ея глазахъ большее значеніе, чѣмъ

древность рода. Однимъ изъ подтвержденій этого служить, между прочимъ, обычай мѣстничества. Хотя наши бояре и дворяне и гордились древностью происхожденія, однако домогательства высшихъ мѣстъ основывались ими не на этой древности, а на службѣ предковъ. Но эта основа правъ и преимуществъ высшаго сословія настолько понятна даже простому уму, что не могла вызывать къ этому сословію ни зависти, ни ненависти со стороны остального населенія.

Профессоръ Н. Коркуновъ говоритъ о сословіяхъ *): «въ самыхъ подвластныхъ (сословіяхъ) точно такимъ же путемъ наслѣдственной передачи и соотвѣтственнаго воспитанія вырабатывается наклонность къ добровольному подчиненію, *даже своего рода потребность подчиненія*. Къ тому же господство, къ которому привыкли издавна, которое унаслѣдовали отъ предковъ, не кажется оскорбительнымъ». Ни къ чему непримѣнимы слова эти болѣе, какъ къ отношеніямъ между нашимъ помѣстнымъ дворянствомъ и крестьянствомъ. Простому народу никогда и въ голову не приходило и не приходитъ быть недовольнымъ какими бы то ни было преимуществами дворянскаго положенія, его правами и обязанностями. Своимъ простымъ здравымъ смысломъ, своимъ политическимъ инстинктомъ нашъ крестьянинъ принимаетъ сложившіяся вѣками отношенія между сословіями и мы не знаемъ никакихъ попытокъ, когда бы единичныя или коллективныя силы крестьянъ искали ихъ измѣненія. Дѣло въ томъ, что европейская отравка не заразила еще нашъ сельскій людъ поли-

*) См. „Сравнительный очеркъ госуд. права иностр. державъ“. Часть первая. Государство и его элементы. С.-П.—ргъ. 1890 г.

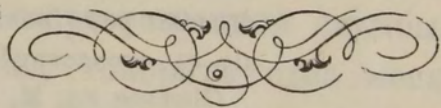
тической завистью, и что этотъ людъ не вѣрить въ наступленіе рая на землѣ чрезъ политическую равноправность, конституцію и т. п., какъ вѣрилъ, но перестаетъ уже вѣрить западно-европейскій рабочій. И если народъ, сколько нибудь поколебленъ въ своей вѣрѣ въ старинный общественный укладъ нашъ, то этимъ онъ обязанъ исключительно вліяніямъ сверху, насажденію реформъ «равнявшихъ» сословія, реформъ, смысла которыхъ онъ долженъ былъ доискиваться уже послѣ того, какъ онъ совершились и за которыя онъ не боролся. Еще Прудонъ сказалъ, что демократія—это зависть. Ипполитъ Тэнъ приписываетъ этому чувству важную роль въ ужасахъ первой французской революціи. Парижскія мегеры грабили лавки «столько же по зависти, сколько и по нуждѣ»: судовая работница не можетъ простить лавочницѣ лучшаго платья; лавочница въ свою очередь завидуетъ женѣ адвоката и совѣтницѣ, а эти послѣднія—женамъ банкировъ и дворянъ. «*La femme du peuple ne croit pouvoir trop faire pour ravalier l'épicière a son niveau*» *).

По счастью нашъ народъ еще слишкомъ чистъ и независтливъ, еще слишкомъ христіанинъ для того, чтобы раздѣлять подобныя чувства. Нѣтъ у него ихъ ни въ его личныхъ отношеніяхъ, ни въ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ **). «Характеристикой отношеній между дворя-

*) „Женщина изъ народа не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы унижить лавочницу“. *La revolution*, т. II, р. 401.

**) „У насъ эта черта—радоваться чужому благополучію—прямо-таки національная. Проѣдетъ по улицѣ красивая закладка съ чистокровными рысаками—все рады, все улыбаются: „Ишь ты, какъ хорошо!“ Выиграетъ просвирия двѣсти тысячъ и такъ рады, точно она имъ наслѣдство оставляетъ. Если веселятся у кухмистра на свадебномъ вечерѣ, на противоположной сторонѣ улицы цѣлая толпа смотритъ въ окна и радуется“. (П. Гиѣдичъ, *Новое Время* № 7724).

нами и крестьянами, говоритъ А. Пазухинъ, можетъ служить тотъ фактъ, что изъ многочисленныхъ властей нынѣшняго уѣзднаго управленія предводитель дворянства есть самый популярный человѣкъ среди крестьянъ *)). И у нашихъ противниковъ дворянства еще хватаетъ смѣлости говорить о сословной враждѣ и розни!

*) „Современное состояніе Россіи“. М. 1886 г. стр. 33.

СЛУЖЕБНЫЯ ПРАВА ДВОРЯНЪ.

„...дворяне, по одному имени своему, имѣють преимущественное передъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ, чтобы имъ, по ихъ службѣ и по преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соответственная достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству“.

(Мнѣніе кн. М. Щербатова, поданное Екат. Ком. для соч. проекта Новаго Уложенія. 1767 г. Сб. Р. Ист. Общ. т. IV ст. 152).

I.

Либеральная организація государственной службы. — Историческая справка. — Дѣйствующее законодательство. — Исконныя основы нашей государственной службы. — Послѣдствія отмѣны служебныхъ преимуществъ дворянства.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ газеты неоднократно оповѣщали насъ, что въ подлежащихъ государственныхъ установленіяхъ разсматривается вопросъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства.

Еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ возникло предположеніе о пересмотрѣ дѣйствующихъ правилъ о служебныхъ правахъ и ихъ отношеніи къ степени полученнаго образованія. Тогда же по этому поводу была учреж-

дена особая комиссія, которая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій, составила проектъ, разсматривавшійся въ серединѣ восьмидесятихъ годовъ въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, при чемъ онъ былъ возвращенъ тогда для измѣненій и дополненій. Дальнѣйшей судьбы этого проекта мы не знаемъ, равно какъ намъ неизвѣстно и то, въ какомъ положеніи вообще находится вопросъ о пересмотрѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Это не лишаетъ однако самого проекта несомнѣннаго интереса, если не въ виду его официальнаго значенія, то какъ программы извѣстнаго направленія въ данномъ вопросѣ: дѣйствительно, проектъ весьма удачно резюмируетъ ходячіе взгляды на необходимость демократизаціи нашей государственной службы.

«Министерство, говоритъ одна московская газета объ этомъ проектѣ *), прежде всего указываетъ, что существующія у насъ ограниченія въ правахъ гражданской службы въ зависимости отъ происхожденія уже утратили свой смыслъ. Эти ограниченія были установлены въ свое время не столько для возвышенія дворянскаго сословія особыми правами, сколько для огражденія различныхъ интересовъ въ зависимости отъ существовавшихъ тогда условій военной службы (рекрутчина) или фиска (подушная подать) и т. п. Теперь эти условія уже не существуютъ. Крайнее неравенство правъ лицъ совершенно равнаго образованія, но не равнаго происхожденія, не вызывается интересами гражданской службы; это едва ли требуетъ доказательствъ. Права на службу должны быть распредѣляемы на основаніи болѣе твердыхъ и объективныхъ данныхъ, имѣющихъ прямую и существенную важность для гражданской службы, именно на основаніи сте-

*) Русскія Вѣдомости № 14, 1893 г.

псней и родовъ образованія. Въ настоящее время потомственный дворянинъ по окончаніи гимназическаго курса имѣетъ служебныя права въ два раза большія, — при тѣхъ же условіяхъ образованія, — чѣмъ сыновья православныхъ священно-служителей и купцовъ 1-й гильдіи, въ четыре раза большія, чѣмъ сыновья нечиновныхъ ученыхъ, въ восемь или въ десять разъ большія, чѣмъ питомцы приказовъ общественнаго призрѣнія и проч. Подобныя узаконенія, по мнѣнію министерства, нарушаютъ требованіе справедливости и вмѣстѣ съ тѣмъ вредятъ прямо тому сословію, въ пользу котораго они устанавливаютъ привилегію. Дарованныя потомственному дворянству чрезмѣрныя преимущества по гражданской службѣ, по замѣчанію министерства, все болѣе и болѣе клоняты къ оскудѣнію его высшимъ образованіемъ и къ отгѣсненію черезъ то отъ высшихъ поприщъ дѣятельности какъ на государственной службѣ, такъ и на литературномъ, напр., поприщѣ. Причина подобнаго явленія какъ нельзя болѣе понятна: законъ, надѣляя потомственныхъ дворянъ значительными преимуществами на низшихъ ступеняхъ образованія и уравнивая ихъ съ прочими классами населенія на высшихъ ступеняхъ его, нисколько не поощряетъ первыхъ изъ нихъ къ высшему образованію, а, напротивъ, даже отклоняетъ отъ него, предоставляя болѣе или менѣе значительныя выгоды тѣмъ изъ нихъ, которые удовлетворяются курсомъ уѣзднаго училища или низшихъ трехъ классовъ средняго учебнаго заведенія. Въ виду указанныхъ соображеній проектируется совершенно уничтожить преимущества, предоставляемыя теперь въ гражданской службѣ на основаніи происхожденія. Служебныя права при опредѣленіи на службу предположено поставить въ соотношеніе только со степенью образованія.

Проектъ этотъ, если онъ вѣрно переданъ московской

газетой, заслуживаетъ полного вниманія *). Онъ весьма рѣшительно затрогиваетъ въ высшей степени важный вопросъ о служебныхъ правахъ дворянъ или, вѣрнѣе говоря, исполнѣ ихъ отмѣняетъ. Но права эти древни, какъ вся наша исторія, и находятся въ тѣсной связи съ главнымъ назначеніемъ дворянства, какъ служилаго сословія, и уже одно это обязываетъ къ осторожному и всестороннему отношенію къ предположенной мѣрѣ, умысленно или неумысленно обойденной почти полнымъ молчаніемъ нашей печати, какъ и всѣ, впрочемъ, вопросы о нашемъ дворянствѣ.

Въ до-петровской Руси служба государству лежала исключительно на царскихъ чиновныхъ людяхъ—боярахъ, окольничьихъ, думныхъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Великій преобразователь Россіи, при напряженіи всѣхъ силъ государства для войнъ и внутреннихъ преобразованій, нуждаясь въ служилыхъ людяхъ, которыхъ не могло ему доставить одно «шляхетство», долженъ былъ брать способныхъ людей изъ всѣхъ классовъ общества. Но это была неизбежная, временная мѣра, обусловленная чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ находилась страна. Не только при Петрѣ Великомъ, но и позже недостатокъ въ гражданскихъ чиновникахъ былъ такъ ве-

*) Проектъ этотъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что основныя положенія его далеко не новы; еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ А. И. Кошелевъ писалъ въ своей извѣстной книгѣ „Голосъ изъ земства“ почти то же самое: „человѣкъ освободившійся отъ крѣпостной зависимости, образовавшійся въ университетѣ и получившій тамъ степень кандидата или магистра, имѣетъ, и по справедливости долженъ имѣть, преимущество надъ плохо учившимся дворяниномъ, хотя бы и потомкомъ самаго древняго княжескаго рода“ (стр. 32).

ликъ, что въ 1746 г. былъ изданъ указъ, предписывавшій губернаторамъ и воеводамъ отыскивать канцелярскихъ служителей, скрывающихся по деревнямъ своимъ и опредѣлять ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ окажется недостатокъ, а если стануть укрываться, то конфисковать ихъ имущество. Тѣмъ не менѣе, Петръ оставался вѣренъ старинному русскому отношенію къ дворянству, какъ служилому сословию, и насколько возможно стремился набирать офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ изъ шляхетства. Такой взглядъ Петра особенно рельефно проявился въ дѣлѣ посылки дворянскихъ недорослей въ заморскую науку. Извѣстно, что она неособенно давалась изнѣженнымъ и непривычнымъ къ новому и черному труду бояричамъ. По этому поводу въ 1715 г. Канонъ Зотовъ писалъ Государю изъ Франціи... «не худо бы было, если бы Ваше Величество указалъ архіерею рязанскому выбрать латинистовъ изъ средней статьи людей, т.-е. не изъ породныхъ... для того, что вездѣ породные презирають труды» *).

Въ отвѣтъ на это Петръ не переставалъ посылать за море людей «породныхъ».

При преемникахъ Петра, когда государственная жизнь приняла болѣе тихое и нормальное теченіе, возникаютъ попытки ограничить поступленіе на гражданскую службу людей податныхъ состояній; такъ, напр., въ 1727 г. повелѣно ни въ какія службы не опредѣлять крестьянъ и дворовыхъ людей. Ограниченія эти начинаютъ принимать систематическій характеръ и болѣе широкіе размѣры при Екатеринѣ II-й, когда слагался тотъ новѣйшій характеръ нашего дворянства, какъ обособленнаго бытоваго союза,

*) Романовичъ-Словатинскій „Дворянство въ Россіи“, стр. 170. Изъ того же почтеннаго труда нами заимствованы и другія историческія данныя.

который сохранился и до нашего времени. Наконецъ, въ 1771 г. категорически было запрещено принимать въ статскую службу людей податнаго состоянія (II. С. № 13. 596, 13. 760). Далѣе, въ 1779 г. опредѣлено точно, лица какихъ именно сословіи пользуются правами гражданской службы, и между этими сословіями на первомъ мѣстѣ было поставлено дворянство. Несмотря на продолжавшійся крайній недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ въ областномъ управленіи, императрица Екатерина II строго слѣдовала этимъ началамъ и не допускала никакихъ изъятій.

Въ послѣдующія два царствованія подъ вліяніемъ крайней необходимости въ видѣ исключенія допускаются на гражданскую службу лица податнаго состоянія и увеличивается число категорій лицъ, имѣющихъ на это право. Вопросъ этотъ упорядочивается окончательно императоромъ Николаемъ I, издавшимъ въ 1827 году положеніе о канцелярскихъ служителяхъ гражданского вѣдомства. Законъ этотъ подвергся наиболѣе существеннымъ измѣненіямъ въ 1834 г. и въ началѣ прошлаго царствованія, но основное начало его—преимущества по гражданской службѣ дворянства—остается неизмѣннымъ и до настоящаго времени.

Наряду съ ограниченіемъ права на гражданскую службу вообще, въ нашемъ законодательствѣ развиваются и ограниченія на производство въ чины въ зависимости отъ происхожденія. Извѣстно, что по идеѣ Петра ранги, т.-е. чины и классы, означали самыя должности. Но при пріемникахъ Петра такое значеніе чиновъ постепенно утрачивалось, и они обратились лишь въ почетные титулы. Не должность опредѣляетъ уже чинъ, а чинъ даетъ право на полученіе должности. При этомъ видоизмѣненіи значенія чина дворянство начинаетъ пользоваться при-

вилежіями сравнительно съ другими сословіями. Начало тому положено въ 1772 году, когда повелѣно было въ представленіяхъ Сепату о награжденіи чинами прописывать изъ какого званія кто вступилъ въ службу. Въ 1790 же году были изданы точныя правила, предоставляющія дворянамъ значительныя преимущества въ чинопроизводствѣ по гражданской службѣ. Г. Романовичъ-Славатинскій въ своей книгѣ «Дворянство въ Россіи» совершенно справедливо признаетъ постановленіе это «какъ бы коррективомъ таблицы о рангахъ, такъ размпоживішей наше дворянство».

Радикально измѣненный, по указаніямъ Сперанскаго указомъ 6 августа 1809 года, введшимъ особые образовательныя цензы для полученія чиновъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, порядокъ этотъ вновь возстановленъ при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ положеніемъ 25 іюня 1834 г., при чемъ, впрочемъ, было удержано весьма цѣлеобразное начало предыдущаго узаконенія—преимущества, даваемыя образованіемъ. Представляется весьма знаменательнымъ, что дворянское происхожденіе давало льготы не только при производствѣ въ первый классный чинъ, но и при послѣдующихъ производствахъ изъ одного чина въ другой. Льготы эти были отмѣнены въ 1856 г.

Обращаясь къ нынѣ дѣйствующему законодательству, мы видимъ, что наши уставы при опредѣленіи въ гражданскую службу принимаютъ во вниманіе какъ происхожденіе, такъ равно и образованіе, при чемъ условія эти находятся между собою въ обратномъ отношеніи, т. е. чѣмъ выше степень образованія, тѣмъ менѣе значенія имѣетъ то или другое происхожденіе опредѣляемаго. Такъ, высшее

образование или окончание курса гимназии съ особымъ отличіемъ и награжденіемъ медалью вполне уравниваетъ въ служебныхъ правахъ лицъ всѣхъ состояній. Въ отношеніи лицъ средняго образованія, дворянскому происхожденію уже придается довольно значительное преимущество. Что же касается тѣхъ изъ опредѣляемыхъ, которые получили образование ниже средняго, то потомственные дворяне производятся въ первый классный чинъ по выслугѣ двухъ лѣтъ, лица же другихъ состояній по выслугѣ срока отъ четырехъ до десяти лѣтъ, смотря по состоянію (Стат. 319, 320 и 322 Уст. о Сл.). Мѣщанъ, людей, принадлежащихъ къ «податному» сословію, сыновей неслужившихъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и пр. запрещается вовсе принимать въ гражданскую службу, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые приобрѣли право на первый классный чинъ по мѣсту своего воспитанія, т.-е. въ учебныхъ заведеніяхъ не ниже средняго или узаконеннымъ порядкомъ удостоены ученой или академической степени.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что согласно нашему основному историческому порядку двери государственной службы на поприщѣ гражданскомъ открыты прежде всего для дворянства; но затѣмъ въ нихъ допускаются и люди другихъ состояній, при чемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ образование признается какъ бы эквивалентомъ родовитости. Насколько принципъ этотъ жизненъ и устойчивъ въ нашемъ законодательствѣ, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что, несмотря на самое широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ демократическихъ идей и оппозиціи сословности, онъ сохраненъ въ одномъ изъ самыхъ важныхъ узаконеній послѣдняго времени—въ положеніи о земскихъ начальникахъ.

Это начало въ организаціи гражданской службы исходитъ изъ другой, болѣе глубокой основы нашей государ-

ственности, — изъ сословнаго строя общества. Собственно говоря, принципиально къ этому и сводится весь вопросъ. Съ бессословной, демократической точки зрѣнія всякое служебное преимущество, обусловленное не личными способностями и образованіемъ, а происхожденіемъ, неизбѣжно является пережиткомъ дряхлой старины и вопіющей, ничѣмъ не оправдываемой, несправедливостью по отношенію къ непривилегированной массѣ народа. Совсѣмъ къ иному выводу придемъ мы, отправляясь отъ идеи сословнаго государства, какимъ была и есть Россія, несмотря на всѣ усилія, которыя дѣлала въ послѣднюю четверть вѣка западно-европейская демократическая мысль, чтобы сдвинуть нашу жизнь съ бытовыхъ сословныхъ устоевъ. Особые права и преимущества въ соединеніи съ особыми обязанностями и есть именно самая сущность сословій съ русской государственной точки зрѣнія; безъ нихъ у насъ не было бы и никакихъ сословныхъ группъ и непріязненное отношеніе къ самому понятію «сословныя привилегіи», установившееся у насъ съ половины текущаго столѣтія, есть лишь предразсудокъ чужеземнаго происхожденія. Поэтому служилый классъ страны не можетъ не имѣть и соотвѣтственныхъ служебныхъ преимуществъ; они составляютъ выраженіе самого *raison d'être* сословія. Внутренняя политика запрошлаго царствованія показала намъ, какъ все значеніе этихъ сословныхъ преимуществъ, такъ и послѣдствія, которыя влечетъ за собою ихъ отмѣна.

Въ теченіе четверти вѣка дворянство утрачивало свои служебныя права одно за другимъ. Уже на второй годъ царствованія Императора Александра II въ 1856 г. дворянство лишается своихъ преимуществъ при повышеніи въ гражданскіе чины. Затѣмъ, какъ сословіе, оно устраняется отъ мѣстной полицейской и судебной службы, а съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ и изъ крестъ-

янского управленія *). Одновременно съ этимъ рядомъ реформъ въ военномъ вѣдомствѣ и введеніемъ всеобщей воинской повинности дворянство вполнѣ утрачиваетъ свои служебныя права на поприщѣ службы военной: корпусъ офицеровъ начинаетъ пополняться людьми всѣхъ состояній. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій была полная дезорганизація сословія, смѣшеніе значительной части его съ безсословной «интеллигенціей» и нарушеніе связи правительства съ мѣстнымъ населеніемъ, съ землей, черезъ помѣстное дворянство.

Положеніе дошло до того, что можно опасаться полной утраты государственной властью своего исконнаго служилого сословія, имѣющаго за себя то, что разъ будучи разрушено, уже *никакими силами не возсоздается вновь*: многовѣковое существованіе, сословный духъ, традиціи и преданія.

Государственная служба на Руси искони стояла высоко и честно; между всѣми родами многообразной человеческой дѣятельности ей принадлежало первое мѣсто. Только служба Царю и отечеству давала значеніе и почетъ. Государственная идея всегда у насъ доминировала и давала направленіе силамъ народа, какъ интеллектуальнымъ, такъ и матеріальнымъ, сообразно своимъ цѣлямъ и видамъ. Высшій, наиболѣе развитой и обезпеченный слой народа былъ въ то же время и служилый классъ государства; оно берегло, одѣляло правами, возвышало его для нуждъ всей страны; но, ставя высоко достоинство

*) Требованіе дворянскаго происхожденія отъ непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій не можетъ идти въ счетъ, какъ по ничтожному значенію самой должности, такъ и потому, что избраніе въ нее производилось безсословными земскими собраніями.

своихъ служилыхъ людей, оно предъявляло къ нимъ и высокія требованія. Верховная власть не могла, какъ частный промышленникъ, довольствоваться однѣми личными способностями случайнаго наемника. Государственная мысль измѣряетъ теченіе времени не съ точки зрѣнія краткой человѣческой жизни, а съ высоты многовѣковыхъ сѣдинъ жизни народа. Поэтому русскіе цари въ полной мѣрѣ цѣнили лишь вѣрную службу себѣ не одной жизни, а ряда поколѣній. Наше служилое сословіе никогда не было замкнутымъ, но вступленіе въ него было не легко и чаще всего бывало наградой труда и дарованій не только самого вступающаго, но и его дѣдовъ и прадѣдовъ. Эти «сословныя привилегіи» добывались не дешевой цѣной, а потомъ и кровью и, конечно, были не несправедливостью, а полезнымъ государственнымъ установленіемъ. Вся наша исполинская созидательная государственная работа совершена не безъ вліянія этого стремленія быть сопричисленнымъ къ избранному разряду гражданъ... Дисциплинируя и направляя дѣятельность цѣлаго рода на протяженіи многихъ поколѣній, оно создавало вѣрныхъ, преданныхъ государственной идеѣ, царскихъ слугъ, которыми такъ оскудѣло наше время, стремясь къ замѣнѣ ихъ «общественными дѣятелями». Какъ въ дворянскихъ, такъ и въ стремящихся къ дворянству семьяхъ свято хранились и передавались отъ отца къ сыну и здоровая политическая закваска, и завѣты старины, и истинно патріотическія чувства. Служилое сословіе формировалось не только путемъ наслѣдственной передачи природныхъ интеллектуальныхъ свойствъ, но и путемъ воспитанія въ семьѣ и сословной средѣ, соотвѣтствующаго будущей дѣятельности служилаго человѣка. Если кровь, происхожденіе, неизбѣжно кладетъ свой глубокій отпечатокъ на темпераментъ и характеръ человѣка, то семья и воспитаніе

болѣе всего обусловливаютъ гражданское развитіе и политическое направленіе, свойство которыхъ особенно важно въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ по характеру обширной страны и уровню гражданского развитія населенія представители правительства всегда снабжаются у насъ обширными полномочіями. И, конечно, государственная власть скорѣе могла найти надежныхъ служилыхъ людей въ искони ей преданномъ и испытанномъ сословіи, самое существованіе котораго было вызвано и обусловлено царской службой, чѣмъ въ средѣ разношерстнаго разночинства, даже въ лицѣ его наиболѣе способныхъ и образованныхъ представителей.

Отношеніе къ послѣднимъ нашего послѣпетровскаго законодательства въ принципѣ было въ высшей степени мудрое. Оно не только не отвергало ихъ труда и знаній совершенно, цѣня ихъ какъ рабочую силу, но и открывало имъ доступъ въ служилое сословіе. Но эта высшая награда была обусловлена болѣе или менѣе долгимъ предварительнымъ искусомъ на той же государственной службѣ, и только прошедшіе чрезъ горнило ея дисциплины путемъ тяжелаго труда достигали дворянскаго званія. Ни богатство, ни образованіе и способности сами по себѣ не давали еще никакихъ правъ, которыя имѣли значеніе особой царской милости за дѣятельность, полезную для государства. «А главное—поди ка послужи» — какъ бы говорила государственная власть честолюбивому и способному разночинцу.

Эта трудность—правда, не во всѣ времена одинаковая,—дистигженія высшаго состоянія въ связи съ его серьезными правами и преимуществами, дѣлала выслугу дворянства настойчивымъ стремленіемъ многихъ послѣдовательныхъ поколѣній и тѣмъ доставляла правительству болѣе или менѣе надежный разрядъ низшихъ служилыхъ

людей. И дворянством дорожили, и званіе дворянина стояло высоко и внушало общее уваженіе. Одинъ изъ такихъ честолюбивыхъ разночинцевъ, проведеншій свою юность въ глухой провинціи еще въ эпоху крѣпостного права, признавался пишущему эти строки, что завѣтной и смѣлой по тѣмъ временамъ мечтой его юности было сдѣлаться дворяниномъ въ своемъ родномъ уѣздѣ и хоть на одинъ день быть избраннымъ въ предводители: онъ грезилъ объ этомъ высшемъ отличіи какъ подростокъ-американецъ грезить о президентскомъ креслѣ... О чемъ грезить современная юность? Во всякомъ случаѣ едва-ли о дворянствѣ.

Главная мысль проекта объ измѣненіи существующихъ уставовъ о службѣ гражданской, изложеніемъ котораго мы начали эти бѣглыя замѣтки, сводится къ полной отмѣнѣ послѣднихъ изъ давнихъ и освященныхъ временемъ служебныхъ правъ дворянства. Случись эта отмѣна передъ изданіемъ положенія о земскихъ начальникахъ и въ нашемъ законодательствѣ не осталось бы и слѣда особенныхъ правъ и преимуществъ стариннаго служилаго сословія. Только эти, предназначенныя къ отмѣнѣ, права и сохранили преемственную связь между нынѣ дѣйствующими привилегіями дворянства по службѣ и богатымъ прошлымъ нашего права въ этой области. Обстоятельство это придаетъ особо важное значеніе разсматриваемому нами проекту. Разрушать легче, чѣмъ созидать. Начало права, разъ утраченное, не легко вводится въ него вновь, всегда вызывая тяжелыя ломки и перестроенія въ бытовой жизни. Съ этой точки зрѣнія отмѣна правъ и преимуществъ дворянства въ гражданской службѣ составила бы предпослѣдній шагъ въ дѣлѣ полной утраты дворян-

ствомъ своего служилаго назначенія. Остался бы лишь законъ 12 іюля 1889 г.—и мы на вполнѣ расчищенной дорогѣ къ безусловности. Но это ли нашъ путь? Туда ли мы идемъ?—объ этомъ стоитъ подумать.

Если дворянство, какъ сословіе, имѣетъ право на существованіе, то все историческое прошлое показываетъ, что это существованіе можетъ быть гарантировано лишь однимъ путемъ: сохраненіемъ за дворянствомъ его служилой роли въ государствѣ, а слѣдовательно, и его служебныхъ правъ и обязанностей.

Служебное право и есть настоящее дворянское право. Какъ ни важно было само по себѣ владѣніе крѣпостными, но и оно, съ государственной точки зрѣнія, находило себѣ оправданіе единственно, какъ средство для осуществленія служебнаго назначенія высшаго сословія. Съ тою же цѣлью дворянство щедро надѣлялось и другими привилегіями.

Многія дворянскія собранія послѣднихъ лѣтъ возбуждали ходатайства объ отмѣнѣ права на пріобрѣтеніе дворянства путемъ производства въ извѣстный чинъ или награды орденомъ и вообще объ ограниченіи доступа въ сословіе. Этотъ вопросъ имѣетъ за собою болѣе чѣмъ вѣковое существованіе. Того же добивались и представители дворянъ въ знаменитой Екатерининской Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія. Нельзя не сознаться, что размноженіе нашей бюрократіи, вызванное потребностями современной жизни, дѣйствительно, даетъ такое увеличеніе числа дворянскихъ родовъ, которое, не соотвѣтствуя потребности, ведетъ лишь къ умаленію почетности званія. Разсматриваемый нами проектъ находится въ полномъ противорѣчій съ упомянутыми ходатайствами, такъ какъ, очевидно, что отмѣна правъ и пре-

имущество дворянства по гражданской службѣ, облегчивъ доступъ къ ней для непривилегированныхъ сословій, весьма значительно увеличитъ число лицъ, выслуживающихъ дворянство путемъ полученія чиновъ и орденовъ. Такимъ образомъ создастся еще новое условіе не дорожить дворянствомъ, что послужитъ, конечно, не къ охранѣ, а къ упадку и разложенію сословія.

Между тѣмъ многія мѣропріятія нынѣ благополучно текущаго царствованія *) свидѣтельствуютъ, что цѣли и виды государственной власти совсѣмъ иные. Такое внутреннее противорѣчіе находитъ себѣ объясненіе въ черезъ чуръ узкой постановкѣ вопроса. Предположенія проекта не сходятъ съ точки зрѣнія ближайшихъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ различныхъ департаментовъ, присутствій и канцелярій въ отношеніи пополненія личнаго состава служащихъ. Но государственныя мѣропріятія вообще, а тѣмъ болѣе такія, которыя затрогиваютъ основныя начала права, не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ съ высоты обще-государственныхъ интересовъ, и политическое значеніе и направленіе не должны быть приносимы въ жертву утилитарнымъ соображеніямъ. Нельзя одной рукой разрушить то, что создается другой. Поэтому, если даже допустить, что предложенныя измѣненія въ нашемъ уставѣ о службѣ способны улучшить личный составъ вашего чиновничества,—хотя къ такому допущенію и нѣтъ, впрочемъ, достаточныхъ основаній—то надлежитъ еще рѣшить вопросъ окупятся ли эти выгоды тѣмъ вредомъ, который можно ожидать въ другихъ отношеніяхъ отъ преобразованія. Государственную службу нельзя приравнивать къ занятіямъ въ торговой конторѣ, которая цѣнитъ исключительно личныя способности своихъ клерковъ.

*) Писано въ 1893 г.

Уничтоженіе служебныхъ правъ дворянства—это тяжелый ударъ сословію, это дальнѣйшее его разрушеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и разрушеніе сословнаго строя общества. Существующія привилегіи дворянства играютъ въ области нашего сословнаго права роль тѣхъ нѣсколькихъ кирпичей полуразрушеннаго зданія, которыми оно только и удерживается отъ неминуемаго паденія.

II.

Служебныя преимущества дворянъ и образовательный цензъ. Предоставленіе государственной службы „интеллигенціи“. — Политическій цензъ. — Облегченіе выслуги чиновъ. — Увлеченія образовательнымъ цензомъ.

Проектъ отмѣны преимуществъ дворянъ по гражданской службѣ совсѣмъ не относится къ лицамъ высшаго образованія, такъ какъ они и въ настоящее время имѣютъ доступъ на службу и на производство въ чины совершенно независимо отъ ихъ происхожденія. Вопросъ идетъ, слѣдовательно, лишь о получившихъ образованіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но и относительно уравниенія правъ такихъ кандидатовъ на службу по гражданскому вѣдомству, проектъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ переданъ московской газетой, не содержитъ въ себѣ никакихъ мотивовъ практическаго свойства, какъ напр., недостатокъ служащихъ и т. п. Это заставляетъ думать что такихъ мотивовъ и не существуетъ вовсе. Дѣйствительно, жалобъ на опустѣніе присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, что то не слышно; и, наоборотъ, кто же знаетъ, какъ трудно въ настоящее время даже образованному человѣку найти себѣ самое

скромное занятіе. Мы видѣли выше, что при императрицѣ Екатеринѣ II служебныя преимущества дворянства тщательно охранялись, несмотря на крайнюю нужду въ служащихъ; въ наше время ихъ предполагается отмѣнить, несмотря на явное превышеніе предложенія надъ спросомъ въ этой области труда. Объясненіе этого, очевидно, слѣдуетъ искать въ измѣненіи взгляда на государственное значеніе дворянства.

Въ пользу преобразованія проектъ приводитъ только два мотива: это интересы самого дворянства, котораго привилегіи будто бы лишь «отклоняють» отъ высшаго образованія и «требованія справедливости».

Эта забота объ интересахъ дворянства, которую такъ странно встрѣтить въ проектѣ, уничтожающемъ одно изъ послѣднихъ преимуществъ сословія, едва ли выдерживаетъ критику. Составители проекта исходятъ изъ такого положенія: когда-то дворянство было образовано; по ему были дарованы «чрезмѣрныя преимущества по гражданской службѣ», которыя «все болѣе и болѣе клонятъ къ оскудѣнію его высшимъ образованіемъ и къ оттѣсненію черезъ то отъ высшихъ поприщъ дѣятельности, какъ на государственной службѣ, такъ и на литературномъ, напр. поприщѣ». Полная несостоятельность этого утвержденія обнаруживается простой исторической справкой. Мы не знаемъ какое именно время составители проекта считаютъ тѣмъ расцвѣтомъ дворянской образованности, послѣ котораго она начала оскудѣвать. Но во всякомъ случаѣ это время было послѣ императрицы Екатерины II, такъ какъ даже въ ея царствованіе дворянство наше было еще крайне необразовано. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служатъ наказы дворянскимъ депутатамъ комиссіи по составленію новаго уложенія 1767 г., которые не могли быть подписаны множествомъ дворянъ по ихъ без-

грамотству; такъ въ михайловскомъ наказѣ мы находимъ 80 подписей постороннихъ лицъ по прошенію; въ числѣ неграмотныхъ были даже подпоручики и капитаны. Такимъ образомъ и расцвѣтъ и послѣдующее «оскудѣніе» дворянской образованности были во времена послѣ-екатериненскія. Принимая же во вниманіе, что наибольшими служебными привилегіями дворянство пользовалось при Екатеринѣ и что въ послѣдующее время эти привилегіи только ограничивались, а вовсе не расширялись, мы придемъ къ выводу, что онѣ никакъ не могли служить къ оскудѣнію дворянства просвѣщеніемъ, а развѣ наоборотъ—чего, впрочемъ, мы не утверждаемъ—способствовали развитію послѣдняго. Если дворяне средняго и низшаго образованія и пользуются нѣкоторыми преимуществами предъ одинаково образованными лицами другихъ сословій, то все же эти преимущества столь незначительны передъ пріобрѣтаемыми высшимъ образованіемъ, что побужденіе къ достиженію послѣдняго является въ достаточной мѣрѣ и для дворянъ. Дворяне, окончившіе курсъ гимназій, получаютъ чинъ четырнадцатаго класса по прослуженіи года; высшее же образованіе даетъ право на чинъ двѣнадцатаго и десятого класса при самомъ вступленіи на службу. По нѣкоторымъ же вѣдомствамъ—судебному, учебному и др.—служба безъ высшаго образованія, кромѣ низшихъ должностей, и совсѣмъ невозможна.

Такимъ образомъ, остается единственный мотивъ къ отмѣнѣ служебныхъ правъ дворянства — «требованія справедливости». Но этотъ доводъ — наклонная плоскость. Станьте на нее и вы придете къ самымъ неожиданнымъ выводамъ: къ полному уравниенію всѣхъ и вся во всевозможныхъ правахъ и отношеніяхъ. Разъ государственная служба не составляетъ обязательной для гражданъ по-

винности и вступленіе въ нее есть актъ свободной воли каждаго, служебные уставы должны удовлетворять исключительно требованіямъ государственной пользы и о нарушеніи чьихъ либо правъ и о «несправедливости» здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Вообще, если говорить о справедливости по поводу дворянскаго вопроса, то можно придти къ выводамъ, которыхъ едва-ли ожидаютъ противники нашей сословности. Дѣйствительно, вѣдь если въ дѣлѣ уничтоженія сословныхъ правъ и преимуществъ дворянства кто либо и могъ жаловаться на «несправедливость», то развѣ дворяне, такъ какъ они привыкли искони считать служебныя права своими. У такъ же называемыхъ податныхъ сословій не было способностей пользоваться этими правами, а потому не могло быть и стремленія пріобрѣсти ихъ; тѣмъ менѣе можно было ожидать у нихъ чувства удовлетворенія отъ лишенія дворянства его древнихъ правъ. Всѣ эти толки о несправедливости—чисто отвлеченныя представленія кабинетныхъ доктринеровъ и равнителей.

Отсутствіе привилегій, конечно, отклоняетъ многихъ лицъ податныхъ сословій отъ вступленія въ гражданскую службу. Но слѣдуетъ ли объ этомъ сожалѣть? Въ этомъ могло бы быть еще сомнѣніе, если бы рѣчь шла о лицахъ высшаго образованія. Но они стоятъ внѣ вопроса. Что же касается кандидатовъ съ низшимъ и среднимъ образованіемъ, то забота о привлеченіи ихъ къ государственной службѣ едва ли имѣетъ достаточное основаніе. У насъ и такъ расплодилось слишкомъ много народа неспособнаго ни къ чему кромѣ «письменныхъ занятій». Отвлеченіе болѣе или менѣе образованныхъ людей отъ производительнаго труда на поприщѣ земледѣлія, промышленности и торговли имѣетъ за себя тѣмъ меньшее оправданіе, что у насъ существуетъ обширный разрядъ

исконныхъ служилыхъ людей — безземельныхъ дворянъ, дѣтей чиновниковъ и т. д. — не имѣющихъ для промышленной дѣятельности ни необходимыхъ капиталовъ, ни связей и навыковъ. То же можно сказать отчасти и о помѣстномъ дворянствѣ: наиболѣе производительная служебная дѣятельность его въ мѣстномъ управленіи далеко не поглощаетъ всѣхъ его силъ, и небогатые дворяне, а также члены многочисленныхъ семей по привычкѣ и традиціямъ главнымъ образомъ пополняютъ собою ряды государственной службы.

Совершенно отвергая права на службу на основаніи происхожденія, проектъ кладетъ въ основу служебныхъ привилегій единственно лишь степень образованія. Этимъ устанавливается совершенно новое начало въ организаціи нашей государственной службы. До настоящаго времени основнымъ историческимъ принципомъ нашего права было предоставленіе ея дворянству. Разночинство лишь допускалось къ этой службѣ при наличности условій образованія. Отмѣняя сословныя привилегіи, проектъ предоставляетъ государственную службу болѣе или менѣе образованнымъ людямъ всѣхъ сословій. Этотъ именно безсословный разрядъ гражданъ съ недавняго сравнительно времени и принято называть «интеллигенціей». Новое начало заключается въ томъ, что въ области государственной службы мѣсто дворянства всецѣло предоставляется «интеллигенціи».

Принципіальная и практическая важность такого преобразованія очевидна. Мы знаемъ, что такое наше дворянство. Не принадлежа къ безусловнымъ поклонникамъ этого сословія и видя многіе и многіе его недостатки и изъяны, все же можно утверждать, что оно предста-

вляеть старую, испытанную и хорошо извѣстную государственной власти бытовую и служебную силу, еще не вполне утратившую своей организаціи и сохранившую свои лучшіе традиціи и навыки. Но что представляет собою съ государственно-исторической точки зрѣнія наша «интеллигенція»? Отвѣтить на этотъ вопросъ уже гораздо труднѣе. *) Для нашей цѣли достаточно сказать, что если наша интеллигенція и представляет собою силу, то эта сила совсѣмъ новая, считающая свое прошлое чуть не со вчерашняго дня и по одному этому неимѣющая уже ни устойчивыхъ воззрѣній, ни преданій и завѣтовъ. Самое меньшее, что можно сказать объ ея отношеніяхъ къ историческимъ основамъ нашей государственности, это то, что эти отношенія были лишь отрицательными; самое лучшее, что можно сказать о ея государственной роли и значеніи, это то, что они еще недостаточно выяснились... Невыгода замѣны исконнаго служилаго сословія такимъ новымъ безформеннымъ и неперебродившимъ «разрядомъ» людей — слишкомъ очевидна.

Извѣстный уровень образованности, конечно, составляет одно изъ самыхъ важныхъ условій государственной службы, и наше законодательство всегда цѣнило его высоко. Но безспорно также, что одного этого условія еще недостаточно, и что служилые люди страны должны удовлетворять и другому не менѣе важному требованію. Это требованіе — преданность кореннымъ основамъ государственной жизни. Въ монархической странѣ государственный дѣятель республиканскихъ убѣжденій представляет

*) См. выше попытку отвѣтить на этотъ вопросъ въ статьѣ „Дворянство и „интеллигенція““, стр. 97.

собою явленіе столь же аномальное, какъ и монархистъ на службѣ у республики. Такія коллизіи между убѣжденіями и долгомъ, если и могутъ въ благопріятныхъ случаяхъ разрѣшаться въ пользу послѣдняго, все же составляютъ больное мѣсто правительства, а при стеченіи извѣстныхъ условій могутъ осложниться и въ серьезную опасность для спокойствія страны. Обстоятельство это имѣетъ особую важность въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ наша бюрократія фактически составляетъ немаловажную не только исполнительную, но и направляющую силу и въ послѣднюю четверть вѣка значительно демократизовалась. Этимъ отчасти объясняется такое неудачное направление многихъ реформъ прошлаго царствованія со всѣми ихъ послѣдствіями. Кромѣ умственного и нравственного ценза для государственной службы необходимъ и цензъ политическій, составляющій главное отличіе общественной службы отъ частной. Въ «доброе старое время» обстоятельство это не имѣло столь существеннаго значенія, какъ въ наше, когда чуть не каждый столоначальникъ не довольствуется простымъ исполненіемъ закона и распоряженій, а еще стремится «проводить свои убѣжденія», заимствованныя изъ послѣдняго бойкаго фельетона. Въ отношеніи такого политическаго ценза преимущества дворянства передъ «интеллигенціей» вполне очевидны, несмотря даже на нѣкоторую неустойчивость и склонность къ безпочвеннымъ увлеченіямъ, въ которыхъ безгрѣшно наше высшее историческое сословіе.

Это сравненіе дворянства съ «интеллигенціей» въ отношеніи государственной службы можно дополнить нѣсколькими словами кн. Д. Н. Цертелева *), по тому же во-

*) См. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 260, 1897 г.

просу. «Сторонники и поклонники нашей «интеллигенціи» видятъ въ ней готовый и широкій кругъ для удовлетворенія правительственныхъ требованій; но они забываютъ или не хотятъ знать различій между образованіемъ и воспитаніемъ; можно быть не только образованнымъ человекомъ, но и выдающимся ученымъ и не имѣть той нравственной дисциплины, которая необходима для того, чтобы можно было ввѣрить человеку участь или интересы другихъ людей, а эта нравственная дисциплина въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ привычекъ и принциповъ, пріобрѣтаемыхъ еще въ дѣтствѣ и въ ранней юности и находится въ тѣсной связи съ тою средою, гдѣ воспитывался человекъ, съ тѣми понятіями, вѣрованіями и предразсудками, которые въ ней господствуютъ».

Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій уравниенія служебныхъ правъ всѣхъ сословій будетъ облегченіе полученія чиновъ для значительной части служащихъ. Нельзя не сказать, что въ этомъ направленіи мы зашли уже довольно далеко и нигдѣ, кажется, чины не достаются такъ легко, какъ у насъ. Безусые юноши со школьной скамьи, не только ничѣмъ незаявившіе себя по службѣ, но быть можетъ и неспособные принести ей ничего, кромѣ вреда, уже прямо производятся въ чинъ двѣнадцатаго, десятого и даже восьмого класса. И такія «привилегіи» отнюдь не составляютъ чего либо исключительнаго: коллежскіе секретари и ассесоры—чины соотвѣтствующіе чинамъ штабсъ-капитана и маіора арміи—ежегодно цѣлыми толпами выпускаются въ готовомъ видѣ нашими высшими учебными заведеніями. А такъ какъ человеку несвойственно цѣнить то, что легко ему достается, то естественнымъ результатомъ излишней доступности гражданскихъ чиновъ явилось легкое

и ироническое—если не сказать пренебрежительное—къ нимъ отношеніе. Понятіе о чинѣ, какъ о царской милости почти утратилось; на чины смотрятъ какъ на какую то старинную формальность, которая въ свое время неизбѣжно постигаетъ каждаго; причудливья же нѣмецкія названія, несмотря на свое почти двухъ-вѣковое существованіе, не успѣли пріучить къ себѣ русское ухо и по прежнему заключаютъ въ себѣ нѣчто для него комическое.

Иностранцы, посѣщающіе Россію, бываютъ изумлены тѣмъ, что чины и ордена цѣнятся у насъ гораздо меньше, чѣмъ даже въ странахъ съ чисто республиканскимъ устройствомъ, въ которыхъ самый основной принципъ всеобщаго равенства находится въ полномъ противорѣчій со всякими знаками отличія. Такое положеніе вещей, едва ли способствующее поддержанію столь необходимаго государственной службѣ престижа, могло, казалось бы, послужить основаніемъ къ установленію болѣе строгихъ требованій при производствѣ въ чины и представленіи къ знакамъ отличія, а никакъ не къ облегченіямъ, предлагаемымъ проектомъ. Говоря проще, наша «интеллигенція» слишкомъ набалована въ этомъ отношеніи государственной властью, и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи едва ли были бы въ интересахъ послѣдней.

Лишая правъ службы лицъ, окончившихъ курсъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—уѣздныя и городскія училища—проектъ нѣсколько поднимаетъ образовательный цензъ нашей гражданской службы вообще. Этому нововведенію, конечно, нельзя не существовать, тѣмъ болѣе, что оно не встрѣтитъ рѣшительно никакихъ практическихъ препятствій. Нынѣ дѣйствующія требованія были установлены чуть не полвѣка назадъ, когда въ Россіи было въ нѣсколько разъ меньше и учебныхъ заведеній и

учащихся. Возвышеніе обязательнаго уровня образованія чиновничества должно явиться необходимымъ послѣдствіемъ подъема нашего просвѣщенія въ теченіи послѣднихъ царствованій. Но нечего и говорить, что это возвышеніе отнюдь не препятствуетъ сохраненію въ законодательствѣ одного изъ основныхъ его принциповъ—преимуществъ по службѣ исконнаго служилаго сословія.

Мы пережили уже одинъ періодъ въ отношеніи условій, предъявляемыхъ государственной властью къ своимъ служилымъ людямъ: это до-петровская Русь, когда право на службу обусловливалось единственно происхожденіемъ. Переживаемый нами нынѣ со временъ Петра Великаго второй періодъ, помимо происхожденія, выдвинулъ и вопросъ о образованіи. Степень послѣдняго съ развитіемъ просвѣщенія должна возрастать, и усиленіе требованій въ этомъ отношеніи составляетъ единственное направленіе, въ которомъ можетъ двигаться впередъ наше законодательство о службѣ, не разрушая сословнаго строя общества.

Вообще въ нашихъ уставахъ о службѣ многое устарѣло и требуетъ измѣненій, но исконный основной принципъ ихъ,—права и преимущества служилаго сословія—долженъ быть сохраненъ.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ отношеніи образовательнаго ценза мы и въ настоящее время въ отдѣльных вѣдомствахъ успѣли уже впасть въ увлеченіе.

Въ одной изъ недавнихъ статей своихъ о дворянствѣ *)

*) См. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 207, 1897 г., ст. „Дворянство и интеллигенція“.

кн. Д. Н. Цертелевъ разсматриваетъ, между прочимъ, и этотъ важный вопросъ организаціи нашей государственной службы—вопросъ о образовательномъ цензѣ.

«Успѣшное прохожденіе курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, говоритъ уважаемый авторъ, далеко не всегда даетъ ясное пониманіе юридическихъ и административныхъ вопросовъ. Даже очень почтенные ученые въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ часто дѣйствуютъ гораздо менѣе успѣшно, чѣмъ люди привыкшіе къ практической дѣятельности при несравненно меньшей научной подготовкѣ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ здравый смыслъ, общее образованіе и твердая воля имѣютъ и въ частной, и въ общественной жизни несравненно большее значеніе, чѣмъ спеціальныя знанія».

Нельзя не согласиться вполне съ этимъ мнѣніемъ кн. Д. Н. Цертелева. Никто не станетъ отрицать, что извѣстный уровень общаго образованія у всякаго чиновника, точно такъ же какъ извѣстный уровень спеціальнаго образованія для спеціальныхъ родовъ службы, безусловно необходимъ. Какъ ни скромна роль, напримеръ, полицейскаго чиновника, тѣмъ не менѣе онъ, конечно, долженъ быть настолько образованъ, чтобы вполне сознательно усвоить себѣ свои служебныя обязанности; кромѣ того ему слѣдуетъ обладать нѣкоторыми юридическими и другими познаніями, безусловно необходимыми при исполненіи его служебныхъ обязанностей. Конечно, противъ этого никто не станетъ и спорить. Но въ послѣднее время у насъ замѣчается иного рода тенденція. Дѣло въ томъ, что даже самыя низшія мѣста канцелярскихъ чиновниковъ и конторщиковъ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ принято замѣщать не иначе, какъ лицами, получившими высшее образованіе. Теперь не рѣдкость встрѣтить человека, окончившаго курсъ въ университетѣ, на долж-

ности помощника бухгалтера. Если бы на такія мѣста назначались въ цѣляхъ единственно лишь узнанія службы, то противъ этого нельзя было бы ничего имѣть и въ этомъ случаѣ число низшихъ чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ не могло бы быть значительно. Но мы видимъ, что нѣкоторыя вѣдомства систематически замѣщаютъ свои ваканціи не иначе, какъ лицами, получившими высшее образованіе. Само собою разумѣется, что повышение ихъ по службѣ не можетъ быть быстро и пребываніе въ низшихъ должностяхъ не можетъ быть кратковременнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что иногда нѣкоторые увлекающіеся начальники требуютъ отъ претендентовъ, поступающихъ на службу по ихъ вѣдомству, образованія и познаній неизмѣримо болѣе высокихъ, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствительно необходимы для отправленія ихъ служебныхъ обязанностей. Спрашивается, на примѣръ, неужели помощнику бухгалтера нужно юридическое, или математическое, или какое бы ни было высшее образованіе? А если—нѣтъ, то чѣмъ же оправдывается это требованіе образовательнаго ценза?

Существуетъ мнѣніе, что образовательный цензъ *всегда* необходимъ, что служащій, имѣющій его, *всегда* будетъ лучше исполнять свои обязанности, чѣмъ не имѣющій, согласно правилу «масло кашу не испортитъ». Едва ли возможно съ этимъ согласиться.

Прежде всего неумѣренна высокій подъемъ образовательнаго ценза неизбѣжно отразится на вознагражденіи служащихъ. Содержаніе въ провинціи, положимъ, въ тысячу рублей въ годъ для какого-нибудь мелкаго провинціальнаго канцелярскаго чиновника представляется едва достижимымъ идеаломъ; то же содержаніе кандидатъ университета будетъ считать чуть не нищенскимъ. Конечно, первое время пока движеніе по службѣ болѣе быстро,

пока молодой человѣкъ не остается на низшихъ должностяхъ слишкомъ долго, эта незначительность содержанія еще можетъ сноситься, но разъ, усиленнымъ требованіемъ лицъ съ образовательнымъ цензомъ на правительственную службу, число кандидатовъ возрастетъ, возрастетъ также и число низшихъ служащихъ съ высшимъ образованіемъ и тогда волею неволею содержаніе имъ придется значительно увеличить; поднимутся вопли о томъ, что вотъ молъ человѣкъ, учившійся двѣнадцать лѣтъ, вынужденъ оставаться на сорока рублѣхъ въ мѣсяцъ жалованья и т. д., и т. д.

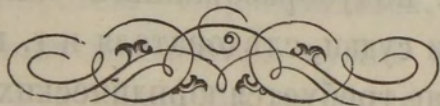
Кромѣ того, въ смыслѣ качества труда, далеко нельзя сказать, что чѣмъ выше образовательный цензъ, тѣмъ извѣстный чиновникъ способнѣе къ отправленію своихъ служебныхъ обязанностей. Конечно, образованный юристъ всегда успѣшнѣе полуобразованнаго чиновника справится съ обязанностями судьи, слѣдователя и т. п. Но на скромной должности, гдѣ не требуется юридическихъ познаній, а требуется лишь нѣкоторый навыкъ, нѣкоторая спеціальная спаровка, затѣмъ прилежаніе и аккуратность, человѣкъ безъ высшаго образованія будетъ гораздо полезнѣе высокообразованнаго юриста, такъ какъ будетъ болѣе дорожить своимъ положеніемъ, будетъ прилежнѣе и т. д.

Да и не только на такихъ должностяхъ. Обязанности земскаго начальника, говоря вообще, нужно признать весьма трудными, требующими нѣкоторыхъ юридическихъ познаній, хотя бы пріобрѣтенныхъ практикой, и многого другаго. Тѣмъ не менѣе незабвенный въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III полагалъ, что кандидатами, наиболѣе подходящими для замѣщенія должности земскаго начальника, слѣдуетъ признать не образованныхъ юристовъ, а отставныхъ военныхъ. Точно также покойный извѣстный земскій дѣятель г. Колупановъ находилъ, что

«лучшими земскими начальниками, вопреки ожиданіямъ, были не тѣ, которые получили университетское образованіе» *).

То же самое можно было бы сказать и о многихъ другихъ родахъ государственной службы.

Надо думать, что это новѣйшее увлеченіе — требованіе зрелмѣрно высокаго образовательнаго ценза — какъ всякое увлеченіе, едва ли будетъ продолжительно.

*) См. *Москов. Вѣд.* передовая ст. № 322, 1894 г.

ДВОРЯНСТВО И ЕГО ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ.

„Сословно-историческая почва“ дворянства. — Болѣзненные настроенія въ средѣ дворянства.

Въ прошлую зиму (1896—97 гг.), когда вопросъ о дворянствѣ былъ поставленъ правительствомъ на очередь и сдѣлался моднымъ, въ разныхъ петербургскихъ обществахъ не было недостатка въ докладахъ и рефератахъ, касающихся какъ всего вопроса въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ частей его. Между прочимъ, въ петербургскомъ клубѣ экономистовъ нѣкто г. Бородинъ въ заключеніе своего доклада сказалъ: «дворянство, какъ сословіе, утратило свою сословно-историческую почву и требованія о выдѣленіи его въ какое-то особое сословіе представляются совершеннымъ абсурдомъ». Подкрѣпляя эту мысль, ораторъ ссылаясь на нѣкоторыхъ дворянъ, называемыхъ имъ «лучшими», которые будто бы считали нужнымъ отказаться отъ «призрачныхъ привилегій» и «слиться съ земствомъ» *).

Остановимся прежде всего на первомъ тезисѣ — на утратѣ дворянствомъ его сословно-исторической почвы. Какова сословная историческая почва, на которой возникло наше дворянство? — отвѣтъ на это мы найдемъ въ каждомъ учебникѣ нашего государственнаго права, въ каждой энциклопедіи: «Дворянство, какъ высшее правя-

*) См. *Гражданинъ* 1897 г. № 35.

щее сословіе въ Россіи, возникло на почвѣ государственной службы» *). И такъ, почва государственной службы— вотъ истинная историческая почва возникновенія нашего дворянства.

Но что же такое случилось въ нашемъ отечествѣ, куда же дѣвалась эта историческая почва, если вѣрить г. Бородину? Вѣдь что такое «почва государственной службы»? Это—потребность государства въ служилыхъ людяхъ для управленія страной. Какимъ же образомъ могла она исчезнуть? Перестало ли существовать русское государство? Превратилось ли оно въ гигантскій союзъ самоуправляющихся коммунъ? Пришли ли мы, наконецъ, къ осуществленію идеала анархіи—къ отсутствію всякой власти и всякаго правленія?

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь почва государственной службы исчезнетъ только тогда, когда исчезнетъ государство. А такъ какъ русское государство не только не подаетъ признаковъ своего исчезновенія, но въ дѣйствительности достигло такихъ размѣровъ и разрослось и въ смыслѣ территоріальномъ, и въ смыслѣ культурнаго развитія, до такихъ предѣловъ, до какихъ не достигало раньше, то, конечно, объ исчезновеніи государственной службы не можетъ быть и рѣчи. Совершенно очевидно, что если только считать сословно-историческою почвою дворянства государственную службу, то русское дворянство въ настоящее время болѣе нужно, чѣмъ когда нибудь ранѣе, по той простой причинѣ, что русское государство въ данный моментъ находится на высшей по сравненію съ прошлымъ точкѣ своего развитія.

Тысяча лѣтъ существовала Россія, тысяча лѣтъ князья,

*) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 203 — „Дворянство“.

цари, императоры и всѣ правители ея лелѣяли, культивировали высшее сословіе для государственной службы. Такой порядокъ провѣрялся опытомъ и мудростью всѣхъ нашихъ государственныхъ мужей и властителей, начиная съ Рюрика и кончая послѣдними Императорами. И вдругъ, наши политики, государствовѣды и соціологи во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія неожиданно пришли къ открытію, что высшее служилое сословіе не нужно, такъ какъ де оно «утратило свою сословно-историческую почву...»

Что же, развѣ на Руси стало возможнымъ обходиться безъ суда и расправы, безъ правителей и ратныхъ людей, безъ царскихъ слугъ и совѣтниковъ? А если служилые люди нужны Русскому царю нынѣ, какъ и прежде, то и «сословно-историческая почва» сословія осталась въ существѣ своемъ совершенно такою же, какъ была и встарь.

Главное значеніе дворянства въ Россіи осталось неприкосновеннымъ, такъ какъ Россія осталась, какъ и была всегда, самодержавною монархіей.

Обратимся къ другому положенію оратора—къ ссылкѣ его на нѣкоторыхъ дворянъ, называемыхъ имъ «лучшими», которые будто бы считаютъ нужнымъ отказаться отъ «призрачныхъ привилегій» и «слиться съ земствомъ.» Въ этомъ утвержденіи г. Бородина гораздо больше основательности и правды, чѣмъ въ первомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — не къ чему называть именъ и приводить примѣры, — можно считать, повидимому, безспорнымъ, что среди нашего дворянства, если и нѣтъ такихъ членовъ сословія, которые дѣйствительно отказались хотя бы отъ призрачныхъ привилегій своего сословія, то во всякомъ случаѣ очень много такихъ, которые на словахъ заявляютъ себя готовыми отъ нихъ отказаться, вполнѣ

присоединяясь, надо думать, ко мнѣнію автора о томъ, что дворянство «утратило свою сословно—историческую почву» и въ Россіи больше не нужно. Какъ относиться къ этому явленію и что оно собою знаменуетъ?

Прежде всего нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности и полной благонамѣренности тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которые утратили въ него вѣру и которые открыто подаютъ свой голосъ за полное его упраздненіе. Всего вѣроятнѣе, что это совершенно искренніе люди, открыто исповѣдающіе лишь то, что они думаютъ и подаютъ свой голосъ за то, что они считают добромъ и благомъ для своей родины. Но, спросимъ мы противниковъ дворянства,—указывающихъ на существованіе такихъ членовъ въ средѣ сословія, какъ на аргументъ въ свою пользу,—что же показываетъ этотъ фактъ? По нашему мнѣнію, онъ не имѣетъ почти никакого отношенія къ разсматриваемому нами вопросу и находитъ себѣ объясненіе исключительно въ тѣхъ политическихъ настроеніяхъ, которыя господствовали у насъ въ теченіе всей пореформенной эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе нашу духовную атмосферу, начиная съ пятидесятихъ годовъ, если вспомнить все, что внедрялось въ молодыя головы нашей школой, нашей журналистикой, наконецъ нашей политикой и законодательствомъ, то можно ли удивляться, что часть дворянства забыла свои самобытные политическіе идеалы, утратила сознаніе задачъ своего сословія и прониклась господствующими политическими доктринами, идеалами эгалитарнаго прогресса, сквозь призму которыхъ и разсматриваетъ текущую и грядущую русскую дѣйствительность? Конечно, такой фактъ говоритъ далеко не въ пользу нашего дворянства. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подобное явленіе немыслимо въ другихъ странахъ. Извѣстно, напримѣръ, что несмотря на чрезвычайно либеральное и

демократическое конституціонное устройство Венгріи, венгерскіе магнаты и до настоящаго времени сохранили свое обособленное положеніе и пользуются въ странѣ громад-нымъ политическимъ вліяніемъ. Конечно, существованіе дворянъ, проповѣдующихъ «нивеллировку сословій», можно поставить въ пассивъ нашему дворянству, но справедливость требуетъ прибавить, что значительную долю вины въ этомъ дѣлѣ должна принять на себя наша государ-ственная власть.

Все дѣло въ томъ, что въ шестидесятыхъ и семидеся-тыхъ годахъ самыя верхнія ступени нашей государствен-ной іерархіи оказались далеко не здоровыми политически, оказались въ плѣненіи у тѣхъ же самыхъ политическихъ доктринъ, которыя, подобно волнѣ, прошли по всей Европѣ въ теченіе текущаго столѣтія и къ этому времени дока-тились и до нашихъ предѣловъ *). Цѣлая поколѣнія вос-питались у насъ въ атмосферѣ той обольстительной лжи, въ которой, начиная со времени первой французской рево-люціи, задыхается старая Европа и которая призвана была и у насъ свершить свое роковое дѣло. Что же му-дренаго, что и нѣкоторая часть дворянства,—въ особен-ности, конечно, молодежь—не устояла противъ этого на-пора, и что среди этого сословія нашлись люди, прель-щенные голосомъ новѣйшихъ сиренъ, напѣвающихъ объ имѣющемъ наступить на землѣ всеобщемъ счастьѣ! Что

*) „Дѣйствительно, говоритъ кн. Д. Н. Цертелевъ, нѣкоторыя изъ преобразованій 60-хъ и 70-хъ годовъ носятъ оттѣнокъ эгалитарныхъ стремленій, но этимъ оттѣнкомъ они обязаны, конечно, не столько волѣ Самодержавнаго Законодателя, сколько тѣхъ его *сотрудниковъ*, которые въ своемъ преклоненіи передъ западнымъ демократизмомъ готовы были отрицать не только сословія, но и самодержавіе..“ (См. *С.-Петербургскія Вѣд.*, № 200, 1897 г.)

мудренаго, что при всеобщемъ и повальномъ разгромѣ существующаго порядка и среди представителей наиболѣе культурнаго класса нашлось не мало людей, которые увѣровали въ это разрушеніе, прониклись его лживыми политическими идеалами и въ наши дни пытаются посильно проводить ихъ въ жизни? Въ сущности, эта часть дворянства исполняла лишь то, къ чему призывало её правительство,—конечно не въ прямомъ обращеніи, не какимъ либо письменнымъ актомъ, а всей совокупностью, общимъ впечатлѣніемъ своей политики ломки и разрушенія шестидесятихъ годовъ. И если въ наши дни государственная власть встрѣчается съ частью дворянства, настроенной такимъ образомъ, то это несомнѣнно плоды тѣхъ сѣмянъ, которыя были такъ удачно посѣяны на хорошо взрыхленной и удобренной иноземными вліяніями почвѣ нашего молодого культурнаго общества. *Tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as voulu!*

Не слѣдуетъ забывать, что русское дворянство—не самостоятельная сила, подобная нашей государственности, а подчиненная послѣдней, служебная сила. И вотъ мы видимъ, что до тѣхъ поръ, пока государственное начало стояло у насъ высоко и непоколебимо, то и подчиненная ему сила—высшій служилый классъ всѣми мыслями и настроеніями своими и всѣмъ поведеніемъ своимъ обнаруживалъ духовное здоровье и, почерпая свои политическія силы у государства, служилъ этому государству прочной и вѣрной опорой въ бытовой жизни.

Но, какъ только самобытное государственное сознаніе затуманилось у насъ наверху, какъ только величайшія наши государственныя преданія были оставлены, ради рискованныхъ и даже явно несостоятельныхъ теорій французскихъ философовъ конца прошлаго столѣтія,—стали за-

мѣчаться духовное разслабленіе и политическая порча и въ высшемъ государственномъ сословіи, отъ котораго не только не требовалось уже, чтобы оно было опорой самодержавнаго государства, но котораго почти лишили даже всякаго общенія съ этимъ государствомъ и которому въ формѣ земскихъ учрежденій насильно *навязали* роль и значеніе силы *противодѣйствующей*.

Вспомните Николаевское царствованіе. Несмотря на все развращающее вліяніе крѣпостного права, не смотря на суровость режима этого Императора — Рыцаря, дворянство, какъ соціальнѣй организмъ и какъ служилая сила русскаго государства, представляло собой отрадное зрѣлище духовнаго здоровья, патріотическаго настроенія, высокаго культурнаго развитія и истиннаго пониманія своего значенія и роли. Не говоримъ уже о цѣлой плеядѣ государственныхъ мужей, полководцевъ, ученыхъ, художниковъ и т. д., данныхъ этой эпохой. Но самый актъ освобожденія крестьянъ, его подготовленіе и завершеніе, — въ какомъ хорошемъ свѣтѣ рисуется все это тогдашнія культуру и государственное развитіе нашего высшаго сословія! Прочитайте эти многотомные труды редакціонныхъ комиссій и вы изумитесь глубинѣ государственнаго смысла, знанію своей родины, истинному патріотизму и гражданскому долгу всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей — этихъ отставныхъ ротмистровъ, поручиковъ и корнетовъ, учившихся лишь въ кадетскихъ корпусахъ и проводившихъ свою жизнь въ глухихъ усадьбахъ, занятыхъ хозяйствомъ и охотой и, казалось, такъ рѣдко бравшихъ въ руки перо и книгу... Если у дворянъ до настоящаго времени существуетъ еще здоровый духъ, не дающій сословію придти въ упадокъ, то этотъ духъ сложился въ Николаевскую эпоху болѣе чѣмъ когда либо. Этотъ духъ поддерживалъ дворянство,

когда оно приносило свою великую жертву при освобожденіи крестьянъ и безкорыстно посвящало свои силы дѣлу мѣстнаго управленія въ пореформенную эпоху.

Можно сказать, что дворянство, какъ сословіе, въ три послѣднія десятилѣтія только расходуетъ и проживаетъ свои добрыя традиціи и свойства, скопленныя старыми дворянами, что въ духовномъ смыслѣ оно движется какъ бы по инерціи силами, собранными въ Екатерининскія, Александровскія и Николаевскія времена.

У дворянства, предводимаго Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, былъ свой долгъ, были общественныя задачи, была сословная дисциплина, сохранялось преемственно не легко достигнутое разумѣніе государственныхъ задачъ, берегались и развивались правительственные навыки; сословіе понимало прошедшее, жило настоящимъ и думало о будущемъ, сознавало свою великую отвѣтственность передъ своимъ Царемъ и своей родиной, было занято серьезнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ — мѣстной, военной и всякой другой государственной службой... И сословіе это было здорово.

Но вотъ картина мѣняется. У дворянства прежде всего отнимается его мѣстное значеніе, затѣмъ, если не прямо, то косвенно, если не словами, то дѣломъ, показывается, что, какъ сословіе, оно не имѣетъ никакого будущаго, что дни его сочтены; государственная власть, оставляя лишь наружную форму сословной общественной жизни — и за то спасибо! — разрываетъ мало по малу тѣ тѣсныя связи, которыя соединяли ее съ дворянствомъ и которыя такъ рельефно проявились въ совмѣстной работѣ по освобожденію крестьянъ. Дворянству предлагается новое готовое мѣсто — въ земствѣ, организованномъ, какъ бы нарочно такъ, что въ концѣ концовъ оно является,

по сколько можетъ, политической оппозиціонной силой государству. Наконецъ, матеріальный бытъ дворянства игнорируется...

И что же мудренаго, что въ концѣ концовъ въ дворянской средѣ явилась нѣкоторая, ничтожная по своей численности, часть, которая, какъ говорить г. Бородинъ, «считаетъ нужнымъ отказаться отъ призрачныхъ привилегій и слиться съ земствомъ!»

„ЭВОЛЮЦІЯ“ ДВОРЯНСТВА.

Полемика по дворянскому вопросу.—Дворянинъ, „распустившійся“ въ широкой жизни.—„Земское дворянство.“

До весны текущаго, 1897 года, дворянскій вопросъ, можно сказагь безъ преувеличенія, тщательно замалчивался извѣстной частью нашей печати. О такомъ крупномъ и печальномъ государственномъ явленіи, какъ обезземеленіе дворянства, если и вспоминалось, то развѣ въ связи съ вопросомъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ и объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія вообще.

Изъ всѣхъ газетъ нашихъ издавна говорятъ о дворянствѣ и неуклонно отстаиваютъ его только *Московскія Вѣдомости*, *Гражданинъ* и *Русское Слово*.

Но какъ только прошлой весной стало ясно, что правительство также очень озабочено современнымъ положеніемъ дворянства и намѣрено предпринять мѣры, необходимыя для возвращенія ему прежняго государственнаго значенія, молчаніе по дворянскому вопросу стало уже плохой тактикою. Печать оживилась полемикой, весьма разнообразной, живой и затрогивающей, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, за самые корни вопроса.

Въ настоящей статьѣ мы остановимся на одномъ изъ эпизодовъ этой полемики, могущемъ въ нѣкоторой мѣрѣ уяснить и освѣтить современныя настроенія въ отношенія дворянства.

Въ одномъ изъ номеровъ *Новаго Времени* (7628) г. А. Суворинъ писалъ:

«Говорятъ, что есть дворяне и дворяне. Есть такіе, которые сознаютъ значеніе дворянства, какъ сословія, и есть такіе, которые измѣняютъ дворянству. Ихъ такъ «измѣнниками» и называютъ. Но, позвольте, господа, неужели сорокъ лѣтъ ничего не значать, неужели въ это время никакой *эволюціи* не совершилось? Освободивъ раба, дворянинъ сталъ больше человѣкомъ, и затѣмъ прежде всего человѣкомъ, подданнымъ своего Государя, сыномъ своей родины. Дворянинъ сталъ докторомъ, инженеромъ, судьей, адвокатомъ, прокуроромъ, механикомъ, актеромъ, журналистомъ; всѣ профессіи открыли ему двери и всѣми онъ воспользовался. Онъ поневолѣ *распустился*, такъ-сказать, *въ широкой жизни* и дѣйствительно въ значительной степени забылъ, что онъ дворянинъ, то-есть этому званію онъ сталъ придавать меньшее значеніе. Упрекать за это дворянина, называть его за эта измѣнникомъ, значитъ даромъ терять слова».

Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ г. А. Суворинъ полемизируетъ не противъ дѣйствительнаго, а лишь противъ,—выражаясь военнымъ языкомъ—«обозначеннаго» противника. Никогда никто не упрекалъ никакого дворянина въ томъ, что онъ сталъ докторомъ или инженеромъ, адвокатомъ, прокуроромъ и т. д. Никто не упрекалъ дворянина и за то что онъ, какъ выражается г. Суворинъ, «распустился въ широкой жизни и дѣйствительно въ значительной степени забылъ, что онъ дворянинъ, то-есть этому званію сталъ придавать меньше значенія». Никакъ не можемъ упрекать такого дворянина за то, что онъ или временно, или навсегда оставилъ свое сословіе. Конечно, имя его продолжаетъ числиться въ дворянскихъ книгахъ какой-нибудь губерніи, но этимъ и

ограничивается вся его связь съ дворянствомъ. Если нельзя сказать, что дворянинъ, порвавшій всякую связь съ деревней и занявшійся какою-нибудь профессіей, хотя бы, напримѣръ, адвокатурой, не отличаются ничѣмъ отъ адвоката, вышедшаго изъ среды разночинства, то во всякомъ случаѣ можно сказать, что первый сталъ на вѣрную дорогу для того, чтобы въ лицѣ своемъ и въ лицѣ своего потомства вполне слиться со средой послѣдняго или со средой его потомства. Какъ бы то ни было они—люди одного социальнаго слоя и по своему офиціальному положенію, и по средѣ, въ которой они вращаются, и по своей профессіи, и т. д., и оба же вполне подходятъ къ тому, недавно развившемуся у насъ, разряду людей, который называется «интеллигенціей».

Конечно, самое явленіе, о которомъ говоритъ г. Суворинъ, это превращеніе значительной части нашего помѣстнаго дворянства въ беспочвенную «интеллигенцію», весьма печально; но никому не придетъ въ голову обвинять за это отдѣльных лицъ, а тѣмъ болѣе называть ихъ «измѣнниками». Если эти члены дворянскаго сословія омертвѣли, если они отпали отъ него, какъ засохшіе листья, то винить въ этомъ слѣдуетъ гораздо болѣе садовника, допустившаго это безвременное увяданіе, чѣмъ невольныя его жертвы. Наше дворянство первыхъ временъ по отмѣнѣ крѣпостного права у всѣхъ еще въ памяти. Его можно упрекать въ чемъ угодно, но было бы несправедливо приписывать ему нелюбовь къ своей чисто дворянской средѣ, къ своему быту, къ своимъ природнымъ занятіямъ, къ своимъ усадьбамъ, и равнодушное отношеніе къ своимъ судьбамъ, какъ сословія. И если, тѣмъ не менѣе, многіе, очень многіе представители дворянскихъ семей, даже изъ наиболѣе древнихъ и родовитыхъ, быть можетъ навсегда оставили свою сословную

среду, побросали свои родовыя гнѣзда и привычную дѣятельность по мѣстному управленію и водительству ратному, для того чтобы сдѣлаться докторами, инженерами, судьями, адвокатами, актерами, журналистами и т. д., то, конечно, говоря вообще, они сдѣлали это лишь въ силу неизбѣжной необходимости, а совсѣмъ не по легкомысленной непосѣдливости и не по жадѣ перемѣнъ дѣятельности. Обыкновенно всякому такому оставленію дворянской семьей насиженнаго родового гнѣзда, усадьбы съ вѣковымъ паркомъ и стариннаго дома съ фамилійными портретами и «дѣдушкиной» библіотекой, предшествовала долгая, часто героическая и нерѣдко трагическая борьба съ тяжелыми условіями новаго пореформеннаго быта. И если эти старыя дворянскія семьи обратились теперь въ безземельныхъ городскихъ пролетаріевъ, увеличившихъ собою ряды «интеллигенціи», то мы знаемъ, что они сдѣлали этотъ шагъ нехотя, поневолѣ и, конечно, не мы бросимъ въ нихъ за это камень.

Мало того, мы совершенно понимаемъ, что всѣ эти лица, оставшіяся дворянами лишь по своему названію, не только перестали интересоваться судьбами сословія, признавать его истинное государственное и общественное значеніе, но даже перешли въ число противниковъ сословія, смѣшались съ тою демократическою толпой, которая порождена нашимъ пореформеннымъ временемъ, и теперь, быть можетъ, первыя подаютъ свои голоса противъ возстановленія прежняго значенія помѣстнаго дворянства. Все это совершенно естественно и иначе не могло и быть. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ одной изъ самыхъ понятныхъ основъ всякой человѣческой общественности. Въ силу первичныхъ требованій своей природы, человѣкъ, прежде всего, защищаетъ себя и свой интересъ, затѣмъ защищаетъ ту среду, то общество, къ которому

онъ принадлежитъ и интересы котораго въ большей или меньшей степени сливаются съ его собственными интересами, такъ какъ онъ участвуетъ во всякой побѣдѣ и во всякомъ пораженіи этого общества. Совершенно понятно поэтому, что дворянинъ г. А. Суворина, покинувшій дворянскую среду и лишь значащійся дворяниномъ на бумагѣ, не можетъ желать, чтобы сословіе, къ которому онъ когда-то принадлежалъ и къ которому въ данную минуту не принадлежитъ, получило какія-нибудь привилегіи и льготы. Эти привилегіи и льготы не коснутся его, такъ какъ ему трудно уже будетъ оставить свою новую среду, порвать новыя соціальныя и всякія другія связи, для того чтобы возвратиться къ своему родному сословію.

Но и помимо этихъ узкихъ, эгоистическихъ цѣлей дворяне-«интеллигенты», забывшіе что они дворяне, успѣли уже настолько усвоить себѣ катехизисъ демократическаго міровоззрѣнія, что они, дѣйствительно, не вѣрятъ ни въ сословный строй, ни въ нашъ историческій государственный укладъ и совершенно искренно мечтаютъ, можетъ быть, о республиканскомъ и соціалистическомъ режимѣ, какъ объ идеалѣ государственнаго устройства для Россіи. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что новая среда, къ которой они принадлежатъ, такъ-называемая «интеллигенція», весьма не далека отъ такого міровоззрѣнія. Что же мудренаго что вошедшіе въ ея составъ дворяне присоединяются къ ней не только внѣшнимъ образомъ, но и духовно?

Нѣтъ, никто не относится къ этимъ дворянамъ, какъ къ измѣнникамъ; но съ другой стороны ниоткуда не слѣдуетъ, чтобы такой дворянинъ былъ сколько-нибудь компетентнымъ судьей по дворянскому вопросу. А. Суворинъ говоритъ: «поднимается вопросъ о дворянствѣ. Онъ

(дворянинъ) высказываетъ свое мнѣніе и вспоминаетъ чѣмъ былъ дворянинъ въ старомъ земствѣ и придаетъ этому большое значеніе»...

Мы думаемъ что недоразумѣніе по поводу мнѣнія этого «дворянина» *) произошло потому, что онъ счелъ нужнымъ выступить съ изложеніемъ своихъ взглядовъ, не какъ простой обыватель, не какъ Ивановъ, Сидоровъ или Петровъ и, наконецъ, не какъ представитель своей новой среды, такъ-называемой «интеллигенціи», а именно какъ «дворянинъ».

И дѣйствительно, въ томъ положеніи, въ которомъ оказался «дворянинъ-интеллигентъ» г. А. Суворина, онъ самъ себѣ несомнѣнно логически противорѣчитъ. Все что онъ излагаетъ въ своей статьѣ по поводу дворянства, все это ясно и несомнѣнно ведетъ не къ возстановленію сословія и его прежняго значенія, а, наоборотъ, къ его уничтоженію и слитію съ другими сословіями. Поэтому является вопросъ: естественна ли въ устахъ дворянина рѣчь, все содержаніе которой есть лишь развитіе мысли о томъ, что никакого дворянства, какъ отдѣльнаго сословія, не нужно? Дворянинъ проповѣдующій уничтоженіе дворянства долженъ былъ бы прежде всего начать съ самаго себя — конечно, насколько это отъ него зависитъ — и во всякомъ случаѣ въ печати не подписываться именемъ «дворянина». Этотъ псевдонимъ мало шелъ къ тѣмъ мыслямъ, которыя высказаны въ статьѣ.

А. Суворинъ спрашиваетъ: неужели сторонники дворянства не допускаютъ за сорокъ лѣтъ никакой «эволюціи» во взглядахъ на дворянство и его государственное

*) Рѣчь идетъ очевидно о статьѣ „Дворянство прежде и теперь“, подписанной „Дворянинъ“ и напечатанной въ № 7613 *Новаго Времени*.

значеніе? Да, дѣйствительно, *въ существѣ* этихъ взглядовъ мы не допускаемъ никакой эволюціи. Мы считаемъ дворянство отнюдь не только культурнымъ слоемъ и отдѣльнымъ сословіемъ, но учрежденіемъ государственнымъ, неразрывно связаннымъ съ нашимъ исконнымъ государственнымъ самодержавіемъ. И подобно тому, какъ мы не допускаемъ никакой эволюціи въ этой послѣдней святынѣ Русскаго народа, также точно не можемъ допустить никакой эволюціи и во взглядахъ на значеніе и положеніе въ народѣ дворянства.

Затѣмъ, о какой эволюціи говоритъ г. А. Суворинъ? Вѣдь дворянство, о которомъ пишетъ «дворянинъ-интеллигентъ», «земское дворянство», не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ русскимъ, высшимъ служилымъ сословіемъ. Послѣднее служило Царю и Отечеству, первое могло бы служить лишь суверенному народу. Между этими двумя сословіями—однимъ дѣйствительнымъ, другимъ воображаемымъ—нѣтъ ничего общаго. Первое есть оплотъ самодержавія, второе — орудіе противъ самодержавія. Вотъ какую эволюцію долженъ допустить г. А. Суворинъ, для того чтобъ оставаться послѣдовательнымъ. Что же касается разныхъ проектовъ о «земскомъ дворянствѣ», то цѣль ихъ ясна: она заключается не только въ томъ, чтобъ удалить дворянство съ поприща его вѣковой государственной службы по назначенію самодержавной власти, но также и въ томъ, чтобы воспользоваться этимъ культурнымъ и образованнымъ классомъ для созданія изъ него превосходныхъ кадровъ антиправительственной арміи—путемъ превращенія дворянства въ «интеллигенцію».

НАРОЖДАЮЩАЯСЯ БУРЖУАЗІЯ.

Одинъ изъ новыхъ типовъ нашего купечества. — Пополненіе рядовъ дворянства. — Лучшіе люди купечества. — „Интеллигенція“.

За рядъ послѣднихъ лѣтъ во всѣхъ книжкахъ перваго полугодія *Вѣстника Европы* обыкновенно тянется какой-нибудь длиннѣйшій тридцатилистный романъ П. Д. Боборыкина. Произведенія этого почтеннаго и плодовитаго писателя, кажется, и не претендуютъ на ту истинную художественность, которая сдѣлала бы ихъ достойными пополнить собою сокровищницу національной литературы. Романы П. Д. Боборыкина — не «изящная словесность» въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, а только романы-фельетоны, состоящіе изъ длинной вереницы торопливыхъ набросковъ, поверхностныхъ наблюденій автора надъ современнымъ обществомъ, фотографическихъ снимковъ, былей и небылицъ изъ текущей жизни верхнихъ его слоевъ. И, ставъ на такую точку зрѣнія, нельзя, конечно, не признать несомнѣнной талантливости популярнаго автора.

Для нынѣшняго, 1896, года г. Боборыкинъ задумалъ романъ, дѣйствіе котораго, по крайней мѣрѣ въ напечатанной его части, происходитъ въ Москвѣ и охватываетъ круги мѣстнаго богатаго купечества и стараго дворянства въ ихъ взаимномъ соприкосновеніи, причемъ въ качествѣ героя романа является, повидимому, представитель той самой «интеллигенціи», которой, говорятъ, суждено по-

глотить и претворить въ себѣ лучшія, наиболѣе здоровыя и жизнеспособныя части обѣихъ этихъ соціальныхъ группъ. Такъ вотъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, братъ героини, купецъ Герасимъ Тимоѳеевичъ Финиковъ, кандидатъ университета, состарившійся въ сборахъ и приготовленіяхъ къ магистерской диссертациі, человѣкъ совершенно безталанный и не вынесшій даже университетскаго курса и какъ бы пришибленный имъ, относится тѣмъ не менѣе съ презрѣніемъ къ людямъ безъ университетскихъ дипломовъ и имѣетъ даже «свои идеи», развивая которыя, онъ отзывается о дворянствѣ какъ о *сословіи, которое покончило свою историческую роль*.

Въ г. Финиковѣ хорошо воспроизведенъ одинъ изъ самоновѣйшихъ типовъ нашего купца. Разновидностей этого типа очень много и не всѣ онѣ, разумѣется, производятъ впечатлѣніе такого умственного и физическаго убожества, какое производитъ г. Финиковъ, но сущность типа отъ этого нисколько не мѣняется. Господа Финиковы — это люди не выдержавшіе западно-европейскаго просвѣщенія, не справившіеся съ нимъ, отторгнутые имъ же отъ своей родной почвы и порвавшіе духовныя связи со своею средой и со всѣмъ народомъ. До сихъ поръ такихъ людей давала по преимуществу наша бюрократія и въ особенности низшій служилый классъ; много вышло ея изъ духовнаго званія, а теперь, повидимому, очередь дошла и до купечества. Говоря откровенно, господа Финиковы презираютъ не только «тѣхъ, кто не имѣетъ университетскаго диплома»: они презираютъ весь Русскій народъ, такъ какъ духовно не имѣютъ съ нимъ ничего общаго и считаютъ себя неизмѣримо выше него. Ихъ связь съ сословною средой сохраняется исключительно на почвѣ добыванія средствъ къ жизни и наживы, и космополитизмъ доходитъ до отсутствія какихъ-либо даже инстинк-

тивныхъ чувствъ привязанности къ родинѣ, мѣсту воспитанія и жительства; ихъ честолюбивыя мечтанія направляются уже не въ томъ направленіи, какъ ихъ предковъ.

Число такихъ новыхъ представителей сословія собственниковъ изъ коренныхъ Русскихъ весьма не велико. Гораздо болѣе многочисленъ—и у насъ въ Москвѣ, и въ другихъ большихъ промышленныхъ городахъ—этотъ элементъ купцовъ изъ обрусѣлыхъ иностранцевъ. Московскій торговый міръ, можно сказать, уже давно кишить ими, хотя и до сихъ поръ иноземные выходцы вновь привлекаются постоянно развивающимися промышленностью и торговлей Москвы, которая, кромѣ всѣхъ другихъ своихъ титуловъ, по справедливости можетъ называться торгово-промышленною столицей Россіи. Если русскому купцу, для того чтобы обратиться въ такого «интеллигентнаго» гражданина, какъ г. Финиковъ, необходимо забыть и отрѣшиться отъ многого того, что составляетъ типичныя особенности его среды, что прививалось воспитаніемъ цѣлому ряду его предковъ и не привилось только къ нему, то превращеніе чужеземца совершается гораздо проще: отечества и патріотизма у него нѣтъ, такъ какъ прежнее отечество онъ покинулъ, а къ новому, конечно, не могъ вспылать вдругъ особою привязанностью; благодаря своему кое-какому образованію и обыкновенно не высокому происхожденію, онъ примыкалъ на своей родинѣ къ необъятной демократизованной толпѣ людей «просвѣщенныхъ и лишенныхъ предразсудковъ», то-есть, другими словами, утратившихъ всякую религіозную вѣру и всякія связи со своею національностью. Конечно, эти же свойства переноситъ онъ и въ чужую страну и является къ намъ, такъ-сказать, совершенно готовымъ «интеллигентомъ». Но самъ переселившійся и даже его дѣти бываютъ слишкомъ поглощены дѣломъ наживы, чтобы

мѣшаться въ какую бы ни было политику, до которой такъ падка наша собственная «интеллигенція». Жизнь первыхъ поколѣній такихъ выходцевъ проходить за прилавкомъ или въ торговой конторѣ и бываетъ исполнена труда и лишеній, пока, наконецъ, не создается прочное благосостояніе, а потомъ и богатство. Но что слѣдуетъ затѣмъ? Куда направляются и будутъ направляться честолюбивыя стремленія этихъ новѣйшихъ наслоеній нашего купечества?

Прежде путь былъ извѣстенъ. Разжившійся купецъ дѣлался обыкновенно откупщикомъ и свои сотни тысячъ быстро превращалъ въ милліоны, а затѣмъ всѣми возможными способами искалъ дворянства, иногда добивался его и на томъ и успокоивался, такъ какъ это высшее социальное положеніе и остальные классы стремятся къ нему. Вотъ что говоритъ П. Д. Боборыкинъ про героиню своего романа, княгиню, вышедшую путемъ брака изъ купечества: «Развѣ она виновата въ томъ что съ дѣтства любила все изящное и порядочное, все что носитъ на себѣ печать «стиля»? Черезъ подругъ, въ очень барской гимназіи, она приглядывалась къ стародворянскому обществу и полегоньку входила въ него. Далеко не все ей нравилось, но она не могла же не видѣть что это общество выработало себѣ тонъ, привычки, нравы, пріемы, которые стали у него перенимать всѣ, кто стоитъ пониже. И купцы сильнѣе всѣхъ начали тянуться за господами. Даже и тѣ, кто къ нимъ «не лѣзетъ» — любимое слово ея сестры — и тѣ ужасно страдаютъ отъ того, что они — «разночинцы». Можетъ быть, среди отцовъ и матерей найдется нѣсколько умныхъ личностей съ чувствомъ своего положенія — вотъ хотя бы ея мать, но среди молодыхъ одна «маскировка» и постоянная трево-

га — какъ бы кто ихъ не обидѣлъ — и такое же постоянное желаніе обставить себя погосподски и заводить знакомство выше своего званія и быта».

Но нельзя не сказать, что это стремленіе примкнуть къ высшему государственному и соціальному классу въ извѣстной мѣрѣ ослабѣло въ послѣднее время. Причину этого слѣдуетъ видѣть въ нѣкоторомъ упадкѣ самаго этого класса и его вліянія, наступившемъ со времени отмѣны крѣпостнаго права. Съ другой стороны, тутъ дѣйствуетъ, конечно, популярность демократическихъ идей среди нашего полуобразованнаго общества. Конечно, думая подобно г. Финикову, что дворянство «покончило свою историческую роль», было бы неестественно стремиться войти въ это сословіе. А такъ какъ такое «интеллигентное» купечество, въ особенности благодаря усиленію его рядовъ иностранцами, все болѣе и болѣе умножается, то вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессируетъ и находитъ себѣ большее и большее приложеніе идея безсословности и всеобщаго политическаго равенства. А это вопросъ уже чрезвычайно важный и касающійся сомою основы нашего государственнаго строя и быта.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ относиться къ стремленію людей незнатныхъ вступить въ высшее въ государствѣ сословіе? Конечно, по идеямъ первой французской революціи, не допускающимъ самыхъ сословій, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что такія стремленія должны быть осуждаемы, какъ направленныя къ выдѣленію изъ массы гражданъ — избранныхъ и привилегированныхъ. Но если оставить эту точку зрѣнія, дѣло представится въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Сословность составляетъ главнѣйшую основу нашего

государственного строя, а сословія (но не касты) возможны только въ томъ случаѣ, если по крайней мѣрѣ высшія изъ нихъ дорожатъ своимъ, всегда до извѣстной степени обособленнымъ, положеніемъ и далеки отъ того, чтобы продать его за чечевичную похлебку. Въ отношеніи русскихъ сословій, никогда не бывшихъ замкнутыми, можно прибавить къ этому, что наше высшее служилое сословіе едва ли было бы въ состояніи выполнить свои обязанности передъ государствомъ, еслибы не пополнялось свѣжими силами изъ народа, а это пополненіе возможно только при условіи существованія стремленія въ низшихъ классахъ достигнуть перехода въ высшіе. Вотъ почему нельзя не считать съ государственной точки зрѣнія совершенно здоровымъ это стремленіе наиболѣе выдающихся и сильныхъ представителей купечества проникнуть въ дворянство.

Въ послѣдніе годы это стремленіе ослаблялось также чрезмѣрною легкостью достиженія дворянства помощью чиновъ и орденовъ. А извѣстно, что человѣку несвойственно цѣнить то, что легко ему достается.

Но если стремленію къ дворянству суждено будетъ ослабнуть и можетъ быть совсѣмъ исчезнуть, то какой выходъ найдутъ себѣ честолюбивыя мечты разбогатѣвшей части нашего купечества, какъ коренного русскаго, такъ и обрусѣлаго, ведущаго свой родъ отъ иноземныхъ выходцевъ? Наша сословность совсѣмъ не отжила своего вѣка и ей суждено возродиться въ обновленныхъ формахъ. Господа Финиковы «развивающіе свои идеи» о томъ, что дворянство «покончило свою историческую роль», повторяютъ только какъ попугай то, что вычитали въ плохихъ заграничныхъ книжкахъ и это пренебреженіе

сословными привилегіями такая же преходящая мода, какъ и многое другое. Но если бы суждено было иное, еслибы государственная власть допустила сословную организацію медленно захирѣть и атрофироваться, то, конечно, честолюбивыя стремленія о которыхъ мы говоримъ, стали бы принимать все болѣе и болѣе вредное въ политическомъ отношеніи направленіе.

Наиболѣе дальновидные купцы и фабриканты прекрасно понимаютъ, что окончательное паденіе дворянства раскрыло бы настежь двери для вліятельнаго положенія нашей нарождающейся буржуазіи, такъ какъ изъ земскихъ сословій останутся только торгово-промышленное и крестьянское. Но крестьяне будутъ пахать землю и стоять за фабричными станками. Сила же образованія, общественнаго развитія и культуры выдвинуло бы купечество...

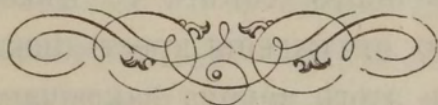
Когда видишь роскошные купеческіе особняки, которыхъ такъ много понастроено въ Москву за послѣднее время, когда встрѣчаешь многотысячныхъ рысаковъ, которые теперь почти уже перевелись у дворянъ, или чудныя англійскія упряжки прижившихся и разжившихся у насъ иностранцевъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, суждено ли нашей нарождающейся буржуазіи играть какую-нибудь самостоятельную политическую роль хотя бы въ будущемъ? Несомнѣнно, что эта буржуазія, и безъ того немалочисленная, размножается у насъ, въ особенности благодаря промышленному оживленію послѣднихъ лѣтъ, какъ грибы послѣ дождя; несомнѣнно, что она будетъ представлять, если не представляетъ уже, извѣстную социальную силу. Но будетъ ли она въ будущемъ столь же чужда собственно политической сторонѣ жизни, какъ она чужда ей въ настоящее время? Теперь наша буржуазія поглощена исключительно наживой, хотя и среди нея

начинають уже встрѣчаться роды достигшіе значительнаго богатства и ведущіе жизнь рантѣе. Со временемъ такихъ семей, для которыхъ увеличенія матеріальнаго благосостоянія не представляетъ уже интереса, будетъ все больше и больше.

Идея русскаго дворянства заключается въ томъ, что государственная власть даетъ ходъ и организуетъ въ особое учрежденіе лучшія силы народа, направляя ихъ такимъ образомъ на служеніе Престолу и Отечеству. Таково было значеніе дворянства въ нашемъ прошломъ, такимъ же оно должно остаться и въ будущемъ. Этимъ опредѣляется и предстоящая роль нашей буржуазіи. Имѣя самостоятельное значеніе, какъ классъ культурный, она должна будетъ, если мы не сойдемъ съ пути нашего са-мобытнаго историческаго развитія, лучшими своими элементами пополнять собой ряды дворянства; ей суждено составлять классъ промежуточный между простымъ народомъ и дворянствомъ. Обновляясь наиболѣе одаренными людьми изъ крестьянства и рабочаго класса, наше третье сословіе само будетъ призвано обновлять притокъ своихъ силъ помѣстное дворянство.

Въ послѣднее время въ нашей общественной жизни начинаетъ играть нѣкоторую роль, такъ-называемая «интеллигенція». Нельзя отрицать ея сильнаго вліянія на нашу политику въ пореформенную эпоху. Еслибы вліянію этому не были противопоставлены сословныя организаціи, то наша нарождающаяся буржуазія, формирующая свои ряды какъ изъ иностранныхъ выходцевъ, такъ и изъ стараго купечества путемъ превращенія его въ господъ Финиковыхъ, всего вѣроятнѣе подкрѣпила бы своими си-

лами «интеллигенцію», такъ какъ по своему міровозрѣнію и политическимъ идеаламъ оказалось бы ближе всего къ этой послѣдней. Только оживленіе сословной жизни и сословныхъ началъ можетъ спасти нашъ новѣйшій торгово-промышленный слой населенія отъ такой печальной участи.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОХРАНА СОСЛОВНАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель.—Поворотъ въ земельной политикѣ.—Забота о крестьянскомъ дворѣ и очередь дворянской усадьбы.

14 декабря 1893 г. было Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта «о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльных земель». Сущность этого закона заключается въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ.

До обнародованія закона—и сельскія общества и отдѣльные домохозяева были полноправными собственниками своихъ надѣловъ, и выкупная ссуда, лежащая на этихъ надѣлахъ, имѣла значеніе только ипотечнаго долга и нисколько не препятствовала ихъ отчужденію: стоило лишь погасить этотъ долгъ,—и законный владѣлецъ надѣла могъ «распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію». Теперь въ силу двухъ первыхъ параграфовъ новаго закона право собственности на надѣльные земли подвергнуто существеннымъ ограниченіямъ: *цѣлыя сельскія общества* не могутъ продавать ихъ иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія, а если стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ *пятьсотъ* рублей, то, сверхъ того, не иначе какъ съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ министромъ Финансовъ; участки же *отдѣльных домохозяевъ*—при подворномъ владѣніи—могутъ быть

отчуждаемы посредством даренія или продажи, какъ добровольной, такъ и съ торговъ, только лицамъ «приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ».

Третій параграфъ закона находится въ непосредственной связи съ двумя первыми: имъ воспрещается впредь какъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, «отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, хотя бы выкупная ссуда по симъ землямъ и была погашена». Это положеніе неизбѣжно вытекаетъ изъ ограниченія отчуждаемости, устраняя возможность обхода закона.

Наконецъ, новая законодательная мѣра преграждаетъ одну изъ самыхъ вредныхъ лазеекъ, какъ бы нарочно вошедшую въ Положеніе 19 февраля для постепеннаго, частичнаго обезземеленія крестьянства даже вопреки волѣ самого хозяина надѣльной земли—сельскаго схода. Мы говоримъ, конечно, объ извѣстной второй половинѣ ст. 165 Положенія о выкупѣ, надѣлавшей за три десятилѣтія своего примѣненія столь много ничѣмъ не вознаграждаемаго вреда. Покровительствуя мірскому владѣнію, какъ исконной и привычной населенію формѣ землепользованія, дѣятели освобожденія крестьянъ создали въ то же время одно изъ условій, вліявшихъ на эту форму безусловно разрушительно. Обязанность сельскаго общества выдѣлить участокъ всякому своему члену, погасившему причитающуюся на его долю часть выкупной ссуды,—эта обязанность не подорвала мірскаго владѣнія лишь тамъ, гдѣ для этого не нашлось достаточно сильныхъ и ловкихъ людей, и, во всякомъ случаѣ, создала готовую почву для одного изъ самыхъ печальныхъ явленій нашей сельской жизни, — такъ-называемаго «міроѣдства» или «кулачества».

Законъ 14 декабря, отмѣняя эту обязанность сельскихъ

обществъ, допускаетъ досрочный выкупъ участковъ отдѣльными домохозяевами «не иначе какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода». Такимъ образомъ, вторженіе въ крестьянскій міръ, даже въ противность его воли, лицъ ему совершенно чуждыхъ — преимущественно кабатчиковъ и торговцевъ — не будетъ уже находить себѣ покровительства въ законѣ.

Новая правительственная мѣра попечительности о крестьянскомъ сословіи имѣетъ громадное значеніе какъ въ принципіальномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Обусловливая отчуждаемость крестьянской общественной земли разрѣшеніемъ правительственной власти, законъ 14 декабря вполне обезпечиваетъ отъ обезземеленія часть крестьянства, съ *мірскимъ* землевладѣніемъ, такъ какъ продажа надѣльной общественной земли будетъ разрѣшаться, конечно, лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и при наличности обезпеченія быта ея владѣльцевъ какою-либо другою недвижимою собственностью, или инымъ способомъ.

Нельзя сказать того же о сельскомъ населеніи съ владѣніемъ *подворнымъ*: участки надѣльной земли, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ наслѣдственномъ ихъ пользованіи, могутъ быть отчуждаемы совершенно свободно, съ однимъ ограниченіемъ — купить ихъ могутъ лишь лица, «приписанные или приписывающіеся къ сельскимъ обществамъ». Это правило вмѣстѣ съ мѣрами въ отношеніи *мірскаго* землевладѣнія устанавливаетъ полную гарантію въ одномъ отношеніи: надѣльная земля не выйдетъ изъ владѣнія *крестьянства*, какъ *сословія*. Эта мѣра безусловно полезная и имѣющая за себя твердое историческое основаніе. Государственная власть и въ прошломъ, сообразно потребностямъ времени,

ограждала землевладѣніе извѣстнаго *сословія*. Такъ, заботясь о средствахъ къ отправленію службы служилымъ сословіемъ, Московскіе цари запрещали отчужденіе земель въ руки неслужилыхъ классовъ. Правда, въ этомъ случаѣ дѣло шло объ участкахъ населенныхъ, но въ то время только такія земли и имѣли значеніе.

Но если желательно сохраненіе крестьянскаго сословнаго землевладѣнія, еще болѣе желательно и важно возможно-полное предотвращеніи крестьянскаго *обезземеленія*. Это зарождающееся у насъ зло и было ближайшею причиною возбужденія законодательнаго вопроса. Между тѣмъ, законъ 14 декабря не содержитъ въ себѣ никакой мѣры ни противъ обезземеленія крестьянъ въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, ни противъ скопленія крестьянскихъ надѣльных земель въ рукахъ скупщиковъ изъ *крестьянъ же*. Утрата крестьяниномъ недвижимой собственности, въ чьи бы руки она ни перешла, есть явленіе печальное и ненормальное во всякомъ случаѣ. Къ тому же, самые скупщики надѣловъ являются для сословія потерянными членами, такъ какъ, значительно возвышаясь своимъ достаткомъ надъ уровнемъ крестьянства, они мало-по-малу разрываютъ съ нимъ бытовыя связи. Поэтому надо надѣяться, что въ дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣрахъ къ восстановленію прежняго благоустройства крестьянскаго сословія будетъ отведено мѣсто и заботѣ объ ограниченіи отчуждаемости подворныхъ участковъ.

Во всякомъ случаѣ, законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ знаменуетъ собою въ высшей степени важный поворотъ въ отношеніи государственной власти къ вопросамъ земельной политики. Идея сословной нивелировки и всяческой свободы, отражаясь въ каждомъ пра-

вительственномъ актѣ шестидесятихъ годовъ, сдѣлали изъ земельной собственности обыкновенный предметъ купли-продажи, безпрепятственно переходящій изъ рукъ въ руки, вслѣдствіе ничѣмъ неограниченной и несдерживаемой экономической борьбы. Государственная власть предоставляла себѣ лишь мѣсто посторонняго зрителя этой борьбы и какъ бы признавала тѣмъ отсутствіе общественнаго интереса въ томъ или другомъ ея направленіи и исходѣ.

Иное начало положено въ основаніе только-что изданнаго закона. Оно заключается въ возрѣніи на землю, какъ на средство обезпеченія быта соотвѣтственныхъ *сословій*. Отнынѣ ни одна крестьянская десятина земли — за исключеніемъ случаевъ совершенно особенныхъ — не выйдетъ изъ владѣнія сословія.

Но земля обезпечивала быть не одного крестьянства, а также и высшаго служилаго сословія, а потому естественнымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ возвращеніи къ историческимъ кореннымъ основамъ нашего землевладѣнія было бы принятіе *мѣръ противъ обезземеленія дворянства*. Только закрѣпленіе сельской недвижимой собственности главнымъ образомъ за этими двумя классами приведетъ въ нормальное положеніе нашу «землю», нашу «земщину», а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ способствовать сохраненію вполне устойчиваго равновѣсія и для всего нашего соціального строя.

Земля искони распредѣлялась у насъ между двумя сословіями — дворянствомъ и крестьянствомъ. Отличаясь другъ отъ друга по своему быту и государственной роли, эти два общественные союза составляли одно гармоничное цѣлое, можно сказать, составляли

весь Русскій народъ, почти всю массу жителей обширнѣйшей въ мірѣ страны. Благодаря ея земледѣльческому характеру, рѣдкости населенія и тому обстоятельству, что главное достояніе государства издревле заключалось въ обширныхъ земельныхъ угодьяхъ, постоянная забота верховной власти въ дѣлѣ обезпеченія народнаго благосостоянія сводилась къ надѣленію землей и регулированію земельныхъ отношеній.

Такимъ путемъ послѣдовательно, въ теченіе вѣковъ, сложились основныя начала нашей земельной политики, согласно которымъ государственная власть выказывала одинаковое попеченіе о земельномъ довольствѣ и благоустройствѣ какъ помѣщичьей усадьбы, такъ и крестьянскаго двора. Этимъ же обусловливается и тотъ историческій процессъ, въ результатѣ котораго ко времени освобожденія крестьянъ наше землепользованіе сложилось почти исключительно въ двѣ формы: болѣе или менѣе обширныхъ дворянскихъ вотчинъ и надѣловъ казенныхъ крестьянъ.

Реформа 19 февраля въ основѣ своей, казалось бы, не представляла никакихъ поводовъ къ измѣненію отношенія государственной власти къ двумъ нашимъ кореннымъ историческимъ сословіямъ. Но ложное направленіе преобразованій шестидесятихъ годовъ лишило и дворянскую усадьбу, и крестьянскій дворъ той благодѣтельной правительственной попечительности, которою они искони пользовались и живительная сила которой была особенно необходима при переходѣ къ новымъ условіямъ существованія освобожденныхъ крестьянъ и лишенныхъ крѣпостного труда помѣщиковъ.

Результаты этой великой исторической ошибки не замедлили обнаружиться и теперь еще у всѣхъ предъ гла-

зами: экономическое разстройство и деморализація крестьянства и быстрое исчезновеніе помѣстнаго дворянства.

Такимъ образомъ, послѣ долгаго и горькаго опыта, безвозвратно поглотившаго столько силъ и средствъ, скопленныхъ трудами предыдущихъ поколѣній, правительственная власть снова пришла къ сознанію необходимости возвратиться на тотъ старый путь государственнаго попечительства надъ этими двумя сословіями, который составляетъ отличительную черту нашего національнаго культурнаго развитія.

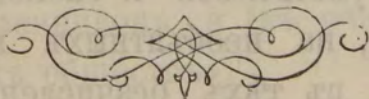
Въ послѣдніе годы въ этомъ направленіи уже многое сдѣлано для крестьянскаго двора; ждетъ своей очереди и дворянская усадьба.

Самыя настоятельныя нужды, связанныя съ судьбой землевладѣнія или землепользованія того и другого сословія еще далеки отъ своего удовлетворенія, а потому мы не можемъ себѣ представить такого вопроса нашей земельной политики, который не ставилъ бы ихъ интересы на первомъ планѣ.

Но такая точка зрѣнія, повидимому, все еще недостаточно твердо установилось въ нашей государственной практикѣ. Нѣкоторыя постоянныя и временныя учрежденія иногда неожиданно сворачиваютъ на совсѣмъ другую дорогу. Примѣромъ этому можетъ служить хотя бы извѣстная коммиссія гофмейстера Н. С. Абазы, учрежденная въ началѣ текущаго десятилѣтія съ цѣлію разработки вопроса объ упроченіи *дворянскаго* землевладѣнія. Въ результатъ трудовъ этой коммиссіи оказался законопроектъ, имѣвшій въ виду не *дворянскую* усадьбу, а «небольшое устроенное хозяйство», то-есть болѣе или менѣе крупную ферму, принадлежащую лицу какого бы то ни было сословія и въ пользу именно этого вида землевладѣнія устанавливалась привилегія въ порядкѣ наслѣдованія...

Всякая привилегія въ свое оправданіе должна давать вмѣсто себя эквивалентную государственную пользу. Мы понижаемъ привилегіи въ пользу двухъ историческихъ земледѣльческихъ классовъ,—крестьянства и дворянства: это старые сподвижники Верховной Власти въ дѣлѣ устроения земли Русской, искони ей служившіе и связанные съ нею прочными вѣковыми традиціями. Всякая мѣра въ пользу ихъ землевладѣнія укрѣпляетъ базисъ нашего соціальнаго зданія. Но что такое эти безсословные фермеры, народившіеся въ смутную эпоху нашей безсословности, какую соціальную силу представляютъ они, въ чемъ ихъ политическое *credo* и съ какою цѣлью государство станетъ упрочивать ихъ положеніе преимущественно предъ остальнымъ сельскимъ населеніемъ?

Отвѣты на эти вопросы въ лучшемъ случаѣ будутъ лишь гадательными, но за то представляется вполнѣ несомнѣннымъ что проектированный законъ, поскольку онъ явится мѣрой практичною и цѣлесообразною, стремится укрѣпить землевладѣніе мелкое и безсословное, что, конечно, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ въ прямой ущербъ землевладѣнію сословному—дворянскому и крестьянскому.

„ЛЮДЕЙ НѢТЪ“!

Замѣстители помѣстнаго дворянства — купечество и торгующее крестьянство. — Деревенское безлюдье и люди Николаевского времени. — Посѣвы и всходы.

«Людей нѣтъ»! — эта жалоба раздается у насъ по крайней мѣрѣ съ начала семидесятыхъ годовъ, — и каждый знакомый съ современнымъ провинціальнымъ бытомъ можетъ подтвердить, что это не напрасная жалоба. Въ настоящее время она повторяется вновь — и въ ежедневной печати и въ толстыхъ журналахъ, — при чемъ голоса раздаются изъ разныхъ губерній, изъ разныхъ полосъ, находящихся въ совершенно различныхъ экономическихъ и иныхъ условіяхъ. Очевидно, это явленіе не мѣстное, очевидно — это соціальный недугъ, не оставившій, быть-можетъ, и небольшого здороваго мѣста и, судя по всему, едва ли не принявшій хроническаго характера.

«Людей нѣтъ» — не въ столицахъ и крупныхъ центрахъ государственной, умственной и экономической жизни, а тамъ, на мѣстахъ, на необъятныхъ пространствахъ областей и уѣздовъ, въ тѣхъ безчисленныхъ поселеніяхъ, селахъ и деревняхъ, изъ которыхъ и состоитъ настоящая Россія; «нѣтъ людей» — не въ конторахъ и канцеляріяхъ, полкахъ и присутствіяхъ, а нѣтъ ихъ «на землѣ», въ усадьбахъ, городахъ и посадахъ, нѣтъ ихъ въ частномъ быту, оскудѣла ими наша земщина.

Около мѣсяца тому назадъ *) орловскій землевладѣлецъ, г. О. Рѳмеръ, затронулъ этотъ вопросъ въ *Новомъ Времени*, и съ тѣхъ поръ редакторъ этого изданія продолжаетъ «получать письма о житьѣ-бытьѣ нашего интеллигентнаго общества въ деревнѣ!» Одно изъ такихъ писемъ, г. Беты, мы находимъ въ № 6450 названной петербургской газеты. Вотъ что сообщаетъ авторъ объ одномъ изъ уѣздовъ Владимірской губерніи, *«нѣкогда очень многолюдномъ дворянствомъ, помѣщиками»*, и донынѣ сохранившемъ свой «чисто земледѣльческій характеръ», вопреки весьма распространенному мнѣнію объ исключительно фабрично-заводской промышленности этой губерніи:

«Въ уѣздѣ имѣются два крупныхъ помѣстья, гдѣ владѣльцевъ никто и никогда не видалъ, и которыя управляются довѣренными лицами, затѣмъ нѣсколько бездоходныхъ лѣсныхъ имѣній безъ усадебъ и около десятка уцѣлѣвшихъ отъ 60-хъ годовъ дворянскихъ владѣній, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ старики, отстранившіеся уже давно отъ всякаго участія въ общественной жизни и кое-какъ поддерживающіе полевое хозяйство. *Все что есть новаго, свѣжаго, или служитъ, стараясь быть ближе къ столицамъ, или сбываетъ наследственную недвижимость, какъ лишнюю обузу, не приносящую ничего кромѣ хлопотъ и расходовъ.* По обычаю же, освященному тридцатилѣтнею давностью, недвижимость эта переходитъ въ руки лѣсопромышленниковъ и (въ очень малой долѣ) въ руки крестьянскихъ обществъ».

«Получающіе болѣе или менѣе серіозное образованіе, сыновья мѣстнаго сельскаго духовенства не вносятъ новаго, свѣжаго элемента въ деревенскую жизнь; они или

*) Писано къ концѣ Февраля 1894 года.

идутъ въ ряды того же духовенства, продолжая опредѣленную дѣятельность отцовъ, или стремятся въ сферу судебную и медицинскую».

«Затѣмъ купечество и богатое крестьянство все болѣе и болѣе стремятся давать сыновьямъ образованіе, но роль этихъ будущихъ интеллигентовъ еще впереди, и насколько они и въ какой формѣ и мѣрѣ отдадутъ свои силы деревнѣ — сказать трудно. Лично я знаю только одинъ случай, гдѣ купецъ съ высшимъ образованіемъ поселился въ деревнѣ, но и тутъ его дѣятельность проявилась, главнымъ образомъ, въ веденіи винокуренного завода».

«Насколько мало интеллигенціи въ деревнѣ, видно какъ изъ того, что мѣста земскихъ начальниковъ заполнены съ большимъ трудомъ, такъ и изъ того, что не только члены управъ, но и предсѣдатели — люди зачастую безъ образовательнаго ценза (чего, впрочемъ, и не требуется по закону). Въ особенности это сказывается на членахъ управъ, гдѣ почти все время со введенія самоуправленія служатъ богатые и вліятельные крестьяне изъ *торгующихъ*, не получившіе ровно никакого образованія. Въ нашемъ, напримѣръ, уѣздѣ, несмотря на то что членъ управы получаетъ 800 р. жалованья (врачъ до настоящаго года получалъ 900 руб.), онъ выбирается исключительно изъ *крестьянъ-торговцевъ*. Въ почетныхъ мировыхъ судьяхъ еще недавно сидѣли *городскіе торговцы* безъ признаковъ образовательнаго ценза. Попечители сельскихъ школъ комплектуются почти исключительно богатыми крестьянами. Хорошо ли это, или дурно — вопросъ не въ томъ. *Одно несомнѣнно, что интеллигенціи въ деревнѣ нѣтъ и не предвидится ея появленія*».

Какъ похожа эта картина на то, что мы писали въ нашихъ статьяхъ о дворянствѣ! Она принадлежитъ перу

человѣка намъ совершенно чуждаго, она появляется въ органѣ никогда не питавшемъ особыхъ симпатій къ сословію—и тѣмъ не менѣе она какъ нельзя лучше подтверждаетъ и иллюстрируетъ все сказанное нами и объ исчезновеніи помѣстнаго дворянства, и о послѣдствіяхъ и результатахъ недавней политики «сліянія сословій».

О прежнемъ до-реформенномъ времени авторъ говоритъ лишь, что описываемая имъ мѣстность была «многолюдна дворянствомъ, помѣщиками», а именно въ такихъ уѣздахъ и губерніяхъ тридцать лѣтъ тому назадъ не оказывалось недостатка въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ ни по освобожденію крестьянъ, ни по преобразованному мѣстному управленію и суду. И институтъ мировыхъ посредниковъ, и мировой судъ, и земскія учрежденія, для пополненія своего личнаго состава, находили среди помѣстнаго дворянства вполне достойныхъ кандидатовъ. Дѣятельность мировыхъ посредниковъ первого призыва считается особенно выдающеюся по энергіи и безпристрастію и до сихъ поръ ставится въ образецъ. Мало того, позднѣе дворяне же явились наиболѣе полезными дѣятелями и внѣ сродной имъ сферы сельской жизни—въ обновленномъ городскомъ управленіи. Ни о какомъ недостаткѣ въ «людяхъ» не возникало и рѣчи. Воспитанные въ суровой школѣ государственной службы, выросшіе въ искони служиломъ сословіи, воспринимавшіе преемственно отъ отца къ сыну навыки въ дѣлѣ управленія, всегда болѣе или менѣе образованные, помѣстные дворяне и были именно тѣми «людьми», о которыхъ теперь вздыхаютъ, они и были именно тою «интеллигенціей», которой теперь «въ деревнѣ нѣтъ» и появленія которой не предвидится...

Наше время нельзя и сравнивать со временами Николаевскими—въ отношеніи средствъ, которыми мы рас-

полагаемъ для народнаго просвѣщенія; мы настроили и содержимъ въ пятьдесятъ, быть-можетъ, во сто кратъ больше всякаго рода училищъ и школъ; мы всячески поощряемъ образованіе, мы такъ заботимся о томъ, чтобъ у насъ были «люди», какъ и не думали заботиться въ до-реформенную эпоху. Мы каждый годъ выпускаемъ въ жизнь десятки тысячъ болѣе или менѣе образованныхъ молодыхъ людей всѣхъ сословій, но—странное дѣло—вся эта молодежь, всѣ эти кандидаты въ «люди» куда-то быстро исчезаютъ, словно протекая сквозь какую-то невидимую щель, и тамъ, «на мѣстахъ, на землѣ», старые дѣятели убываютъ, а новыхъ давно уже нѣтъ, какъ нѣтъ...

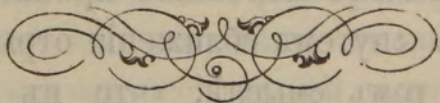
Первенствующее мѣсто въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда искони принадлежало у насъ дворянству; въ этомъ, да въ ратной службѣ, и заключалось, главнымъ образомъ, его государственное значеніе. Но въ эпоху реформъ было признано, что дворянство выполняло свои общественныя обязанности неудовлетворительно, что оно не стояло на высотѣ своей задачи; было признано, что въ другихъ слояхъ общества таятся какія-то пригнетенныя своимъ безправнымъ положеніемъ силы, которымъ нужно дать лишь просторъ для того, чтобъ они явили міру всю мѣру своихъ способностей и дарованій; было признано, что безсословное общество дастъ лучшихъ земскихъ дѣятелей, чѣмъ давало раньше высшее служилое сословіе. Подъ вліяніемъ такихъ идей, взамѣнъ прежняго распредѣленія государственныхъ обязанностей между сословіями, сообразно ихъ бытовому складу и особенностямъ, всѣ сословія были почти уравнены въ главныхъ политическихъ правахъ своихъ, сословныя перегородки почти разрушены и къ дѣлу призвано насильственно смѣшанное и перетасованное общество...

Таковы были посѣвы. И вотъ теперь, черезъ тридцать

лѣтъ, сѣятели могли бы полюбоваться ужъ и пышными всходами; они могли видѣть *кто* замѣнилъ помѣстное дворянство въ мѣстномъ управленіи; они могли бы во-очію убѣдиться, что дѣятели выросшіе и воспитанные подъ Николаевскомъ режимомъ, который столь охотно прославляется у насъ какъ время умственного гнета и упадка просвѣщенія,—были настоящими богатырями передъ тѣми пигмеями, которые въ наши дни заступили ихъ мѣсто.

Въ эпоху нездоровыхъ иллюзій и затмѣнія государственной мысли, наивно вѣровали, что мѣсто яко бы одряхлѣвшаго дворянства въ сельской жизни займутъ какіе-то чаемые и ожидаемые «новые лучшіе люди». Что-жъ, эти люди пришли—вотъ они, полюбуйтесь: «вліятельные крестьяне изъ *торгующихъ*», «городскіе *торговцы*», «*богатые* крестьяне»,—всѣ «не получившіе ровно никакого образованія»—и «купецъ съ высшимъ образованіемъ», дѣятельность котораго «проявилась, главнымъ образомъ, въ веденіи винокуреннаго завода»...

Вотъ для кого разрушали мы нашъ сословный строй и вотъ кому расчистили и приготовили мѣсто!

УСТРАНИТЬ ЛИ ШКОЛА ДЕРЕВЕНСКОЕ „БЕЗЛЮДЬЕ“

„Майскій бальзамъ“ нашей публицистики.—Школа—только одинъ изъ факторовъ, создающихъ „людей“.

Новое Время возражаетъ намъ по поводу нашей недавней статьи «Людей нѣтъ!» и по-своему объясняетъ наше деревенское и провинціальное безлюдье.

Приведя то мѣсто нашей статьи, въ которомъ мы говоримъ что въ до-реформенное время школъ было во сто разъ меньше, а на недостатокъ «людей» не жаловались—напротивъ, ихъ хватало на всякія дѣла,—*Новое Время* восклицаетъ: «Отсюда уже самъ собою понятенъ—неправда ли?—тотъ выводъ, что интеллигенцію родить не школа, а нѣчто другое. Что же это другое?»—и упрекаетъ насъ *) въ томъ, что мы не можемъ будто бы дать «простыхъ и ясныхъ отвѣтовъ на простые и ясные вопросы».

Провозглашеніе такой нашей якобы несостоятельности даетъ *Новому Времени* основаніе принять на себя трудъ отвѣтить за насъ «путемъ сближенія отрывочныхъ мыслей и догадокъ»—въ томъ смыслѣ, «что въ до-реформенное время «интеллигенцію» и «людей» давали деревнѣ «словныя привилегіи дворянства».

*) Ст. „Людей нѣтъ!“ и настоящая—были помѣщены въ качествѣ передовыхъ въ №№ 51 и 62 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1894 г., поэтому упреки *Новому Времени* относятся не къ автору лично, а къ бывшей редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*.

Нельзя сказать чтобы въ этомъ отвѣтѣ не было доли истины; но все же онъ далекъ отъ того что мы говорили и хотѣли сказать. Разовьемъ нашу мысль нѣсколько подробнѣе, не столько для убѣжденія нашихъ противниковъ, сколько для дальнѣйшаго уясненія читателямъ нашего взгляда на это дѣло.

Прежде всего, мы никогда не задавались *отвлеченнымъ* вопросомъ о томъ, что родить «интеллигенцію» вообще, а потому и не могли утверждать что «интеллигенцію родить не школа, а нѣчто другое». Мы говорили лишь о *нашемъ, русскомъ* прошломъ и настоящемъ, исходя изъ фактовъ и не вдаваясь въ совершенно излишнія для политики обобщенія по поводу нашего безлюдья. Мало того: въ статьѣ «Людей нѣтъ!» мы не касались вопроса даже и о томъ, *что* породило *нашу*, какъ выражается газета, сельскую «интеллигенцію»; мы писали что тридцать лѣтъ тому назадъ она *была*, и что мы сами почти уничтожили ее, нивелируя сословія и разрушая нашъ историческій социальный строй.

Утвержденіе, что въ до-реформенное время «интеллигенцію» и «людей» давали деревнѣ «сословныя привилегіи дворянства», столь же несостоятельно какъ и то, что «интеллигенцію» родить «школа». Безспорно что служебныя права и обязанности, такъ же какъ и школа, были одними изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ происхожденіи дворянства, но все же наше высшее служилое сословіе было продуктомъ всей нашей исторіи, то-есть безчисленнаго множества переплетающихся между собою факторовъ, а не одного или нѣсколькихъ изъ нихъ отдѣльно взятыхъ. *Новое Время* думаетъ, повидимому, иначе: этимъ обусловливается и дальнѣйшее наше разномысліе съ этою газетою.

У петербургскихъ публицистовъ всегда есть готовая

разрѣшенія для самыхъ сложныхъ вопросовъ. Въ деревнѣ, въ провинціи, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, постепенно исчезаетъ цѣлое земское сословіе, высшій служилый классъ, помѣстное дворянство, а вслѣдствіе этого въ мѣстной жизни начинается все болѣе и болѣе ощущаться тревожный недостатокъ въ «людяхъ». Безспорно, это—серіозный соціальный недугъ, требующій и осторожнаго діагноза, и, по всей видимости, радикальнаго, продолжительнаго лѣченія. Но петербургскіе публицисты рѣшаютъ все однимъ махомъ: дворянство у нихъ—«интеллигенція»; «интеллигенцію» родитъ школа; ergo—для того чтобы въ деревнѣ была «интеллигенція», чтобы были «люди», необходимо увеличить число школъ и школъ. Приводя наши слова касательно современныхъ заботъ о народномъ просвѣщеніи, *Новое Время* замѣчаетъ: «въ томъ-то и дѣло, что мы поощряли образованіе далеко не въ мѣру потребностей».

Итакъ, вотъ въ чемъ разрѣшеніе вопроса о нашемъ безлюдіи—въ «образованіи», въ народномъ просвѣщеніи... Но не пора ли перестать злоупотреблять этими словами, не пора ли оставить пошлую манеру прикрывать ими какъ щитомъ, рабскую боязнь отнестись къ вопросу недостаточно либерально? Въ самомъ дѣлѣ, есть ли такой вопросъ нашей внутренней жизни, есть ли такая статья современнаго публициста извѣстнаго лагеря, которая не заканчивалась бы избитыми, всѣмъ надоѣвшими, а главное, совершенно безтолковыми и не идущими къ дѣлу фразами о благѣ просвѣщенія, о необходимости распространенія образованія, о пользѣ школъ и т. п. Частое употребленіе этихъ фразъ вполне затмило ихъ смыслъ, и петербургскіе публицисты совершенно утратили всякое представленіе, какъ объ ихъ истинномъ значеніи, такъ и о практическихъ послѣдствіяхъ рекомендуемыхъ ими мѣропріятій. «Народное образованіе» въ сферѣ обще-

ственной жизни стало играть у насъ роль того «майскаго бальзама», которымъ сердобольныя помѣщицы лѣчили больныхъ рѣшительно ото всякихъ недуговъ *).

Чтобы не далеко ходить и не быть голословными, остановимся на послѣднемъ рецептѣ публицистовъ *Новаго Времени* и посмотримъ, что могло бы выйти изъ его примѣненія. Сколь ни желательно увеличеніе средствъ, удѣляемыхъ государствомъ на народное образованіе, но размѣръ ихъ долженъ быть, конечно, строго соображаемъ съ экономическимъ и финансовымъ состояніемъ страны вообще, а потому у насъ, при нашемъ современномъ положеніи, едва ли оказалась бы возможность увеличить этотъ размѣръ сколько-нибудь существенно. Допустимъ, однако, въ видѣ предположенія, что государство, какимъ бы то ни было способомъ, получило возможность сразу расширить постановку той стороны народнаго просвѣщенія, которая посвящена образованію «интеллигенціи», «людей»,—постановку средней и высшей школы.

Каковы были бы результаты этого въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу?

Всѣ молодые люди достаточныхъ семей, къ какому бы сословію они ни принадлежали, имѣютъ и теперь полную возможность получить совершенно законченное образованіе. Поэтому для дальнѣйшаго расширенія постановки средняго и высшаго образованія пришлось бы путемъ совершенно искусственнымъ, въ родѣ назначенія пособій,

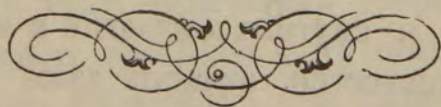
*) *Русскія Вѣдомости* (№ 250, 1897 г.) предложили недавно распространеніе школъ и грамотности, какъ мѣру къ «радикальному» искорененію... *разбоевъ* на Кавказѣ.

стипендій и т. п.—привлечь къ нему слой населенія недостаточный. Что же дали бы странѣ молодые люди, оторванные отъ народной среды, къ которой они принадлежатъ по рожденію, и воспитанные на счетъ государства? Безспорно, они увеличили бы собою—въ лучшемъ случаѣ — ряды «бездомныхъ скитальцевъ», «бюрократическаго пролетаріата», въ худшемъ — толпу той, оторванной отъ земской сословной жизни, «интеллигенціи», того «умственнаго пролетаріата», который является *очагомъ всѣхъ нашихъ новѣйшихъ политическихъ смутъ* *). Дальнѣйшее распространеніе образова-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время петербургская газета склоняется, повидимому, къ нашему мнѣнію. Вотъ, что можно было прочесть въ ней, напечатавъ, въ № 7797 отъ 1 сентября 1897 г. въ статьѣ г. Валентина Горлова, о народномъ образованіи въ Англіи: „Демократическая идея, которая побуждаетъ у насъ, въ Россіи предоставлять высшее образованіе ничего неимущимъ молодымъ людямъ, вызвала бы въ Англіи громкія крики негодованія. Вамъ доказали бы, что вы устраиваете *питомникъ недовольныхъ и даже революціонеровъ*“. О народныхъ школахъ и университетахъ авторъ говоритъ: „превосходство англійской педагогикіи зиждется на томъ, что англичанамъ удалось умѣстить въ тоненькой книжкѣ совокупность всѣхъ свѣдѣній, которыя имъ кажутся строго необходимыми. Это преподносится въ пріятной краткой формѣ. Все излишнее, всякая теорія, не имѣющая непосредственнаго приложенія, все это исключено изъ народной школы. Оно годится только для университетовъ, которыхъ существуетъ два—*исключительно для богатыхъ людей*. Жизнь въ университетахъ очень дорога, и это сдѣлано *нарочно*. Бѣдный если и поступитъ туда, то оставаться тамъ ему будетъ чрезвычайно трудно. Первая забота бѣдняка на англійскій взглядъ, должна быть о насущномъ хлѣбѣ, а для этого вполне достаточно программы начальной школы: читать, писать, считать, умѣть выражаться кратко, нѣкоторыя понятія о гигиенѣ и о своихъ правахъ, а затѣмъ все остальное время—на развитіе силы мускуловъ и укрѣпленіе здоровья ребенка, ибо здоровье есть главнѣйшее условіе при борьбѣ за хлѣбъ, за существованіе. Такой системой воспитанія Англія заняла свое мѣсто во главѣ цивилизаціи“. Къ этому необходимо добавить, что сочувствуя описанной системѣ воспитанія, авторъ рекомендуетъ ее и для Россіи.

нія въ указанномъ направленіи дать государству развѣ только возможность поднять умственный и нравственный уровень чиновничества, улучшить личный составъ судей, слѣдователей, исправниковъ, податныхъ инспекторовъ и даже *назначаемыхъ*, за недостаткомъ мѣстныхъ кандидатовъ, земскихъ начальниковъ, но оно не дастъ крестьянству *настоящихъ земскихъ начальниковъ*, не дастъ сельской и провинціальной жизни тѣхъ земскихъ «людей», тѣхъ «лучшихъ людей», способныхъ «внушить къ себѣ довѣріе народа», которые составляютъ красу населенія и истинную опору общественного порядка.

Петербургскіе публицисты, привыкшіе ни къ селу, ни къ городу соваться со своими жалкими словами о дѣлѣ «такого капитальнаго государственнаго и общественнаго интереса, какъ образованіе», не понимаютъ даже той простой вещи, что «людей» въ смыслѣ цѣлаго высшаго класса населенія, въ смыслѣ цѣлыхъ рядовъ дѣятелей, создаетъ извѣстная соціальная среда съ соотвѣтственнымъ бытовымъ и экономическимъ укладомъ, нравами, обычаями, вѣрованіями, традиціями и завѣтами, скопленными вѣками; что никакими школами такой среды не создать; что если, при современномъ положеніи вещей, среда эта и не дала бы «людей» безъ содѣйствія школы, то все же послѣдняя является лишь однимъ изъ многихъ факторовъ въ ихъ образованіи, а отнюдь не единственнымъ и отнюдь не главнымъ факторомъ: въ до-Петровской Руси и школъ-то никакихъ почти не было, но государственная власть и безъ нихъ умѣла создавать неистощимые разсадники и земскихъ, и служилыхъ «людей»...

ПОМОЩИЧЬЯ УСАДЬБА.

Наши безконечныя разрушенія и ломки.—Закрѣпленная усадьба.

Приверженность къ старинѣ, къ завѣтамъ предковъ, искренній и глубокий консерватизмъ — и какъ инстинктъ, и какъ сознательное направленіе — несомнѣнно составляютъ одну изъ чертъ нашего народнаго характера. Но черта эта до настоящаго времени сохранилась всецѣло только въ простомъ народѣ, да и то не повсемѣстно, а тамъ гдѣ погуще и подальше отъ надвигающейся «цивилизациі». Что же касается верхнихъ, правящихъ слоевъ народа, то эта черта русскаго характера давно уже среди нихъ утратилась и въ значительной мѣрѣ замѣнилась свойствомъ діаметрально противоположнымъ — погоней за всякими новизнами, ненасытною жаждой переменъ, суетнымъ исканіемъ лучшаго на основѣ постоянного недовольства настоящимъ, забвенія прошедшаго и презрѣнія ко всему старому. Эти печальныя черты проявляются у насъ рѣшительно во всемъ: посмотрите какъ слаба у насъ любовь къ памятникамъ старины, какъ плохо мы чтимъ и какъ мало заботимся о могилахъ предковъ, какъ поверхностно знаемъ свою исторію и, главное, какъ легкомысленно всегда готовы разрушать все старое, все существующее во имя неопредѣленныхъ и смутныхъ иллюзій и мечтаній. Посмотрите на наше искусство, отчасти даже на нашу науку, на нашу публицистику, наконецъ, на нашу промышлен-

ность — на примѣръ, сельско-хозяйственную — на наше государственное управленіе, законодательство и т. п. Все это строится точно на пескѣ и первый сильный потокъ модныхъ увлеченій сноситъ почти до основанія все созданное долгими и тяжелыми трудами.

Черту эту вѣрно схватилъ и вдохновенно выразилъ нашъ извѣстный поэтъ М. Дмитріевъ въ своемъ стихотвореніи «Дорога», помѣченномъ еще 1848 годомъ; оно такъ прелестно, такъ забыто, что не грѣхъ привести его цѣликомъ:

„Страна, гдѣ нѣтъ сѣдыхъ развалинъ,

Гдѣ мшистыхъ памятниковъ нѣтъ!

Безъ вдохновенья и печаленъ

Проходитъ даль твою поэтъ.

Въ тебѣ не разрушало время,

Не созидаль за вѣкомъ вѣкъ;

Едва сойдетъ въ могилу племя,

Придетъ — сломаетъ человѣкъ!

Твои безмолвные курганы

Одни о чемъ-то говорятъ.

Но чьи тутъ кости? Чьи же раны

Точили кровь? — они молчатъ.

Страна безмолвная, ужели

Ты вѣки мирно проспала?

О нѣтъ! въ тебѣ мечи звенѣли,

Нѣтъ! ты страдала — ты жила!

Но, можетъ быть, всегда молодая,

Ты возрожденіемъ цвѣтешь

И дѣдовъ слѣдъ съ землей равняя,

Для внуковъ почву бережешь“.

Однимъ изъ самыхъ бѣдственныхъ проявленій этой нашей некультурной русской черты въ новѣйшее время было то, что мы почти уже сравнивали «съ землею» «дѣдовъ слѣдъ» въ видѣ цвѣтущихъ дворянскихъ усадебъ съ садами, парками и хуторами и въ видѣ хозяйствъ стараго хорошаго уклада, питавшихъ эти усадьбы. Теперь, когда

для эпохи, въ которую все это главнымъ образомъ совершилось, почти наступаетъ судъ потомства, теперь уже совершенно ясно, что историческая ошибка при освобожденіи крестьянъ заключалась въ томъ, что государственная мысль была односторонне направлена только къ судьбамъ и интересамъ одного крестьянства и почти не удѣляла своего вниманія къ будущимъ судьбамъ помѣстнаго дворянства. Это было не только въ теченіе краткаго времени законодательной подготовки освобожденія крестьянъ, но и въ ближайшіе и послѣдующіе годы, когда уже вполне обнаружались всѣ промахи и недочеты принятыхъ мѣръ и когда если не все, то еще многое можно было бы исправить. Но все это старое и безвозвратно прошедшее имѣетъ теперь уже только историческій интересъ; трудная же задача настоящаго — отстоять то, что еще осталось и что возможно отстоять въ нашемъ помѣстномъ землевладѣніи и создать такія правовыя нормы, которыя ограждали бы его существованіе, какія бы тяжкія въ экономическомъ отношеніи времена ему ни пришлось переживать въ будущемъ.

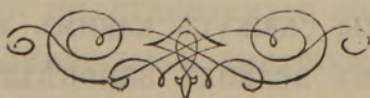
Для того чтобы покончить съ этими дробленіями помѣстій, сопряженными съ разрушеніемъ усадебъ, для того чтобы предотвратить варварскую ломку всего — «едва сойдетъ въ могилу племя», — нѣтъ иного средства, какъ *закрѣпить эти усадьбы* путемъ закона на будущія времена, какъ замкнуть въ извѣстныя территоріальныя рамки помѣщичьи хозяйства, предоставивъ имъ свободно развиваться лишь въ смыслѣ подъема сельскохозяйственной культуры. Ясно, что съ тѣхъ поръ какъ земля послѣ освобожденія крестьянъ была выброшена на рынокъ для совершенно свободнаго и ничѣмъ не стѣсняемаго обмѣна, то оградить ее отъ вліянія экономическихъ кризисовъ и отъ постоянного дробленія и перехода изъ рукъ въ руки, какъ вся-

кая другая собственность, можетъ только учрежденіе въ той или другой формѣ заповѣдныхъ имѣній. Эта идея настолько проста, что безо всякаго сговора и одновременно къ ней обратились и дворянскія общества, и публицистика, и многіе отдѣльные мѣстные дѣятели, посвятившіе свои силы на разработку вопроса о сохраненіи помѣстнаго землевладѣнія. Нѣтъ нужды, что къ этой идеѣ подходили весьма различными путями и что, развивая ее, выводили различныя заключенія о формахъ, которыя должно принять учрежденіе. На эти формы можно смотрѣть какъ на частности. Основная же идея заповѣдныхъ имѣній несомнѣнно имѣетъ у насъ будущее. Только создавъ недѣлимую и неотчуждаемую, по крайней мѣрѣ изъ дворянскаго сословія, помѣщичью усадьбу; только создавъ условія прочности и долговѣчности для цѣнныхъ хозяйственныхъ построекъ, земельныхъ улучшеній, древо и лѣсонасажденій и т. п., мы сдѣлаемъ возможнымъ экономное веденіе сельскохозяйственныхъ предпріятій дворянъ, единственно возможное при современныхъ міровыхъ условіяхъ. Только хозяйства, налаженные рядомъ поколѣній, только хозяйства въ которыхъ наслѣднику въ цѣлости достаются сельскохозяйственныя сооруженія и земельныя улучшенія, давно погашенныя трудомъ его предковъ, только хозяйство въ которомъ и домъ владѣльца, и послѣдняя ограда въ полѣ служатъ ряду поколѣній, еще могутъ давать что-нибудь, еще могутъ выдержать конкуренцію Новаго Свѣта. Только такія же, благоустроенныя рядомъ поколѣній, хозяйства могутъ служить и настоящими дворянскими гнѣздами, и культурными центрами для окружающаго крестьянскаго населенія.

Но, можетъ быть, скажутъ, какимъ же образомъ Новый Свѣтъ обходится безъ всякихъ заповѣдныхъ имѣній и при томъ успѣшно съ нами конкурируетъ на поприщѣ того же сельскаго хозяйства?

Нельзя сказать, чтобы Новый Свѣтъ вполне обходился безъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью закрѣпить отдѣльныя хозяйственныя единицы въ болѣе или менѣе неподвижныя формы. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, на основаніи извѣстнаго *Homestead Act*'а, небольшіе фермерскіе участки также неотчуждаемы изъ владѣній семьи и недѣлимы, т. е. заповѣдны. Но за всѣмъ тѣмъ едва ли правиленъ самый этотъ пріемъ ссылки на порядки совершенно чуждой намъ страны. Если такія ссылки и возможны, то развѣ относительно какихъ нибудь предметовъ матеріальныхъ и при томъ по природѣ своей не имѣющихъ тѣсной связи съ бытовыми, природными, экономическими и др. условіями страны. Можно брать чужую землю въ примѣръ порядка пользованія телефономъ или телеграфомъ, но нельзя рекомендовать пересадить систему землевладѣнія изъ какой нибудь области басковъ въ Калужскую губернію. Формы землевладѣнія слишкомъ тѣсно слиты съ нравами, бытовыми и экономическими особенностями населенія для того, чтобы одинъ народъ могъ заимствовать что-либо у другихъ въ этомъ отношеніи.

Если подъ вліяніемъ глубокихъ перемѣнъ въ направленіи народнаго труда, въ экономической и промышленной жизни страны становится яснымъ и необходимымъ преобразованіе въ системѣ землевладѣнія, то такое преобразованіе должно совершиться на началахъ не заимствованныхъ, а своеобразныхъ и самобытныхъ, назрѣвшихъ въ народной мысли.

ДВОРЯНСКІЕ ПАНСІОНЫ.

Нездоровая атмосфера нашихъ учебныхъ заведеній въ пореформенное время.—Сословныя воспитательныя заведенія.

Первымъ проявленіемъ оживленія самодѣятельности дворянства послѣ летаргическаго сна шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ была забота о сословномъ воспитаніи. Въ началѣ царствованія незабвеннаго Императора Александра III среди нѣсколькихъ дворянскихъ обществъ возродилась мысль о необходимости нѣкотораго обособленія дѣтей дворянъ при воспитаніи ихъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и эта мысль не замедлила воплотиться въ дѣло въ формѣ возродившихся дворянскихъ пансіоновъ при гимназіяхъ *).

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, на нашихъ глазахъ уже неоднократно совершается знаменательное и поучительное явленіе: какъ въ области общественной жизни, такъ и въ области государственнаго управленія намъ приходится возстановлять то, что четверть вѣка тому назадъ такъ без-

*) Въ царствованіе Императора Александра II учрежденъ былъ едва ли не одинъ только пансіонъ-пріютъ Московскаго дворянства, хотя самъ Императоръ относился къ пріюту весьма милостиво. Такъ Александръ II удостоилъ своимъ присутствіемъ открытіе пансіона и при этомъ сказалъ губернскому предводителю дворянства: „вы меня поняли, вы стали во главѣ полезнаго и добраго дѣла“. (Москов. Вѣд., № 21, 1893 года).

жалостно разрушалось. Точно ураганъ прошелъ по русской землѣ, ломая и вырывая съ корнемъ все, что не гнулось передъ демократическимъ Бореємъ, уничтожавшимъ созданное, хоть и не богатой, но своеобразной культурной жизнью прежняго времени.

Какъ степной пожаръ, пожирающій безъ разбора и полезныя и сорныя травы, ликующій «прогрессъ» шестидесятыхъ годовъ, на ряду съ ветхими и отжившими формами, не пощадилъ почти ничего, что носило на себѣ слѣды установившагося быта, сословности и историческихъ традицій. Огульно все старое вдругъ сдѣлалось дурно, огульно все новое—хорошо. Подъ лукавымъ знаменемъ «сближенія сословій» демократическое «равненіе» вершило свою революціонную работу, не сближая, а разрушая наши историческіе бытовые союзы и ломая и безъ того не высокія сословныя перегородки. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій этого разрушенія было избрано народное просвѣщеніе, всенивеллирующая школа.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ едва ли не при всѣхъ гимназіяхъ существовали дворянскіе пансіоны, давшіе воспитаніе и образованіе многимъ поколѣніямъ дворянъ, изъ среды которыхъ вышло столько дѣятелей на поприщѣ государственной службы, науки и литературы, дѣятелей, составляющихъ славу и гордость всего народа. Единственный неисправимый недостатокъ этихъ интернатовъ былъ тотъ, что они были дворянскіе. По тѣмъ временамъ это было хуже всего, это былъ настоящій порокъ. Правда, въ нихъ бесплатно воспитывались дѣти обѣднѣвшихъ дворянскихъ семей; правда, пансіоны были такъ необходимы для дворянъ средняго достатка, не имѣвшихъ состоянія переѣзжать по зимамъ въ города, предоставляя возможность родителямъ, за весьма умѣренную плату, давать дѣтямъ воспитаніе, вполне соотвѣтствующее ихъ происхо-

жденію и общественному положенію: дворянинъ-отецъ, отдавая сыновей своихъ въ пансіонъ, могъ всегда разсчитывать, что они будутъ расти въ средѣ имъ родной и близкой. Но что значили эти практическія соображенія передъ «прогрессивными» вѣяніями, заботливо оберегавшими молодое поколѣніе дворянъ отъ «сословныхъ предразсудковъ» и дворянскихъ традицій? Въ современной печати велась правильная атака противъ системы закрытыхъ учебныхъ заведеній, причемъ въ числѣ доводовъ приводилась непригодность ея въ чисто воспитательномъ отношеніи. Но въ «свободной прессѣ» того времени—увы! такъ же, какъ и нынѣ—въ высказываемыхъ доводахъ всегда слѣдуетъ различать замаскированные мотивы: закрытыя учебныя заведенія были ненавистны тогдашней «передовой» публицистикѣ какъ потому, что всѣ они были сословныя, такъ и потому, что въ нихъ могъ быть дѣятельнѣе надзоръ правительства надъ направленіемъ, въ которомъ воспитывалась молодежь. И вотъ пансіоны повсемѣстно были закрыты, имущество ихъ распродано, дворянскіе бесплатные пансіонеры обращены въ стипендіатовъ и наравнѣ съ бывшими своекоштными пансіонерами разсѣялись по вполнѣ безпризорнымъ въ то время городскимъ «квартирамъ». Дѣти дворянъ селились вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ вчерашнихъ поваровъ и лакеевъ—какой же еще нужно было демократизаціи?

Эта «благодѣтельная реформа», какъ тогда выражались, попала прямо въ цѣль. Безспорно, что въ этихъ именно «квартирахъ» слѣдуетъ искать первыя корневые нити того революціоннаго растенія, которое къ концу прошлаго царствованія распустилось такимъ пышнымъ и ядовитымъ цвѣткомъ. Разбросанныя по глухимъ закоулкамъ губернскихъ городовъ, лишеныя всякаго воспитательнаго надзора и вліянія семьи, эти «квартиры» служили готовой западной

для юношества и ареной воздѣйствія на него всякихъ «передовыхъ» людей и «развивателей». Юноши, даже дѣти, воспитывались въ нихъ не въ традиціяхъ религіи, преданности престолу и долгу, а на «свѣтлыхъ убѣжденіяхъ» Чернышевскаго, Писарева и Ткачева, да на тенденціозныхъ романахъ «Слова» и «Дѣла», писанныхъ съ исключительною цѣлію пропаганды. Изъ здоровой и трезвой атмосферы помѣщичьей семьи дворянская молодежь прямо попадала въ грубую среду разночинства, смѣшивалась и терялась въ нахлынувшей въ гимназіи толпѣ якобы томимыхъ «жаждою свѣта» подростковъ изъ податныхъ сословій, мелкаго чиновничества, духовенства и т. п. Нравственный уровень и основныя гражданскія понятія и стремленія у этихъ «дѣтей» не могли быть иными, чѣмъ у ихъ «отцовъ», у «разночинства», столь благозвучно именуемаго нынѣ «интеллигенціею». Образуюсь изъ отбросовъ изъ всѣхъ сословій, не нашедшихъ себѣ мѣста среди нормальной жизни бытовыхъ группъ или исторгнутыхъ изъ нихъ, «разночинство» представляло изъ себя готовую почву для какихъ угодно политическихъ насажденій. Безъ заслугъ и преданій въ прошломъ, безъ устойчивыхъ бытовыхъ связей съ сословной Россіей, этому зарождающемуся умственному пролетариату нечего было терять и можно было лишь выиграть. Русскій рядовой человѣкъ не честолюбивъ: тихую сословную жизнь онъ предпочитаетъ искательствамъ власти; дворянство, побуждаемое служить и традиціями и закономъ, обыкновенно не простирало своихъ честолюбивыхъ стремленій дальше штабъ-ротмистрскаго чина. Наоборотъ, неопредѣленное, беспочвенное положеніе разночинца среди сословій пріучило его къ властолюбивымъ мечтаніямъ и авантюрамъ; это честолюбецъ *par excellence*. Реформы прошлаго царствованія и въ особенности демократизація школы открыли для него новую эру. Задрапи-

ровавшись въ эффе́ктную тогу «высокаго стремленія къ наукѣ и просвѣщенію» и прикрывая ея самыя прозаическія и низменныя влеченія къ властвованію, вліянію и богатству, разночинецъ овладѣлъ школой, наводнилъ ее и воцарился во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ. Направленіе и духъ школьнаго міра зависѣли отъ него и могли состоять лишь въ одномъ — въ безпощадномъ разрушеніи всего стараго и бытоваго и въ холопскомъ преклопеніи передъ послѣднимъ горячечнымъ бредомъ западно-европейской политической мысли. Наши «молодые поколѣнія» чуть не съ приготовительнаго класса гимназіи входили въ атмосферу, уже насыщенную и отравленную міазмами либерализма, радикализма, соціализма и, наконецъ, анархизма.

Нельзя сказать, чтобы правительство не принимало со своей стороны никакихъ мѣръ. «Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества», говорилось въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя комитета Министровъ кн. Гагарина отъ 13 мая 1866 года. «Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа».

Но, какъ это вполнѣ ясно показали шестидесятые и семидесятые годы, эти мѣры были совершенно недостаточны. Дворянскія дѣти, воспитанныя дома въ иныхъ традиціяхъ, разъединенныя и лишенныя опоры родительскаго вліянія, не могли, конечно, оказать никакого противодѣй-

ствія бурному потоку новыхъ идей и уносились общимъ теченіемъ. Въ такой политической атмосферѣ выросло нѣсколько поколѣній дворянъ и обстоятельство это имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ фактомъ, что среди осужденныхъ по политическимъ дѣламъ въ послѣднюю четверть вѣка было не мало также и представителей этого сословія; этимъ же объясняется и легкомысленное политиканство нѣсколькихъ дворянскихъ собраній въ началѣ текущаго царствованія и недружелюбное отношеніе нѣкоторой,—правда, весьма незначительной — части дворянъ къ реформѣ 12-го іюля 1889 г., и тотъ духъ общедоступнаго, дешеваго, пошлаго либерализма, который въ настоящее время—увы!—не рѣдкость встрѣтить даже въ коренныхъ и старинныхъ нашихъ дворянскихъ домахъ.

Такое положеніе дѣлъ давно уже стало обращать на себя вниманіе какъ правительства, такъ и самого дворянства. Съ конца прошлаго царствованія мы видимъ попытки дворянства къ возстановленію своихъ сословныхъ пансіоновъ. Правительство, со своей стороны, принимаетъ мѣры къ ограниченію крайней демократизаціи школы вообще. Такъ, извѣстный циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія 1887 г. указываетъ на вредъ, происходящій отъ переполненія гимназій недостаточно обеспеченными и подготовленными дѣтьми изъ низшихъ слоевъ общества. Этимъ циркуляромъ впервые, откровенно и авторитетно, была высказана та простая и здравая мысль, что «кухаркинъ сынъ», этотъ герой «скорбныхъ» поэмъ и романовъ «съ начинкой», съ гораздо большей пользой для себя и для общества можетъ сдѣлаться хорошимъ поваромъ или рабочимъ, чѣмъ стремиться посредствомъ не-

посильнаго ему образованія во что-бы то ни стало стать баринѣмъ, хотя-бы цѣною мученическаго труда, униженій, пронырства и потери здоровья. Въ этомъ же 1887 году саратовское дворянство рѣшило открыть въ своемъ губернскомъ городѣ сословный пансіонъ-пріютъ, находя, что существующія учебныя заведенія слишкомъ общедоступны для дѣтей всѣхъ сословій. По мнѣнію большинства собранія, состоявшаго изъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ присутствовавшихъ дворянъ, эта «всесословность оказываетъ *развращающее вліяніе* на дѣтей-дворянъ, которыя за время своего пребывания въ гимназій и реальномъ училищѣ *забываютъ исконныя традиціи своихъ отцовъ* и выходятъ изъ школы далеко не тѣмъ, чѣмъ ихъ желательно было-бы видѣть». Подобныя же постановленія были сдѣланы и другими дворянствами, но приведенное выше представляется наиболѣе замѣчательнымъ, такъ какъ прямо и откровенно ставить вопросъ на надлежащую почву, безъ ложной стыдливости «отсталости» и «ретроградства», какъ то нерѣдко бывало даже и среди дворянскихъ собраній.

Воспитаніе и образованіе дѣтей, соотвѣтственное сословному положенію — тяжкое бремя, несомое нашимъ дворянствомъ. И разъ признается государственное значеніе сословія, это бремя нельзя разсматривать иначе, какъ особаго рода повинность передъ страной. Русскій дворянинъ *долженъ* дать своему сыну воспитаніе и образованіе довольно высокаго уровня, такъ какъ безъ этого молодой дворянинъ не будетъ годенъ для той служилой роли, которая ему предназначается сословнымъ строемъ общества. Съ этимъ требованіемъ совпадаютъ и вѣковые обычаи, и преданія сословія, какъ носителя культурныхъ началъ и передоваго двигателя истиннаго просвѣщенія, науки и искусства, и самыя насущныя потребности его отдѣльныхъ членовъ. Не имѣтъ возможности дать обра-

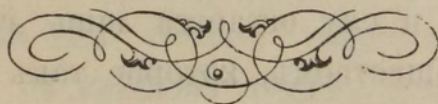
зование своимъ дѣтямъ—это несчастье, бѣда, горе дворянской семьи. Потребность образованія обратилась въ сословный инстинктъ, заставляющій страдать отъ его неудовлетворенія. Кто не знаетъ примѣровъ, когда заботы о образованіи дѣтей, при многочисленности семьи, были первымъ шагомъ къ разоренію стариннаго рода? Кто не знаетъ, сколько имѣній заложено исключительно для содержанія дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ? И эта повинность съ каждымъ годомъ становится все дороже и тягостнѣе, въ особенности для дворянъ, вынужденныхъ жить по деревнямъ и отдѣльно отъ себя содержать дѣтей въ городахъ. Въ 10—12 лѣтъ крестьянскій мальчикъ уже помощникъ отцу; въ томъ же возрастѣ въ семьѣ дворянина дѣти едва лишь вступаютъ въ періодъ безконечныхъ и крупныхъ расходовъ на свое образованіе.

Въ происходящемъ нынѣ *) московскомъ дворянскомъ собраніи выяснилось, что состояніе мѣстнаго дворянскаго пансіона оставляетъ желать лучшаго. Какъ устранить существующіе недостатки—это дѣло отчасти спеціалистовъ педагоговъ, а главнымъ образомъ самихъ хозяевъ пансіона. Желательно лишь одно, чтобы встрѣтившіяся частныя неудачи не ослабили рѣшимости дворянъ имѣть особыя сословныя воспитательныя заведенія, чтобы пансіоны-пріюты были открыты во всѣхъ дворянскихъ губерніяхъ и, какъ то было нѣкогда, взяты подъ особое попечительство учебного вѣдомства, какъ учрежденія полезныя, не только для отдѣльнаго сословія, но и для всего государства. Такая поддержка со стороны правительства теперь была-бы уместнѣе, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ, говоря словами г. Д. Н. Шипова въ московскомъ дворянскомъ собраніи, «всѣ реформы настоящаго **)

*) Писано въ началѣ 1893 года.

**) Нынѣ уже прошлаго.

царствованія клонятся къ тому, чтобы расширить вліяніе дворянства въ *уѣздахъ* и такъ какъ «дворянамъ, обязаннымъ жить въ деревнѣ, слѣдуетъ дать возможность воспитывать своихъ дѣтей вдали отъ себя» — «въ надежныхъ учрежденіяхъ».

БЕЗВРЕМЯНІЕ ПОМѢСТНАГО ДВОРЯНСТВА.

Современное аномальное положеніе дворянства.—Жизненность сословія и внѣшнія причины его временнаго упадка.

«Дворянство отжило свой вѣкъ, у дворянства, съ освобожденіемъ крестьянъ, не осталось никакихъ правъ на существованіе, какъ у отдѣльнаго самостоятельнаго сословія, имѣющаго свое особое государственное назначеніе; его пѣсня спѣта и ему остается лишь слиться съ тѣмъ безсословнымъ обществомъ, которое такъ усиленно стремились создать всѣ реформы прошлаго царствованія». Вотъ что слышимъ мы уже четверть вѣка, вотъ что сдѣлалось ходячимъ мнѣніемъ, и вотъ что открыто исповѣдуются даже многими изъ представителей самого сословія, о которомъ идетъ рѣчь.

И дѣйствительно, вся исторія нашей внутренней жизни послѣ 19 февраля какъ бы наглядно подтверждала такой взглядъ длиннымъ рядомъ послѣдовательныхъ фактовъ, цѣлою картиною постепеннаго упадка и дезорганизаціи высшаго служилаго сословія. Общее разстройство экономическаго быта, небывалый раньше абсентеизмъ, быстро прогрессирующая ликвидація земельной собственности, умственная рознь, ослабленіе сословной солидарности, пониженіе уровня нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ (замѣчаемое, впрочемъ, во всѣхъ слояхъ современнаго общества), болѣе или менѣе значительная утра-

та первенствующаго положенія въ мѣстномъ обществѣ и даже нерѣдко забвеніе лучшихъ завѣтовъ сословія, — вотъ печальныя и — увы! — неоспоримыя черты послѣреформеннаго періода въ исторіи нашего помѣстнаго дворянства.

Да, всѣ эти факты нельзя не признать симптомами внушающими серіозныя опасенія за самое существованіе стариннаго, исторически сложившагося, сословія. Но какова природа этого угрожающаго положенія? Есть ли это естественное разложеніе организма, въ которомъ неудержимо гаснетъ жизненная энергія, который изжилъ свой вѣкъ и вступилъ въ возрастъ старческой дряхлости, — или это лишь временное аномальное состояніе, переходящая болѣзнь здороваго и жизнеспособнаго тѣла, болѣзнь, причины которой понятны и у всѣхъ на виду?

Теперь, когда всѣ событія царствованія Императора Александра II съ каждымъ годомъ отходятъ все дальше и дальше въ глубь прошлаго, занимая свое мѣсто въ общей исторической перспективѣ, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ уже не можетъ вкрасться никакое сомнѣніе: нѣтъ, ничто не даетъ намъ права говорить ни о «разложеніи», ни о какомъ-либо роковомъ, неисцѣлимомъ недугѣ; наоборотъ, какъ время обнаруженія разстройства правильной жизни сословія, такъ и обстоятельства ему предшествовавшія представляютъ полную картину и ясныхъ причинъ, и очевидныхъ послѣдствій.

Нѣтъ и не можетъ быть рѣчи ни объ упадкѣ, ни о дезорганизаціи, ни о неспособности къ выполненію государственнаго назначенія дворянства въ эпоху освобожденія крестьянъ. Наоборотъ, самое осуществленіе этой реформы было дѣломъ, главнымъ образомъ, дворянства,

именно она дала ему возможность проявить такія здоровыя силы, такую энергію, самопожертвованіе и беззавѣтную покорность велѣніямъ Верховной Власти, что едвали возможно серьезно говорить объ упадкѣ нашего служилаго класса *въ то время*.

Всѣ перечисленные выше печальные признаки аномальнаго состоянія стали появляться лишь послѣ дальнѣйшихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, систематически проводившихъ принципы политическаго равенства и безсословности и вездѣ, гдѣ только можно было, уничтожавшихъ сословныя особенности, сословный духъ и сословную жизнь.

Начиная съ Положенія 19 февраля всѣ преобразованія были совершены съ сознательнымъ игнорированіемъ интересовъ помѣстнаго дворянства, ставшаго на то время какъ бы пасынкомъ государственной власти, который все снесетъ и которому все хорошо. Вопреки всѣмъ предварительнымъ планамъ, освобожденіе крестьянъ въ дѣйствительности совершилось почти безо всякаго переходнаго періода, необходимость котораго признавалъ даже такой горячій и передовой инициаторъ эманципаціи, какъ Ю. О. Самаринъ, и который былъ нуженъ именно для того чтобы внезапнымъ разрывомъ всѣхъ прежнихъ связей не расщатать быта всего сельскаго населенія. Но этого мало: пусть бы на смѣну слагавшихся вѣками правъ явились новыя взаимоотношенія между вполне свободными гражданами. Но развѣ эти взаимоотношенія требовали непременно необезпеченности собственности, а нерѣдко и личности, и невозможности гражданскихъ договоровъ? Между тѣмъ государственная власть въ тѣ времена не позаботилась оградить наше помѣстное сословіе даже и въ этомъ отношеніи.

Въ области вольнонаемнаго земледѣльческаго труда—

этой основы всего нашего новаго экономического быта— у насъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка господствовалъ «невообразимый, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ невиданный хаосъ» *), у насъ не было житья въ деревнѣ отъ потравъ, лѣсныхъ порубокъ, конокрадства, поджоговъ, коллективныхъ преступленій и т. п. условій новѣйшаго сельскаго хозяйства. И на всѣ жалобы и вопли какъ помѣщиковъ, такъ и общественныхъ собраній и сельскохозяйственныхъ обществъ, указывавшихъ на это страшное соціальное зло,— раздавались лишь хохотъ и брань разнузданной печати, видѣвшей въ жалобахъ на это явное зло только «ретроградство» и «крѣпостническія стремленія»...

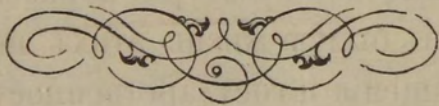
Поѣзжайте по Россіи, въ глубь страны въ любомъ направленіи, по любой дорогѣ. Взгляните на эти опустѣлыя усадьбы съ полуразрушенными постройками, на заглохшіе сады и поля, на вырубленные парки и лѣса, на высохшіе пруды съ развалинами мельницъ, эти быстро исчезающіе памятники нѣкогда высокой культуры; поразспросите старожилъ, вникните въ былую жизнь этихъ недавнихъ малыхъ центровъ просвѣщенія и государственности и въ превратныхъ судьбы ихъ исконныхъ владѣльцевъ,—и предъ вами встанетъ живая и яркая картина дворянскихъ невгодъ и злосчастій, вы убѣдитесь сколько трудовъ, заботъ и поистинѣ героическихъ усилій было безплодно потрачено въ тяжелой, неравной борьбѣ съ цѣлою совокупностью невозможныхъ и невыномыхъ условій пореформеннаго быта, сколько честныхъ семей пошло по міру и сколько горя избыто въ тщетной надеждѣ отстоять отчій кровь и родной уголь...

Нѣтъ, не на мысль о болѣзненномъ разложеніи наводятъ насъ послѣднія страницы исторіи нашего высшаго государственнаго сословія. Мы болѣе склонны удивляться

*) *Вѣстникъ Европы*, 1879 г. № 5, ст. г. В. Назарьева.

его жизненности, его способности столь долго терпѣть и бороться съ самыми неблагоприятными теченіями, его приверженности къ исконному занятію, его любви къ своему краю, къ своему уѣзду, къ своимъ усадьбамъ. Эти драгоценныя свойства поддерживали сословіе до сихъ поръ, и—мы вѣримъ—поддержать его и до лучшихъ временъ.

Да, если ужъ говорить о недугахъ помѣстнаго дворянства и объ его близкой смерти—о чемъ такъ любить распространяться извѣстная часть печати и общества —, то справедливость требуетъ прибавить, что эта смерть во всякомъ случаѣ не будетъ естественною...

НѢСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ

Подведемъ нѣкоторые итоги, вытекающіе изъ сказаннаго нами въ рядѣ, помѣщенныхъ выше, статей по дворянскому вопросу.

Россіи истекающаго девятнадцатаго столѣтія въ наслѣдіе отъ древнихъ временъ досталось одно изъ суровыхъ, грубыхъ и жестокихъ учрежденій стараго гражданскаго и экономическаго быта — крѣпостное право. Тяжелымъ гнетомъ лежало оно надъ страной, сковывая всѣ движенія народной жизни, подавляя развитіе государственнаго организма и кладя на все отпечатокъ костности и мертвенности. Къ началу второй половины текущаго вѣка дѣло отмѣны этого учрежденія очевидно приспѣло, — и кто не преклонится предъ величіемъ подвига Императора Александра II, подъявшаго на себя бремя развязки узъ, скрѣпившихся въ теченіе столькихъ временъ?

Задача предстояла громадная. Дѣло шло не только объ уничтоженіи права пустившаго глубокіе корни, но также и о цѣломъ рядѣ измѣненій въ области управленія, неизбежно требовавшихся обновленіемъ всего соціальнаго строя. Освобожденное сельское населеніе нуждалось въ новомъ административномъ устройствѣ, уѣзды и области — въ болѣе совершенной системѣ мѣстнаго управленія и суда. Отсюда возникаетъ тѣсная связь между отмѣной

крѣпостнаго права и послѣдующими реформами минувшаго царствованія, и для уясненія вліянія на судьбы нашего отечества ихъ нельзя разсматривать иначе какъ въ совокупности.

Высоко цѣня истинныя заслуги всѣхъ, и бѣльшихъ и меньшихъ, дѣятелей этихъ реформъ, мы, отстоящіе отъ нихъ почти на протяженіе времени, съ котораго уже начинается судъ исторіи, не можемъ не видѣть того, чего не видѣли — отчасти не могли, отчасти не хотѣли видѣть — ихъ современники. Сквозь поэтическую дымку, окутывающую всѣ событія великой исторической важности, мы уже различаемъ то, что оправдывалось назрѣвшею народною потребностію отъ того, что было результатомъ личныхъ и общественныхъ увлеченій. Не для того чтобы разжигать страсти, вина и коря сошедшихъ со сцены дѣятелей, но въ поученіе и руководство для настоящаго и будущаго, необходимо отдѣлять въ реформахъ шестидесятыхъ годовъ ошибочное и ложное отъ полезнаго и добраго.

Насколько была необходима, насколько вызывалась назрѣвшею потребностію собственно отмѣна крѣпостнаго права, настолько же *не были необходимы*, настолько же не вызывались никакою дѣйствительною потребностію, настолько же были вредны и губительны, какъ насильственное разрушеніе нашего сословнаго государственнаго строя, такъ и замѣна его почти вполнѣ нивелированной въ политическомъ отношеніи массою безсословнаго «народа», съ плохо и не умно перенятыми у другихъ совершенно искусственными учрежденіями и порядками.

Упадокъ дворянства какъ въ матеріальномъ, такъ и въ иныхъ отношеніяхъ и былъ прямымъ и естественнымъ результатомъ этого разрушенія, — ибо всякое насильственное «равненіе» совершается не поднятіемъ низшихъ до

высшихъ, а наоборотъ, приниженіемъ высшихъ до низшихъ.

Во все продолженіе минувшаго царствованія дворянство переносило единственно лишь удары и невзгоды — и въ экономическомъ быту, и въ политическомъ значеніи — и не могло достигъ удовлетворенія ни одной изъ своихъ самыхъ насущныхъ нуждъ, — въ родѣ, на примѣръ, упорядоченія сельскаго быта, — единственно потому, что такое удовлетвореніе шло въ разрѣзъ съ демократическимъ направленіемъ того времени. Всѣ это прекрасно помнятъ, всѣ это знаютъ, — и, тѣмъ не менѣе, по какой-то непостижимой абераціи мысли, и теперь еще находятся люди глубокомысленно доискивающіеся подлинныхъ причинъ упадка и обѣднѣнія сословія...

Обезземеленіе дворянства нельзя разсматривать какъ отдѣльное и самостоятельное явленіе жизни сословія. Оно есть лишь результатъ и симптомъ явленія болѣе широкаго и общаго — дезорганизаціи государственно-бытоваго союза, — дезорганизаціи, явившейся слѣдствіемъ какъ бы признанія государственною властью ненужности этого союза и слѣдствіемъ политики, вытекавшей изъ такого признанія. Вотъ въ чемъ сущность и дворянскаго вопроса вообще, и вопроса о дворянскомъ землевладѣніи въ частности, и въ этомъ слѣдуетъ искать ключа къ ихъ разрѣшенію.

Для того чтобы дворянство возродилось и стало такою же народною силой, какою оно было и въ дореформенную эпоху, надлежитъ прежде всего навсегда отказаться отъ злосчастной идеи созиданія нашей культуры и государственности на демократической основѣ всеобщаго равенства или безсословности. Логическимъ слѣдствіемъ этого были бы не только невозможность дальнѣйшаго разрушенія сословной жизни и ея особенностей, но и воз-

становленіе того, что было разрушено въ недалекомъ прошломъ, то-есть возвращеніе дворянству его государственнаго значенія, какъ высшаго служилаго сословія, и забота объ его благосостояніи въ той же мѣрѣ, какъ и о благосостояніи другихъ сословій. Этимъ была бы уже сдѣлана большая часть дѣла, такъ какъ, конечно, дворянство клонится къ упадку во всѣхъ отношеніяхъ не потому что нѣтъ средствъ остановить его матеріальное и духовное оскудѣніе, а потому что нѣтъ глубокаго и сильнаго сознанія необходимости этого сословія и важной роли его въ судьбахъ народа. А затѣмъ—затѣмъ время и обстоятельства указали бы что дѣлать... Современная жизнь такъ сложна и правительству приходится отзываться на такое множество событій и дѣлъ текущаго интереса, что преобразованія первостепенной важности, но не имѣющія за себя безусловной спѣшности, волей-неволей откладываются въ долгій ящикъ. Не по такой ли же причинѣ столь медленно назрѣваетъ вопросъ о мѣрахъ противъ дворянскаго обезземеленія, противъ обѣднѣнія и упадка дворянскаго сословія и т. д. и въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшительно двинуть его впередъ и утвердить силой коренныхъ, неизмѣнныхъ законовъ требуемое ходомъ и условіями русской государственной жизни?

Но какъ бы то ни было, сколько бы мы ни откладывали разрѣшеніе самаго важнаго и насущнаго вопроса нашей внутренней жизни—оставить ли намъ безъ исправленія и возстановленія тѣ разрушенія, которыя сдѣланы въ нашемъ сословномъ строѣ подъ вліяніемъ демократическихъ идей въ запрошлое царствованіе,—намъ, такъ или иначе, рано или поздно, придется взяться за эту задачу. Разница лишь въ томъ, что въ настоящее время наше помѣстное дворянство, какъ сословіе, еще существуетъ,

хотя и находится въ состояніи разстройства и упадка. Мало того, фактически оно по преимуществу продолжаетъ быть и служилымъ сословіемъ, насколько это возможно при настоящемъ его положеніи. Всѣмъ этимъ упрощается и облегчается дѣло возвращенія къ нашему исконному соціальному строю. Но каждый уходящій годъ раздумья и колебаній, каждая разоренная и покинутая дворянская усадьба принесутъ новыя и новыя трудности и препоны.

Ипполитъ Тэнъ въ предисловіи ко II-му тому своего изслѣдованія о «Происхожденіи современной Франціи» говоритъ *), что изучая эпоху революціи, онъ нашелъ въ ней только одинъ политическій принципъ, «столь простой, что онъ можетъ показаться чѣмъ-то ребяческимъ», а именно: «*Une société humaine, surtout une société moderne, est une chose vaste et compliquée. Par suite, il est difficile de la connaître et de la comprendre. C'est pourquoi il est difficile de la bien manier. Il suit de là qu'un esprit cultivé en est plus capable qu'un esprit inculte, et un homme spécial, qu'un homme qui ne l'est pas. De ces deux dernières vérités naissent beaucoup d'autres conséquences; si le lecteur daigne y réfléchir, il n'aura pas de peine à les dé mêler*» **).

Русское дворянство и есть именно собраніе тѣхъ людей

*) См. La revolution, t. II, Préface, p. I.

**) „Человѣческое общество, въ особенности современное, есть что обширное и сложное. Отъ этого его трудно познать и понять. Вотъ почему имъ трудно хорошо управлять. Отсюда слѣдуетъ, что на это болѣе способенъ умъ культивированный, чѣмъ некультивированный и человѣкъ, обладающій особыми умѣньями, чѣмъ человѣкъ ими не обладающій. Изъ этихъ двухъ истинъ истекаетъ много другихъ послѣдствій; читателю не трудно будетъ ихъ вывести, если онъ удостоитъ объ этомъ подумать“.

съ «культивированнымъ умомъ» и съ особыми, спеціальными умѣньями и навыками, какія признаются авторомъ наиболѣе способными къ дѣлу управленія современными обширными и сложными человѣческими обществами, которыя «такъ трудно познать, и такъ трудно понять».

Мы лично не можемъ представить себѣ русскую самодержавную монархію иначе, какъ покоящуюся на твердыхъ устояхъ сословнаго строя; мы твердо убѣждены въ необходимости, въ неизбѣжности рѣшительнаго къ нему возвращенія; мало того, мы даже думаемъ, что еслибы всему высшему служилому сословію нашему суждено было раствориться безъ остатка въ массѣ безсословнаго народа, то такое же точно сословіе пришлось бы затѣмъ создавать вновь... Но мы не можемъ пожелать этого нашему отечеству; это значило бы пожелать ему возвратиться вспять по пути національнаго культурно-историческаго развитія, для того чтобы переживать уже изжитое и вновь создавать безумно разрушенное.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продается
брошюра ТОГО ЖЕ АВТОРА:

НА ПРАЗДНИКЪ ФРАНЦІИ.

Наброски туриста.

Содержаніе: I. Поѣздка въ Шербургъ. II. Въѣздъ въ Парижъ. III. День второй. IV. Въ Парижѣ и въ Версали. V. Шалонскій смотръ.

Москва, 1897 г. Цѣна 40 коп.

Въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ и въ кн. маг. *Новаго Времени* продаются немногіе оставшіеся экземпляры брошюры:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ ВРЕМЕНИ.

Психологическій этюдъ.

М. Гюйо.

Переводъ съ французскаго А. И. Е—ва. 1891. Цѣна 75 коп.

Складъ вышеозначенныхъ изданій А. И. Елишева: Москва, Спирidonовка, Ермолаевскій пер., д. Мосоловой, кв. 4.

Выписывающіе изъ склада *за пересылку* не платятъ. Всѣ книги высылаются складомъ за 2 руб.

Цѣна 1 рубль.

А. И.
Елишев

ДВОРЯНСТВО.
СКОНД.

Цѣна
1 руб.